

ISSN 2227-1538
eISSN 2307-4590

ЦИФРОВАЯ МОЛОДЕЖЬ, НОВЫЕ ВЕКТОРЫ ПОЛИТИКИ

А.В. Соколов, Д.А. Васильева

ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНЧЕСТВОМ КОНТЕНТА
ПОЛИТИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Е.Н. Малик, Т.А. Кудинова, М.В. Шедий

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК АГЕНТЫ ИНТЕРНЕТИЗАЦИИ
МОЛОДЕЖИ

П.А. Меркулов, Е.А. Тюрин, Е.Н. Савинова

ПОЛИТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ
МОЛОДЕЖИ В ШОТЛАНДИИ

И.В. Самаркина, Д.П. Колозов, В.Р. Ермакова

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ
РАСШИРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

<p>Главный редактор</p> <p>ШУМИЛОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук, доцент</p> <p>Зам. главного редактора</p> <p>СКОВИКОВ Алексей Константинович кандидат политических наук, доцент</p> <p>Ответственный секретарь</p> <p>НИКИФОРОВА Ирина Владимировна</p> <p>Перевод</p> <p>ОРЛОВА Елена Геннадьевна</p> <p>Учредитель / Издатель</p> <p>НИИ общественных и политических наук</p>	<p style="text-align: right;">16+</p> <p>Научная редакция</p> <p>ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич кандидат философских наук, доцент</p> <p>ЗЛАТАНОВ Благой Георгиев кандидат философских наук, доцент</p> <p>КАСИМОВ Евгений Витальевич кандидат исторических наук, доцент</p> <p>АРУТЮНОВ Антон Георгиевич научный сотрудник</p>
<p>Председатель Редколлегии номера</p> <p>СОКОЛОВ Александр Владимирович доктор политических наук</p> <p>Редакционная коллегия</p> <p>АЛЕКСЕЕВ С.В. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань)</p> <p>БОРЩЕВСКИЙ Г.А. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>БРОННИКОВ И.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно)</p> <p>ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ИЛЬМАРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин)</p> <p>КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван)</p> <p>КОЗЛОВА Н.Н. доктор политических наук, профессор (Тверь)</p> <p>КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)</p> <p>ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва), доктор политики, PhD (Манчестер)</p> <p>ЛЕОНТЬЕВА О.В. – кандидат политических наук, доцент (Тирасполь)</p>	<p>МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)</p> <p>НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы)</p> <p>ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва)</p> <p>ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага)</p> <p>СЕРГЕВНИН В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб)</p> <p>СКИПЕРСКИХ А.В. – доктор политических наук, профессор (Елец)</p> <p>СОКОЛОВ А.В. – доктор политических наук, доцент (Ярославль)</p> <p>ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва)</p> <p>ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул)</p> <p>ШИРОКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)</p> <p>ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор, (Симферополь)</p>

<p>Editor in Chief</p> <p>SHUMILOV Andrei</p> <p>Executive Secretary</p> <p>NIKIFOROVA Irina</p> <p>Translate</p> <p>ORLOVA Elena</p> <p>Design</p> <p>PAVLUNIN Dmitriy</p>	<p>Deputy Editor</p> <p>SKOVIKOV Alexey</p> <p>Editors</p> <p>EFREMOV Oleg</p> <p>ZLATANOV Blagoy</p> <p>KASIMOV Evgeniy</p> <p>ARUTYUNOV Anton</p> <p>Publisher</p> <p>Institute of Social and Political Sciences</p>
<p>Chairman of the Editorial board</p> <p>SKIPERSKIH Aleksander Prof.</p> <p>Editorial Board</p> <p>ALEKSEEV S. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>BOLSHAKOV A. Prof. (Kazan)</p> <p>BORSHCHEVSKY G. Prof. (Moscow)</p> <p>BRONNIKOV I. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>VATYL V. Prof. (Grodno)</p> <p>GRISHIN O. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>ILMJARV M. PhD (Tallinn)</p> <p>HORINA G. Prof. (Moscow)</p> <p>KAPITSYN V. Prof. (Moscow)</p> <p>KERYAN G. Prof. (Yerevan)</p> <p>KURILLA I. Prof. (Saint-Petersburg)</p> <p>LEONTIEVA O. Assoc. Prof. (Tiraspol)</p>	<p>LEDYAEV V. Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow)</p> <p>MINEEVA E. Prof. (Cheboksary)</p> <p>NASIMOVA G. Prof. (Almaty)</p> <p>OMELCHENKO N. Prof. (Moscow)</p> <p>PASTUHOVA L. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>PROROK V. PhD (Prague)</p> <p>SERGEVNIN V. Prof. (Macomb)</p> <p>SKIPERSKIH A. Prof. (Yelets)</p> <p>SHIROKOV O. Prof. (Cheboksary)</p> <p>SOKOLOV A. Assoc. Prof. (Yaroslavl)</p> <p>TUROVSKY R. Prof. (Moscow)</p> <p>CHERNYSHOV Y. Prof. (Barnaul)</p> <p>YURCHENKO S. Prof. (Simferopol)</p>

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИФРОВАЯ МОЛОДЕЖЬ, НОВЫЕ ВЕКТОРЫ ПОЛИТИКИ

А.В. Соколов, Д.А. Васильева

ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНЧЕСТВОМ КОНТЕНТА ПОЛИТИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ
В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»:
ВЕДУЩИЕ СТИМУЛЫ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

6

Г.И. Авцинова, М.А. Кожевникова

МАСС-МЕДИА КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

25

Е.Н. Малик, Т.А. Кудинова, М.В. Шедий

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК АГЕНТЫ ИНТЕРНЕТИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ:
ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ

50

Д.И. Каминченко

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ СЕТЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВОСПРИЯТИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ

71

И.В. Самаркина, Д.П. Колозов, В.Р. Ермакова

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ
И КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

94

Г.А. Аббасов

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

118

П.А. Меркулов, Е.А. Тюрин, Е.Н. Савинова

ПОЛИТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ
В ШОТЛАНДИИ: СТРАТЕГИИ, РЕАЛИИ, ОЦЕНКИ

143

СТАТЬИ

О.Г. Щенина

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СОСТАВЛЯЮЩУЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

163

Б.П. Гуселетов

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ЭСТОНИИ:
ПОБЕДА ЛИБЕРАЛОВ И ПОРАЖЕНИЕ КОНСЕРВАТОРОВ

180

Наши авторы

195

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ТЕМА НОМЕРА

**А.В. Соколов,
Д.А. Васильева**

**A. Sokolov,
D. Vasilyeva**

ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНЧЕСТВОМ КОНТЕНТА ПОЛИТИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»: ВЕДУЩИЕ СТИМУЛЫ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

STUDENTS' PERCEPTION OF THE CONTENT OF POLITICAL SUBJECTS ON THE VKONTAKTE SOCIAL NETWORK: LEADING STIMULI AND THEIR INTERPRETATION

Аннотация

В работе представлен теоретический и прикладной анализ восприятия контента политических субъектов, в зависимости от характеристик, предоставленных им стимулов. Модернизация доступных для потребителя социальных сетей вынуждает акторов использовать различные инструменты работы с аудиторией, отвечающие потребностям и присущим параметрам восприятия информации. Поток информации в социальных сетях не контролируем и качество поставляемого контента может оказывать как позитивное, так и негативное влияние на его потребителей. В социальных сетях пользователи преследуют несколько целей: коммуникацию (обмен информации с другими пользователями), интеракцию (отношения между субъекта эмоционального характера: борьба мнений, консолидация усилий против стороннего субъекта, мобилизация и демобилизация и т.д.) и социальную апперцепцию (восприятие человеком других пользователей, отношение к ним, познание себя в коммуникации и т.д.). Для политических субъектов особую важность приобретают последнее две функции, так как имидж в онлайн среде основан не на общем информационном потоке, а на уникальном стиле,

Abstract

The paper presents a theoretical and applied analysis of the perception of the content of political actors, depending on the characteristics of the incentives provided to them. Modernization of social networks accessible to consumers forces actors to use various tools for working with the audience that meet the needs and inherent parameters of information perception. We do not control the flow of information in social networks and the quality of the delivered content can have both a positive and negative impact on its consumers. When using social networks, users pursue several goals: communication (exchange of information with other users), interaction (relations between an emotional subject: the struggle of opinions, consolidation of efforts against a third-party subject, mobilization and demobilization, etc.) and social apperception (human perception of other users, attitude towards them, self-knowledge in communication, etc.). For political actors, the latter two functions are of particular importance, since the image in the online environment is based not on a general information flow, but on a unique style, a declaration of the values of the subject, his openness to the audience, the feelings of recipients when consuming content,

декларации ценностей субъекта, его открытости к аудитории, ощущениям реципиентов при потреблении контента и т.д. Учитывая современное состояние политической сферы и переход на преимущественно две социальные сети – «ВКонтакте» и «Telegram» требует от субъектов разработки контента, ориентированного на потребности и психологические характеристики аудитории. В результате проведенного исследования были обозначены ключевые стимулы при потреблении контента, их эмоциональный окрас, способствующий фиксации внимания и дальнейшей способности запомнить материалы.

etc. Taking into account the current state of the political sphere and the transition to mainly two social networks – VK and Telegram - requires subjects to develop content focused on the needs and psychological characteristics of the audience. As a result of the conducted research, the key stimuli for the consumption of content were identified, their emotional color, contributing to the fixation of attention and the further ability to remember materials.

Ключевые слова:

стимулы восприятия, политические субъекты, социальные сети, ВКонтакте, студенчество.

Key words:

perception stimuli, political actors, social networks, information perception, students.

Интернет предоставил каждому стать автором новости, личной заметки, комментарии и т.д. – контента. При этом для обывателя не имеет значение размер аудитории, ее половозрастные характеристики и иные параметры, для потребителя достаточно удовлетворить свою потребность в получении информации. Это может проходить как в социальной сети, так и на сайте («Живой журнал»). Если речь идет об известной персоне, политике, актере, медицинском работнике и т.д., рассматривают один вариант – социальные сети, как ресурс с большой зоной распространения, быстротой реакции и отсутствием потребности в финансовых вложениях. Исходя из причин ведения страницы в социальной сети, субъект изменяет тип отношений между донором и реципиентом, стратегию ведения страницы, разрабатывает онлайн-образ или воссоздает в онлайн отражение себя реального и т.д. Когда мы говорим о политике, то стоит понимать специфику самой сферы: во-первых, высокий уровень публичности и без ведения социальных сетей, разница может быть лишь в том, на каком уровне находится субъект (федеральное, региональном, местном и т.д.). Во-вторых, стереотип о работе политиков: общество не готово поддерживать тех, кто наносит ему ущерб, в большинстве своем, все принимаемые в стране (районе, городе, субъекте и т.д.), по мнению общества, принимаются одним субъектом, именуемым как «власть» либо «депутаты», что усложняет процесс «нахождения» в сети возможностью быть отнесенным к группе с нега-

тивным имиджем. В-третьих, характеристики аудитории: для российских политиков характерно действовать на все слои населения сразу, что позволяет «захватить» нужные, также и оппозиционные структуры готовы работать только на тех, кто уже и так с ними, придерживается их идей и поддерживает конкретного политического субъекта. Важной составляющей для создания контента является целевая аудитория: кто в нее входит, какие социальные группы, половозрастная структура, что хочет видеть целевая аудитория, как она потребляет информацию (насколько быстро, рассеянно и т.д.), в противном случае реципиенты не будут понимать назначения «пустого» контента и мнение о субъекте будет негативным [19]. В-четвертых, тема политики способна из публикации об успешно прошедших выходных создать инфоповод для «борьбы» между подписчиками и автором; ситуация может осложниться демонстрацией достатка, деталей отдыха и т.д., приводящих к преломлению взгляда на событие другими потребителями. Важный процесс социальной перцепции в социальных сетях происходит искажено и устроен иначе очного формата: его конструирование снижает порог доверия к пользователям (некоторые акторы не готовы указывать свое настоящее имя, возраст, сферу деятельности), на восприятие образа влияет не только личностные качества пользователя, но и его «оболочка» – взаимодействие с подписчиками, аватарка, взгляды и т.д., сложен и процесс нахождения баланса между чрезмерно закрытыми людьми, не стремящимся заполнить профиль достоверной информацией, и anomalously кричащие и подробные факты жизни также вызывает недоверие у других пользователей [1, с. 99]. В то же время возрастает и психологическая напряженность при использовании социальных сетей: это обусловлено и изменением принципов перцепции, и той информацией, которая циркулирует в сети. Авторы подвержены мнению своих подписчиков, что требует от них постоянной смены контента, его содержания, создания и следования трендам. В случае, когда поток информации широк, определять подлинность и критически ее оценивать потребители не могут, но, когда информация исходит из одного или небольшого количества источников, она приобретает униполярный эффект и давит на психологию потребителя [2, с. 656].

Политические дискуссии в интернете происходят в условиях, которые заметно отличаются от типичного взаимодействия лицом к лицу [12]. Например, существует меньше контекстуальных подсказок о реакции других акторов в дискуссии [20]. Некоторые среды предлагают анонимность,

что существенно влияет на качество обсуждения [16] и обсуждения часто носят публичный или полупубличный характер, видимый многим другим [21]. Онлайн-платформы различаются по степени, в которой их архитектура подчеркивает эти характеристики канала. Анонимность возможна, например, в Twitter и Reddit, в то время как Facebook (*деятельность в России признана экстремистской и запрещена) предлагает больше информации о пользователях, которая может служить контекстуальными подсказками. Ранние исследования политических дискуссий в интернете носили преимущественно качественный характер [13], но более поздние исследователи использовали традиционные методы, основанные на опросах, а также поверхностной наполненности социальных сетей. Хорди Родригес-Виргили охарактеризовал восприятие информации как качественный процесс только в том случае, когда потребители знакомятся с политической информацией до того, как начнут следить за блогами политических субъектов, в таком случае их отношение будет положительнее [17, с. 35], иначе информация от политических субъектов может восприниматься негативно и влиять на психологическое состояние потребителя и имидж субъекта. Затрагивая вопрос восприятия информации как психологического процесса, ряд исследователей отмечает негативное влияние политического дискурса [7, с. 22-23] на потребителей информации, что обусловлено, в первую очередь, эмоциональной уязвимостью реципиентов, их чувствам страха, безопасности за свою жизнь и т.д., что проявляется в политическом дискурсе – употребляемых аттитюдов, определений и иных выражений, способствующих эмоциональному насыщению политических публикаций. Восприятие политического дискурса в интернет-среде негативно сказывается не только на психологических, но и на состоянии отдельных категорий, например, негативная политическая риторика в этот период привела к более негативному влиянию на мексиканскую молодежь США, а мексиканцы и другие латиноамериканцы США, опрошенные после выборов 2016 года, воспринимали больше стресса, беспокойства, ухудшения психического здоровья и ухудшения субъективного благополучия, чем те, кто был опрошен до начала предвыборной кампании и погружения в агитацию в сети [9]. В то же время интернет создает и ограничения в перцепции и выражении отношения к происходящему в сети, в частности к тем публикациям политических субъектов, создающих образ страха и опасности [12].

В процессе потребления контента искажается восприятие и отношение к субъектам и мнение о них. Отношение граждан к политикам, ведущим социальные сети, измерили на Real Research News [15] и, согласно данным опроса, 54,34% участников опроса активно следят за политиками в своих социальных сетях, 77,25% одобряют использование политиками социальных сетей и 59,26% считают, что социальные сети играют важную роль в предоставлении обновлений по глобальным вопросам и вопросам местного значения. 2016 год изменил представление о функциях социальных сетей в области политики: выборы в Соединенных Штатах Америки обозначили как «выборы в социальных сетях», поскольку их активное использование повлекло за собой поворотный момент в политической кампании. Facebook*, Twitter, Instagram* (*деятельность в России признана экстремистской и запрещена) были одними из ключевых игроков на выборах. Авторы исследования по восприятию ложной и достоверной политической информации в период предвыборной кампании в нескольких социальных сетях, определили, что взаимосвязь между использованием социальных сетей и точностью убеждений была более положительной, 95% среди пользователей Facebook* (*деятельность в России признана экстремистской и запрещена). Интенсивное использование коммуникационных технологий было связано с небольшим увеличением вероятности одобрения лжи о президенте Обаме в 2012 году, но это не повлияло на убеждения о кандидате от республиканцев [11]. Контент социальных сетей позволяет мобилизовать избирателей-миллениалов двумя способами: разговоры в реальном времени и политика участия [10]. Авторы интерпретировали ретвиты и обмен политическим контентом можно интерпретировать как форму одобрения, а также как онлайн-взаимодействие [18]. Социальные сети активно использовали два кандидата: Доналд Трамп (4,7 млн подписчиков) и Хиллари Клинтон (4,6 млн подписчиков), стремящихся для контакта с избирателями-миллениалами ограничивать свои публикации 140 символами [8]. Хэштег #FeelTheBern, который был создан его подписчиками в Twitter, был использован более 401 000 раз за 30 дней, в среднем более 13 000 упоминаний в день. Для сравнения, #Hillary2016 Клинтон была упомянута 156 000 раз за последние 30 дней – по мнению авторов, контент способен демонстрировать поддержку, но не гарантировать победу кандидата, данные технологии направлены на ключевого потребителя контента – молодежь. Обусловлено это простотой получения информации в режиме реаль-

ного времени, ее скорости и степени распространения. Как показало исследование Школы коммуникаций Амстердама [14], молодежь следит за контентом политиков в нескольких случаях: во-первых, подписка на политиков связана с вероятностью получения полезной информации, в том числе и при репостах публикаций среди знакомых и друзей локального пользователя, во-вторых, политический интерес и количество получаемой информации с образовательных семинаров о предстоящих событиях, выборах, принятия актуальных для потребителя решений и т.д. и, в-третьих, интерес к личности автора публикаций. Особый интерес вызывает восприятие власти как института, данная тема является предметом исследований Е.Б. Шестопал к факторам, влияющим на процесс формирования и восприятия образов власти, относятся с одной стороны, психологические особенности и характеристики самой власти, приписанные её потребителями (сила, идейность, уровень доверия, открытости и т.д.), с другой стороны, и личностные особенности тех, кто воспринимает власть (вопросы, которые власть смогла решить – как факт положительной оценки ее деятельности и т.д.). Е.Б. Шестопал обращает внимание, как на образы существующей власти, так и на образы идеальной власти, разделяя эти понятия, поскольку в массовом сознании существуют эталонные представления об идеальном политическом деятеле, о сотрудниках органов власти разного уровня, политических партиях и т.д., которые могут не совпадать и разрушают безупречный образ власти при первом приближении. Образ власти складывается по личным предпочтениям людей, тех стереотипов, находящихся в среде, мнений окружающих и лидеров мнений в целом. По мере трансформации системы существующие в массовом сознании представления о власти претерпевают изменения, затрагивающие содержание образов власти и «оптику, определяющую характер восприятия власти [6, с. 140-144].

Методы исследования. Целью исследования является определение особенностей восприятия студенчеством контента политических субъектов в социальной сети «ВКонтакте». Основой для исследования восприятия контента студенчеством выступили полученные результаты исследования контента двух политических субъектов регионального и федерального уровней методами критического дискурс-анализа Рут Водака [5, с. 195-233], направленного на поиск явных и скрытых структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке, а также учитываются и внешние факторы, способствующие появлению тек-

ста. Социокогнитивная теория Тона ван Дейка [3, с.279-301; 4, с.112-125], в основе которой анализ текста на микро и макроструктуры, с включением семантического ядра и принятием во внимание экстралингвистические и социальные факторы, влияющие на восприятие информации. Для анализа были выбраны 24 публикации (8 – федерального субъекта Д.А. Медведева, 16 – регионального А.А. Капралова), что составляет 5% от общего числа публикаций каждого субъекта за период 25.02.2022 – 23.02.2023. После анализа текстового материала и обозначения ключевых характеристик контента, были проведены 16 глубинных интервью: в равном гендерном соотношении и равном распределении между двумя факультетами – социально-политических наук и биологии и экологии Ярославского государственного университета.

На основе построенных когнитивных карт и проведенного дискурс-анализа, было выявлено несколько ключевых стратегий: в 15 из 24 текстов авторами использовалась стратегия аргументации, реже – предикация (федеральным субъектом). Тематически контент достаточно разнообразен, о чем свидетельствует как смысловое обозначение, так и лексические изменения. При детальном рассмотрении текстов было обнаружено появление пропозиционных структур (отражение личного мнения, либо личного мнения в преломлении со сторонним), стратегия митигации (умалчивания фактов) характерна для контента Д.А. Медведева, что может быть обусловлено сохранением имиджа в сетевом пространстве. Лидирующим топосом выступает «польза или преимущество», что может быть обусловлено возможности составления позиции и пропозиции как автора, так и потребителя контента. Топос «ответственность» может использоваться с целью акцентуации на заинтересованность субъекта в выполняемых действиях и осознанием им последствий как лично, так и для Партии. По популярности семантических структур первое место занимает «пропозиционные структуры», дающие возможность автору создавать актуальные ментальные модели восприятия через личную оценку ситуации. Топики – вторая по популярности семантическая структура, позволяющие автору акцентировать внимание за счет эмоционально окрашенных выражение (что было отмечено в текстах Д.А. Медведева), фактов и информации, позволяющей «поднимать» проблему в перечне тревожных вопросов среди реципиентов.

Проведя когнитивное картирование текстов двух политических субъектов можем выделить общие черты: во-первых, стилистически тексты

классические «отчетные» в большинстве своем, во-вторых, обусловленное стилистически небольшая доля ярких эмоциональных слов и выражений, в-третьих, оба субъекта не до конца понимают её специфику и публикуют объемные материалы, что существенно осложняет логику изложения (три-пять проблем в тексте), в-четвертых, партийная принадлежность играет роль в характеристиках контенте (конкретном указании деятельности и ответственности Д.А. Медведева и наличием соответствующих хештегов А.А. Капралова). В-пятых, настроения и отношения к описываемым событиям чаще положительное, гордое с выражением благодарности дополнительным субъектам, редко можно встретить яркие негативные настроения (характерна для федерального субъекта), либо они выражены в латентной форме и не распространяются на весь текст (например, «бюрократические сложности» - А.А. Капралов).

Различиями выступает автономия в содержании текстов у Д.А. Медведева (относительная свобода лексики и тематик), что обусловлено должностью субъекта, качество постов (визуальные компоненты представлены профессиональной съемкой, тоже касается и текстов – профессиональная, в некоторых материалах более сложная лексика); логика построения постов может быть утеряна из-за акцента со стороны автора не на текстовом, а на визуальном контенте (5 из рассмотренных постов сопровождались краткими видео-роликами, в которых озвучивался итог, либо ключевой тезис). А.А. Капралов отличается контентом, ориентированным на региональные либо же локальные проблемы, в том числе связанные и с депутатской деятельностью, представлены они более абстрактно («внес предложение», «необходимо доработать» и т.д.). Логика может быть нарушена из-за желания «уложить» в пост как можно больше тем, что значительно его расширяет, гипотетически можно предполагать несколько причин: первая – потребность (не понимание) в демонстрации всей своей деятельности в одном большом материале для удобства потребления, вторая – обратная – может демонстрировать попытку «нагрузить» мышление читателя большим количеством несвязанной информации, которая будет расценена, как один общий поток, без шанса на критику и оценку каждого события отдельно. Обозначенные нами предположения по применению лингвистических стратегий и выражений будут проверены по результатам проведенных глубинных интервью с представителями студенчества.

В исследовании предпринята попытка определить лингвистические стимулы в контенте двух политических субъектов. Дизайн интервью включал в себя 8 публикаций, по два теста в двух видах текстового материала: Д.А. Медведев – публикации отчетного и оценочно-субъективного характера, А.А. Капралов – все публикации носят отчетный характер, но первые два текста носят информацию о личном вкладе в какие-либо проекты, вторые – посты с акцентом на общую работу. Для определения отношения участников к текстовому материалу при первом прочтении публикаций реципиентам не обозначали авторов. При проведении интервью с представителями студенчества были заданы вопросы относительно того, что они считают приемлемым в контенте политических субъектов, что привлекает их, с какой целью они используют социальные сети. Говоря о последнем, студенты в рейтинговом формате определили, что для них важно в контенте (не политическом). На рисунке 1 видно, что большая часть (62,5%) предпочитает потреблять не политический контент для получения эмоций.

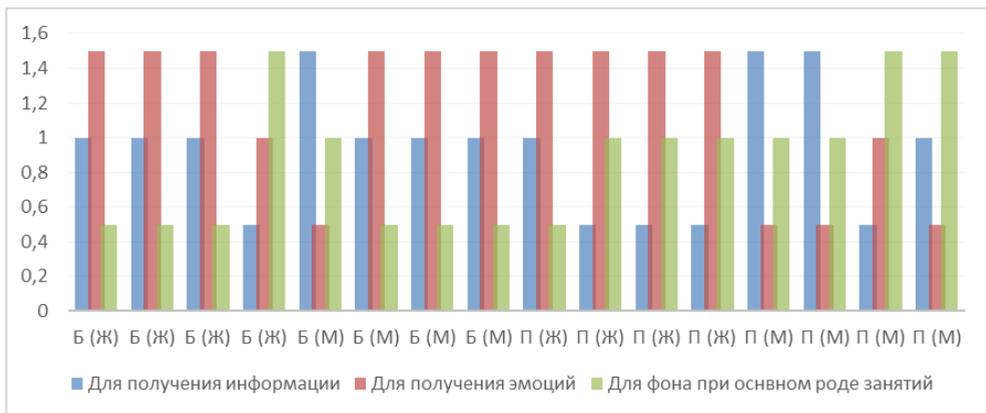

Рисунок 1 – Цели использования контента в социальных сетях (не политического)

На вопрос о том, готовы ли участники получать любую политическую информацию из социальных сетей все участники ответили положительно. При потреблении контента политических субъектов студенты ориентированы в равной мере на первом месте на получение эмоций и получение информации (рисунок 2).

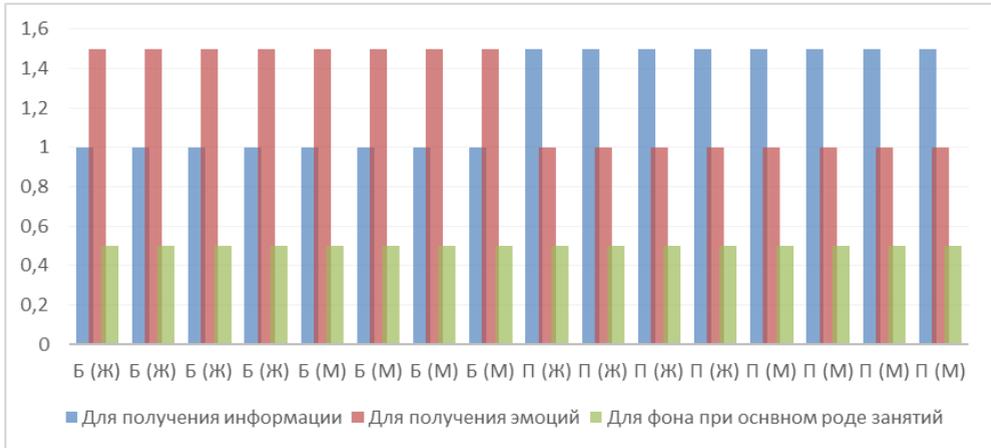

Рисунок 2 – Цели потребления контента политических субъектов в социальных сетях

Мнения участников интервью на предмет того, какие новости им интересны и по чему разделилась на несколько направлений: первое – интересен регион и его проблемы – отсюда большее представление о А.А. Капралове, но, важно – без представления о реальных действиях, низкая заинтересованность в вопросах федерального уровня, детализация проблем регион. Вторые – не зафиксировали для себя статуса каждого субъекта и без указания в текстовом материале на принадлежность к уровню власти не смогут идентифицировать субъекта и уровень проблемы. Третьи – обращают внимание на стиль изложения и при прочтении заголовка (в случаях его наличия) либо готовы читать пост, либо переходят на иной контент. Стилистически Д.А. Медведев для студентов ближе, понятнее и легче для восприятия, его посты агрессивны, но за счет этого и дают такой «эффект» для аудитории. При анализе студентами текстов им было предложено указать три категории слов: слова, на которые они первично обратили внимание; слова, которые кажутся необычными, и слова, которыми они смогли бы кратко описать содержание текста. Как показала дальнейшая беседа, ни один из студентов не употребил слова, которые были им выделены для составления краткого содержания, в их памяти (2-3 минуты) не сохранились сложные слова, длинные выражения, мозг «выдавал» эмоциональные слова, которые первично произвели впечатление на нерациональном уровне.

В отношении статуса субъекта: при первичном знакомстве с материалами участники точно не знали, кто написал конкретный пост. После успешного завершения части заданий, участникам преподносилась информация об авторстве и рассуждения в этот момент политологов и биологов расходились. Ввиду вовлеченности первых не было удивления в возможности авторства Д.А. Медведева («Медведева выдаёт излишняя эмоциональность в некоторых высказываниях, резкие выражения»), но появился интересный вопрос – каков статус данного субъекта, какую должность он занимает и какие функции выполняет. Политологи пришли к выводу о том, что Д.А. Медведев не имеет статусной позиции, «созданная для него должность» не выступила весомым аргументом для изменения первичного восприятия и текста, и автора. Представители факультета биологии и экологии, узнав автора в лице Д.А. Медведева, высказали общее недоверие к должностному лицу, позволяющему в «саркастичной», «грубой» и «жесткой» форме отзываться даже в сторону «врагов». Один из студентов охарактеризовал статус субъекта как «неопределенный»: «все еще создается впечатление, что это Медведев после своего Президентского срока, не мобильный, тихий. Сейчас же его активность слишком явна и не характерна для него». Трактовка статуса Д.А. Медведева со стороны представителя ФСПН также требует внимания: по мнению студента, Медведев выполняет в онлайн среде функции «первого-второго лица». На вопрос: «С какой целью эти функции может выполнять Д.А. Медведев?» автор позиции обозначил несколько аспектов: во-первых, технология «перетягивания имиджа», впереди выборы 2024 года, на фон «молчания» высказывания Д.А. Медведева могут работать как метод «эмоционального разряжения», во-вторых, статус, позволяющий выражать свои мысли и взгляды без существенных границ (сохранение репутации Президента), в-третьих, попытки «закрепиться» в повестке – постоянные перепосты публикаций Д.А. Медведева в разные крупные СМИ «приподнимают» и его рейтинг, и стилистическую узнаваемость.

Оценивая статус А.А. Капралова, как автора публикаций, студенты политологии (8) сошлись во мнении о «классическом контенте депутата», если бы не наличие фото, понять, кто стал автором текста, было бы невозможно, универсальный, клишированный стиль изложения. 3 человека из 16 ранее были знакомы с контентом данного субъекта и отметили наличие развлекательного контента – семья, спорт, хобби, поздравления с празд-

никами. На вопрос о том, насколько корректно внедрять такие блоки информации, 87,5% ответили «абсолютно». При этом, задав вопрос о том, какие публикации они помнят (7 из 14), ими была озвучена личная информация о субъекте («многодетный отец», «дочь занимается в Тодес», «давно в браке») и информацию о политической деятельности по памяти не смог назвать ни один из участников.

Отвечая на вопрос о приемлемом для участников формате (фото или видео), 87,5% отметили, что для них неудобен формат видеоролика, в том числе и по причине их затянутости и дополнительной информационной текстовой нагрузки. Смотря на фото регионального субъекта, у некоторых студентов происходило рассеивание внимания: например, при наличии на фото девушки, три человека с факультета биологии отметили, что «явно не просто так» субъект появился на фото, при этом реципиенты, при более детальном рассмотрении визуального стимульного материала, начинали сомневаться в первом варианте авторства – что может свидетельствовать о рассеянности внимания и не конгруэнтному восприятию текстового материала и визуального, а также гендерному неравенству и наличию определенного стереотипа о женщине в политике. Не менее интересным фактом являются и отмеченные несколькими участниками (3 человека с факультета биологии и экологии) интероцептивные ощущения: один охарактеризовал свои ощущения при прочтении контента политических субъектов как рамку «вызывающая дискомфорт, чувство жжения внутри без понимания, откуда и почему оно возникает», другой – «ощущение страха, напряжения», третий – «становится тяжело дышать, понимаю, что это коснётся и меня, страшно и непонятно, почему я такое испытываю» - при этом на дополнительный вопрос «Почему, как Вы считаете, такие эмоции могут появиться?» студенты не смогли определить причину, но предполагали, что это можно объяснить, как страх за свою жизнь из-за распространённой практики.

Из рисунка 3 видно, что представители ФСПН в большей степени указывали авторов безошибочно (2 – 100%, 1 – 87,5%, 2 – 25%, 1 – 12,5%, 1 – 37,5%), чем представители факультета биологии и экологии, что можно объяснить не вовлеченностью последних в повестку и меньшую профессиональную потребность в изучении политической информации.

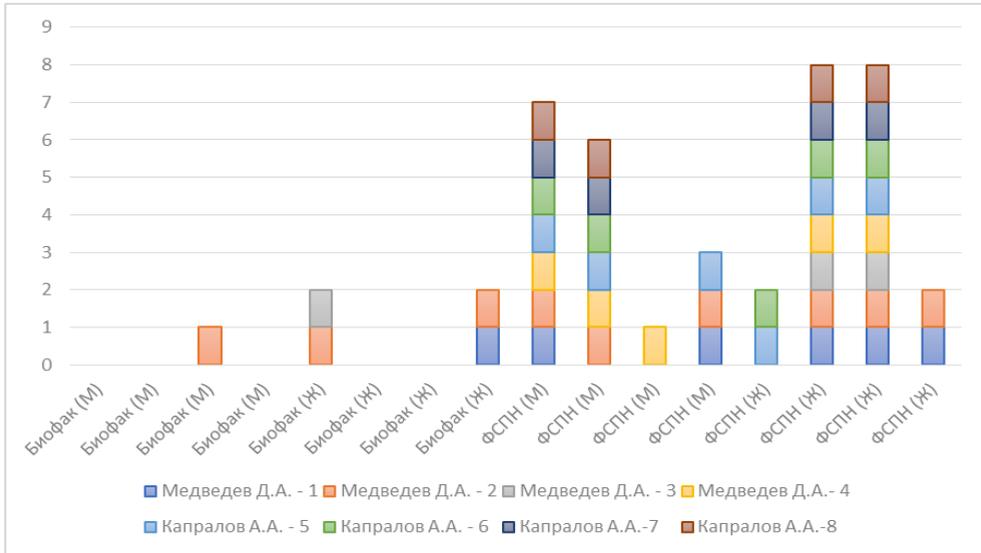

Рисунок 3 – Распределение участников, верно указавших авторов текстов

Оставшиеся варианты размещены на рисунке 4, на котором отчетливо видно, что тематическая принадлежность к политической сфере была отмечена в 25% как авторство политического деятеля (16 из 64), в 17,2% - Депутат Думы, в 18,75% - журналист, в 8% - военный, 4,7% - пользователь интернета и 15,6% - не смогли определить, кому могли бы принадлежать представленные тексты.

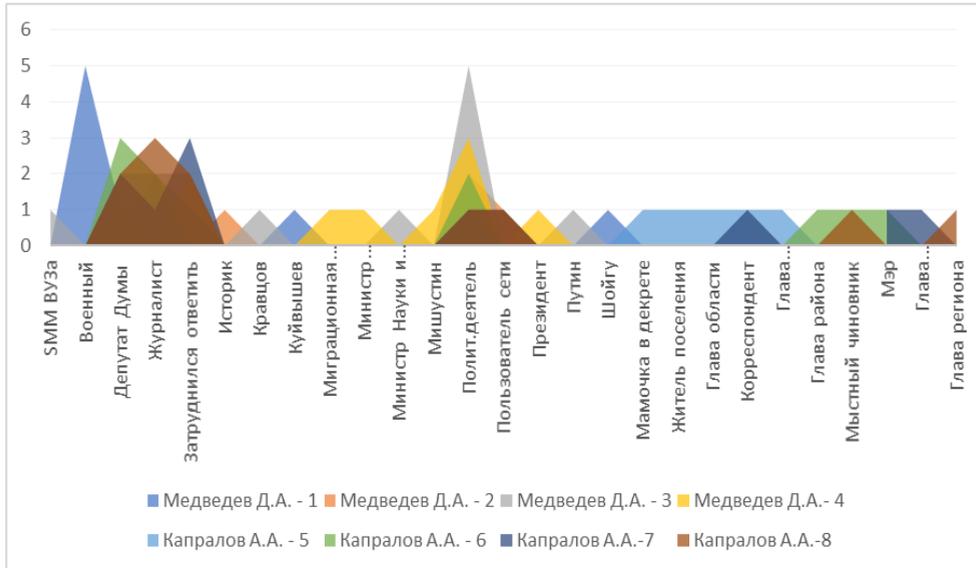

Рисунок 4 – Спектр ошибочно указанных авторов текстов

Представители ФСПН либо четко определяли автора, либо ошибались с сохранением должности автора в ядре политической сферы в глобальном (Министры, Президент) или локальном характере (Мэр, Глава муниципалитета). При вопросе о том, что мотивировало указать одну из должностей не было получено четкого ответа, реципиенты указывали данные статусы больше интуитивно либо на эмоциональном уровне, что дает возможность первично констатировать отсутствие глубокого анализа текстового материала.

После реципиентам были предоставлены задания на определение ведущих лингвистических средств при восприятии информации, для более узкого представления данных, во внимание были взяты слова и выражения, упоминание которых насчитывало более 3 раз. Всего для анализа студентам были обозначены 8 текстов, отобранные простой случайной выборкой, автором первых четырех публикаций был Д.А. Медведев, оставшиеся – А.А. Капралов, посты регионального субъекта сопровождалось большим количеством визуального материала.

Ключевыми словами, на которые участники обращали внимание, выступили: статусные обозначения («Главнокомандующий, войска»), разговорная лексика («типа», «ждите»), выражения, связанные с обороной страны («техника», «танки»); «мечта ребят», «дети рады», «долгожданная

детская игровая площадка» и т.д. – «фундаментальные семейные ценности», которые не оставляли равнодушными участников. Эффект недопонимания контекста был проявлен на публикациях Медведева, 87,5% студентов выделяли слова, негативно характеризующие лидеров других стран («киевский инсектарий», «главный таракан» и т.д.), публикации данного субъекта оценивались больше негативно: реципиенты мотивировали свое отношение следующими параметрами: во-первых, излишняя агрессия, наполнение не положительными эмоциями, попытка автора умышленно понизить других субъектов (дискурсивная стратегия предикации), как отмечено студентами, пост не носит смысловой нагрузки и не до конца понятно, что автор хотел сказать по проблеме. После оглашения автора текста не произошло изменения мнения к текстовому материалу у 62,5% участников; в случае, когда первоначально студент предполагал не реального автора, его мнение могло измениться в сторону вполне ожидаемого авторства, так и в негативную (в случае с некоторыми представителями факультета биологии и экологии) – разочарование в поведении персоны определенного статуса.

В качестве дополнительных характеристик текста можно выделить логику изложения, которая, по мнению 4 студентов из 6 факультета биологии и экологии, нарушена и не дает воспринять текст в полной мере. Этот факт интересен и с позиции оценки восприятия представителями двух факультетов, в сравнении которых непрофильный факультет анализирует тексты глубже и детальней. Затронутые вопросы миграционного учета в одной из публикаций отражались на эмоциональном состоянии участников, и, несмотря на легкость в восприятии, студенты отметили появившееся ощущение страха при введении новых требований в законодательстве, аргументировали 87,5% возможными изменениями в нормативно-правовых актах об обработке персональных данных и возможных последствиях лично для каждого, подконтрольности движений и, в случае принятия подобных норм, социальной несправедливости по отношению к ряду граждан.

Студенты высказали несколько дополнительных характеристик, влияющих на восприятие контента: «Ремонт дорог - всегда положительные эмоции» - студент факультета биологии и экологии. Фото оценивались негативно и из-за качества, и из-за изображенных объектов: «Не хватило фото с садиком, можно было опубликовать меньше фото дороги, а буквально 2 варианта «до» и «после»» - студентка факультета биологии и экологии. «В тексте много внимания обращено на состояние до ремонта, на пробле-

мы, на фотографиях же, мы видим только итоговый результат. Не видно, в чем была реальная проблема» - студентка ФСПН; «На фото мало людей. Нет ни фото процесса работы, ни множества довольных, или не очень жителей населенного пункта. Фотографии выглядят не живыми и формальными» - студент ФСПН. «Фото того, как выглядела дорога до ремонта. Отзывы и реакция жильцов. Фото процесса работы. Можно включить интервью с гражданами и представителями компании подрядчика» - студентка ФСПН.

Можем констатировать, что на эмоциональном уровне легче воспринимались тексты А.А. Капралова, в его публикациях прослеживается ценностная ориентация (семейные ценности), доброжелательность и попытки демонстрировать свою деятельность «максимально аккуратно». В то же время студенты заметили, что это – типичный стиль депутата, посты которого не привлекли бы 62,5% реципиентов из-за стилизованного содержания, при этом характеристики контента со стороны студентов положительны. В отношении контента Д.А. Медведева – публикации также не привлекли бы внимание по причине стиля, и если в первом случае – «шаблонно», то здесь – нет никаких рамок, субъект не ограничивает себя ни статусом, ни функциями социальных сетей, ни собственной репутацией. У некоторых участников упоминание данного субъекта вызывало яркий скачок негатива. Лингвистически участники лучше реагировали и запоминали именно те слова, упомянутые в текстах Д.А. Медведева, вызывающие стойкую эмоцию, как правило, негативную. В отношении А.А. Каралова восприятие текстов было проще – оно отсутствовало, в диалоге никто из студентов без экрана смартфона не могли назвать ключевые слова и периодически забывали, о чем был текст.

Литература

1. Войскунский Е.А. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. №2. С. 90–104.
2. Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // Образовательные технологии и общество. 2014. Т. 17. №1. С. 650–675.
3. Дейк Т.А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. Сост. В.В. Петров. Москва: Прогресс, 1989. 312 с.
4. Дейк Т.А. Ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

5. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 356 с.

6. Шестопап Е.Б. Новые тенденции восприятия власти в России // Полис. Политические исследования. 2005. №3. С. 137-151.

7. Ford B. Q., Feinberg M., Lassetter B., Thai, S., Gatchpazian A. The political is personal: The costs of daily politics. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2023. №125(1). P. 1–28.

8. Can 140 characters affect the 2016 presidential election? URL: <https://www.cnbc.com/2015/11/05/can-140-characters-affect-the-2016-presidential-election.html> (дата обращения 20.05.2023).

9. Chavez L.R., Campos B., Corona K., Sanchez D., Ruiz C.B. Words hurt: Political rhetoric, emotions/affect, and psychological well-being among Mexican-origin youth // *Social Science & Medicine*. 2019. May. P. 240-251.

10. Fromm J. New Study Finds Social Media Shapes Millennial Political Involvement And Engagement. *Forbes*. URL: <http://www.forbes.com/sites/jefffromm/2016/06/22/new-study-finds-social-media-shapes-millennial-political-involvement-and-engagement/#34de0b7615de> (дата обращения 21.05.2023).

11. Garrett R.K. Social media's contribution to political misperceptions in U.S. Presidential elections // *PLoS ONE*. №14(3). URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0213500> (дата обращения 21.05.2023).

12. Shirley S.H., Douglas M. McL. Social-Psychological Influences on Opinion Expression in Face-to-Face and Computer-Mediated Communication // *Communication Research*. 2008. №35(2). P. 190-207.

13. Kushin M.J., Kitchener K. Getting Political on Social Network Sites: Exploring Online Political Discourse on Facebook // *First Monday*. 2009. №14.

14. Marquart F., Ohme J., Möller J. Following Politicians on Social Media: Effects for Political Information, Peer Communication, and Youth Engagement // *Media and Communication*. 2020. Volume 8. Issue 2. P. 197–207.

15. Over 75% Support Politicians' Use of Social Media. URL: <https://realresearcher.com/media/over-75-percent-support-politicians-use-of-social-media/> (дата обращения 20.05.2023).

16. Papacharissi Z. Democracy online: Civility, politeness, and the democratic potential of online political discussion groups // *New Media & Society*. 2004. №6(2). P. 259-283.

17. Rodríguez-Virgili J., López-Escobar E., Tolsá, A. Media use and public perception of politicians, politics and political parties // *Communication & Society*. 2011. №24(2). P. 7-39.

18. Towner T., Muñoz C. Baby Boom or Bust? the New Media Effect on Political Participation // *Journal of Political Marketing*. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15377857.2016.1153561> (дата обращения 21.05.2023).

19. Kalabanov V., Skovikov A., Shumilov A. State youth policy in Russia on social networks // *PolitBook*. 2021. №4. С. 47-57.

20. Walther J. Theories of Computer-Mediated Communication and Interpersonal Relations // *The Handbook of Interpersonal Communication*, 2011. P. 443-479.

21. Wyatt R.O., Katz E., Kim J. Bridging the Spheres: Political and Personal Conversation in Public and Private Spaces // *Journal of Communication*, 1997. №50(1). P. 71-92.

References

1. Voiskunskii E.A. Sotsial'naya pertsepsiya v sotsial'nykh setyakh. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*. 2014. №2. S. 90–104.

2. Voronkin A.S. Sotsial'nye seti: evolyutsiya, struktura, analiz. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo*. 2014. T. 17. №1. S. 650–675.

3. Deik T.A. Van. Yazyk. Poznanie. *Kommunikatsiya / Per. s angl. Sost. V.V. Petrov*. Moskva: Progress, 1989. 312 s.

4. Deik T.A. Van. Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii / Per. s angl. Moskva: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2013. 344 s.

5. Ticher S., Meier M., Vodak R., Vetter E. *Metody analiza teksta i diskursa*. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr, 2009. 356 c.

6. Shestopal E.B. Novye tendentsii vospriyatiya vlasti v Rossii. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2005. №3. С. 137-151.

7. Ford B. Q., Feinberg M., Lassetter B., Thai, S., Gatchpazian A. The political is personal: The costs of daily politics. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2023. №125(1). R. 1–28.

8. Can 140 characters affect the 2016 presidential election? URL: <https://www.cnn.com/2015/11/05/can-140-characters-affect-the-2016-presidential-election.html> (дата обращения 20.05.2023).

9. Chavez L.R., Campos B., Corona K., Sanchez D., Ruiz C.B. Words hurt: Political rhetoric, emotions/affect, and psychological well-being among Mexican-origin youth. *Social Science & Medicine*. 2019. May. P. 240-251.

10. Fromm J. New Study Finds Social Media Shapes Millennial Political Involvement And Engagement. Forbes. URL: <http://www.forbes.com/sites/jefffromm/2016/06/22/new-study-finds-social-media-shapes-millennial-political-involvement-and-engagement/#34de0b7615de> (data obrashcheniya 21.05.2023).

11. Garrett R.K. Social media's contribution to political misperceptions in U.S. Presidential elections. PLoS ONE. №14(3). URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0213500> (data obrashcheniya 21.05.2023).

12. Shirley S.H., Douglas M. MsL. Social-Psychological Influences on Opinion Expression in Face-to-Face and Computer-Mediated Communication. Communication Research. 2008. №35(2). P. 190-207.

13. Kushin M.J., Kitchener K. Getting Political on Social Network Sites: Exploring Online Political Discourse on Facebook. First Monday. 2009. №14.

14. Marquart F., Ohme J., Möller J. Following Politicians on Social Media: Effects for Political Information, Peer Communication, and Youth Engagement. Media and Communication. 2020. Volume 8. Issue 2. P. 197-207.

15. Over 75% Support Politicians' Use of Social Media. URL: <https://realresearcher.com/media/over-75-percent-support-politicians-use-of-social-media/> (data obrashcheniya 20.05.2023).

16. Papacharissi Z. Democracy online: Civility, politeness, and the democratic potential of online political discussion groups. New Media & Society. 2004. №6(2). P. 259-283.

17. Rodríguez-Virgili J., López-Escobar E., Tolsá, A. Media use and public perception of politicians, politics and political parties. Communication & Society. 2011. №24(2). P. 7-39.

18. Towner T., Muñoz C. Baby Boom or Bust? the New Media Effect on Political Participation. Journal of Political Marketing. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15377857.2016.1153561> (data obrashcheniya 21.05.2023).

19. Kalabanov V., Skovikov A., Shumilov A. State youth policy in Russia on social networks. PolitBook. 2021. №4. C. 47-57.

20. Walther J. Theories of Computer-Mediated Communication and Interpersonal Relations. The Handbook of Interpersonal Communication, 2011. P. 443-479.

21. Wyatt R.O., Katz E., Kim J. Bridging the Spheres: Political and Personal Conversation in Public and Private Spaces. Journal of Communication, 1997. №50(1). P. 71-92.

**Г.И. Авцинова,
М.А. Кожевникова**

**G. Avtsinova,
M. Kozhevnikova**

**МАСС-МЕДИА КАК
ИНСТИТУТ
СОЦИАЛИЗАЦИИ
РОССИЙСКОЙ
МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ
ИНФОРМАЦИОННОЙ
ВОЙНЫ**

**MASS MEDIA AS AN
INSTITUTION OF
SOCIALIZATION OF
RUSSIAN YOUTH IN THE
CONTEXT OF
INFORMATION WARFARE**

Аннотация

Авторы статьи акцентируют внимание на том, что развести взаимосвязанные, взаимообусловленные и дополняющие друг друга процессы социализации и политической социализации сложно, целесообразно скорее с научной, чем практической точки зрения. Они направлены на решение единой задачи воспитания гражданина, отвечающего интересами и требованиям социально-политической системы Российской Федерации. Авторы отмечают значение отдельных политических событий, которые также способны кардинально влиять на систему мировоззрения, идеологических установок, убеждений и верований человека.

В статье подчеркивается возрастающая роль медиакратии. Корпорации, контролирующие развитие информационных ресурсов и технологий, не только транслируют и комментируют события и процессы, но и конструируют действительность. Они влияют на формирование ценностных ориентаций, политических предпочтений граждан своих и других стран в том векторе, который отвечает их интересам, в разных странах создают нужным им политические режимы, переформатируя сознание человека, побуждают действовать против себя и государства, подчиняясь планам заинтересованных.

Влияние на молодежную среду этих и других факторов объективно требуют новых подходов к процессу социализации, создания условий для генериро-

Abstract

The authors of the article draw attention to the fact that it is difficult to separate the processes of socialization and political socialization, which are interrelated, interdependent and complementary to each other, and it is expedient from a scientific rather than practical point of view. They are aimed at solving a single task of educating a citizen who meets the interests and requirements of the socio-political system of the Russian Federation. The authors note the importance of individual political events, which are also able to dramatically affect the system of worldview, ideological attitudes, beliefs and convictions of a person.

The article emphasizes the increasing role of the mediocracy. Corporations that control the development of information resources and technologies not only broadcast and comment on events and processes, but also construct reality. They influence the formation of value orientations, political preferences of citizens of their own and other countries in the vector that meets their interests, in different countries they create the political regimes they need, reformatting human consciousness, encourage people to act against themselves and the state, obeying the plans of the interested parties.

The impact of these and other factors on the youth environment objectively requires new approaches to the process of socialization, creating conditions for the generation of new social strategies and individual trajectories of youth develop-

вания новых общественных стратегий и индивидуальных траекторий развития молодежи, раскрытия ее потенциала. Сегодня социализация в первую очередь есть процесс защиты базовых ценностей не только государственными институтами, но и самим человеком. Авторами отмечается важность источников знаний и интерпретация политических событий и явлений.

В статье представлены данные проведенного авторами Google-опроса, в котором проанализированы ответы студентов на вопросы о том, какие источники они используют для получения информации, каково их отношение к официальным СМИ, каким образом они оценивают полученные данные. Анализ опросов, проведенных ФОМ и ВЦИОМ, включая исследование авторов, позволил сделать ряд предложений о важности создания единого информационно-пространства.

Ключевые слова:

политика, социализация, политическая социализация, российская молодежь, масс-медиа, информационная война.

ment, the disclosure of its potential. Today, socialization is primarily a process of protection of basic values not only by state institutions, but also by the person himself. The authors note the importance of knowledge sources and interpretation of political events and phenomena.

The article presents the data of the Google survey conducted by the authors, which analyzes students' answers to the questions about what sources they use to obtain information, what is their attitude to the official media, how they evaluate the obtained data. The analysis of the polls conducted by FOM and VCIOM, including the authors' research, allowed us to make a number of suggestions about the importance of creating a unified information space.

Key words:

politics, socialization, political socialization, russian youth, mass media, information war.

В современных условиях главными продуктами производства являются информация и знания. Отставание государства в этой сфере равносильно потере лидирующего положения, статуса великой державы. Масс-медиа, являясь специфическим социальным институтом, отражают и комментируют общественно-политические события и процессы, оказывают существенное влияние на формирование общественного и индивидуального сознания, поведенческие установки личности, выполняя, тем самым, функции института социализации и ресоциализации. С развитием интернета обозначилась тенденция медиатизации политики и политизации СМИ, которая сегодня усилилась.

Проблематика статьи требует некоторых пояснений. Авторы статьи понимают линии расхождения процессов социализации и политической социализации, того, что нет однозначного следования одного из другого. Развести эти процессы сложно, целесообразно скорее с научной, чем практической точки зрения. Политика, как общественное явление, возникла в результате пересечения многих тенденций в развитии общества, явилась следствием исторического усложнения, интенсификации социальных взаимосвязей, нарастания общественных противоречий, неспо-

способности прежних механизмов регулировать жизнедеятельность людей. Сопредельными формами политической социализации являются правовая, гражданская, идеологическая социализации. В реальной жизни становление молодого человека как субъекта происходит и в социальной, и политической средах. Его адаптация и интеграция исходят из требований и норм конкретной социально-политической системы, а создание условий для функционирования агентов социализации напрямую зависит от решений и действий институтов государственной власти.

Мы солидаризируемся с пониманием человека политического как исторически сложившегося типа личности с типичными для него характеристиками. Подобное понимание, справедливо указывает И.Л. Щеглов, «требует переориентации исследовательской парадигмы с узкосociологического на исторический подход к изучению политической социализации». По мнению И.Л. Щеглова употребление понятия «человек политический» в контексте «Politicalman», а также «Politicalperson», то есть политической личности, применительно к теории политической социализации, не правомерно. По его мнению, сущность политической социализации лежит, «не в системе властных отношений», а в сфере «рационализации и идеологизации типа личности, прямо связанной с формированием и развитием форм государственности» [25]. Мы не ставили задачу разграничения социализации и политической социализации, рассматривая их как взаимосвязанные, взаимообусловленные и дополняющие друг друга процессы, направленные на решение единой задачи воспитания гражданина, отвечающего интересам и требованиям социально-политической системы Российской Федерации.

Есть еще одно предварительное замечание. Научные исследования не дают однозначного ответа на вопрос о характере влияния СМИ на массовое сознание. Выделяются два противоположных вектора расхождений – сильного и ограниченного медиавлияния. Авторы ряда современных публикаций транслируя вывод И. Задорина о том, что гипотеза об огромном влиянии СМИ на политические предпочтения населения в России не получила подтверждения, не учитывают важного обстоятельства, а именно: этот вывод относится к началу 2000 –х гг. В своем исследовании И. Задорин, Ю. Бузова, А. Сюткина зафиксировали случаи «как положительной, так и отрицательной взаимосвязи индексов представления определенных политиков в конкретных СМИ и уровня поддержки этих политиков среди аудитории тех же СМИ», а также «многочисленные случаи отсутствия корреляции этих показателей» [7]. Речь идет о таких политиках, как А.И. Лебедь, Е.М. Примаков, Ю.М. Лужков, Г.А. Явлинский. Не под-

вергая сомнению полученные в ходе исследования 2000-х гг. выводы, заметим, что переход к выстраиванию вертикали власти в стране не мог не отразиться на политических предпочтениях россиян. В контексте нашего исследования необходимо подчеркнуть огромную власть медиакратии, которая не только транслирует и комментирует события и процессы, но и конструирует действительность [24]. Корпорации, контролирующие развитие информационных ресурсов и технологий, влияют на формирование ценностных ориентаций, политических предпочтений граждан своих и других стран в том векторе, который отвечает их интересам, в разных странах создают нужным им политические режимы. Масс-медиа способны навязать оценки и установки в русле интересов любых социальных групп, вплоть до экстремистских. Переформатируя сознание человека, они побуждают действовать против себя и государства, подчиняясь планам заинтересованных. Происходит это тогда, когда коммуникационная стратегия родителей и детей, педагогов и учеников, власти и общества, ранее эффективно работавшая, дает сбой или подвергается разрушению.

Процесс социализации, тем более политической, в любую эпоху является противоречивым. Во многом это связано с тем, что личность всегда делает выбор, избирательно осваивает и закрепляет нормы, ценности, ролевые функции и другие требования социально-политической системы в процессе своей жизнедеятельности, взаимодействия с властью и структурами гражданского общества. Кроме того, освоенные человеком нормативные требования и ценностные ориентации трансформируются, что в равной степени относится и к личности, и к обществу. Ярким примером является отказ от неприемлемых для нашей страны ценностей классической либеральной идеологии, которые были внедрены в конце 80-х - начале 90-х гг. XX века. Внедрение конструктов классического либерализма привело к беспрецедентному росту цен на товары и услуги, гиперинфляции («шоковая терапия»), ослаблению государственного контроля в ведущих отраслях производства и распределения, приватизации государственности, разрушению советской политической системы, падению уровня и качества жизни, нравственности, вымиранию населения и т.д.

Сегодня процесс социализации в России протекает в условиях кардинального структурирования мирового политического пространства, беспрецедентных экономических и политических санкций, провокаций, в том числе вооруженных, разгула русофобии, массового распространения фейковой информации, организации беспрецедентной информационной войны. В этой войне страны Запада используют широкий арсенал методов, средств, технологий, ресурсы правительств разных государств, кор-

пораций, искусственного интеллекта. В ней задействованы специализированные информационные войска, которые состоят из профессионалов в области IT-технологий, информационно-психологических операций, компьютерной разведки, стратегической пропаганды, журналистов, блогеров и т.д. Отметим, что в США Киберкомандование, как отдельная структура, было создано еще в начале 2000-х гг. для проведения наступательных операций в интернете. Такие войска созданы и в странах ЕС. К информационной войне против нашей страны привлекаются финансируемые из-за рубежа гражданские организации, представители несистемной оппозиции, русофобские СМИ, различные фонды, террористы, диверсанты, НКО и другие акторы, действующие на территории России. Дезорганизующую роль играют так называемые «диванные коучины», к советам и комментариям которых часто обращается молодежь. Коучины презентуют себя в качестве «специалистов-консультантов» по проблемам функционирования всех сфер социума. Они высказывают якобы компетентное мнение по широкому спектру проблем, комментируют политические события и решения, не имея при этом необходимых профессиональных знаний, политического, нередко, и жизненного опыта, руководствуясь лишь правом излагать «сугубо личную точку зрения» на происходящие процессы. В публичное пространство транслируются агрессивные комментарии, оскорбления политических лидеров, некомпетентные, противоречащие друг другу интерпретации и оценки одного и того же события, особенно резонансного.

В условиях специальной военной операции на Украине масштабировалась и информационная война. Ее триггером служат процессы, происходящие в социальной, экономической, политической, культурной, информационной, экологической и любой другой сфере. Термин «информационная война» вошел в научный и международный медийный оборот недавно, в последней четверти XX века. Впервые он был использован в 1976 году в докладе, сделанном по заказу Министерства обороны США. Символично его название - «Системы вооружения и информационная война». Однако в управлении массовым сознанием современные технологии информационного противостояния в главном адекватны методам и формам военной и политической пропаганды, хорошо апробированным в течение длительного периода, начиная с XIX века [1].

Информационная война носит гибридный характер, поэтому ее не корректно анализировать узко, лишь в контексте информационного давления или нанесения материально-технического ущерба информационной сфере противника, хотя, как в любой войне, конечной целью военных действий является нанесение ущерба объекту или его уничтожение. Од-

нако опасность этого нового типа войны для личности, общества и государства состоит в том, что воздействие информационных атак имеет «отложенный эффект». Они не наносят человеку явных физических или психических повреждений в момент воздействия, блокируя чувство страха, тревоги, опасности и инстинкт самосохранения. Информация выступает лишь средством реализации стратегических целей противника. Они направлены на переформатирование сознания людей, подрыв государства изнутри, состоят в изменении существующих жизненных смыслов и принципов, откровенном навязывании и латентном культивировании чуждых идей и ценностей, что ведет к дезориентации населения, делегитимации власти, дискредитации имиджа, репутационного капитала и международного авторитета страны.

Государственная политика противодействия информационным атакам в условиях новых вызовов и рисков должна быть научно разработанной, наступательной, упреждающей, а не запаздывающей, перманентно осуществляемой деятельностью специализированных институтов и служб государства, структур гражданского общества по дискредитации подрывной политики противника, формированию лояльного, поддерживающего власть общественного мнения, защите традиционных духовно-нравственных ценностей с целью укрепления социально-политической стабильности, продвижения национальных интересов, обеспечения безопасности, гражданской сплоченности и солидарности.

В этом направлении правительством предприняты определенные меры. основополагающим документом стал Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изм. и доп. 6 декабря 2018 г.) [15]. В документе даны понятия государственной национальной политики, российской нации, гражданского единства и самосознания, национально-культурных потребностей, этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации. Важными шагами также являются утверждённые статьи 67.1 пп.2, 3, 4; 68 п.4; 69 пп.2; 114 п.1 в новом тексте Конституции Российской Федерации с поправками, принятые 2020 году, Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где определены традиционные ценности, разработаны меры их защиты и инструменты реализации [13; 15]. В этих и других документах делается акцент на воспитании и формировании гармонично развитой личности, что невозможно без сохранения памяти о предках, защиты исторической правды о подвиге

гах защитников Отечества, воспитания у детей чувства патриотизма, гражданственности, уважения к старшим [11].

В подавляющем большинстве современных исследований и словарях социально-гуманитарного профиля социализация трактуется как приобщение и адаптация индивида к обычаям, традициям, коллективным ценностям той социально-политической системы, в которой он родился и развивается. Приведем пример одной из последних типичных трактовок этого процесса. «Среди множества интерпретаций процесса политической социализации мы склоняемся к пониманию данного процесса как адаптации человека к определенной политической системе, усвоение им политических норм, ценностей и традиций общества, в котором он живет» [10, с. 97]. Такие суждения отчасти справедливы, но адаптация представляет собой преимущественно внешний контекст социализации. И активная, и пассивная формы адаптации отражают социально-психологическую способность человека приспособиться к внешней среде, существующей социально-политической системе. Более важным этапом социализации личности является интернализация (интериоризация) или интеграция. На этом этапе происходит глубинное включение индивида в жизнедеятельность социума, осуществляется переход усвоенных норм, стандартов, ценностей, моделей поведения во внутренние установки, мотивационную структуру человека.

Кроме того, воздействие на личность разных агентов социализации происходит с разной степенью интенсивности и направленности, в результате взаимодействия многих условий, факторов, обстоятельств и жизненных ситуаций. Социологи давно фиксируют снижение роли традиционных институтов и повышение значимости круга общения, друзей, тех референтных групп, которые являются для молодежи образцом для подражания. Сегодня традиционные агенты социализации не выполняют в полной мере возложенных на них задач по воспитанию подрастающего поколения. Например, семья переживает сложные процессы. Социологи констатируют процесс трансфера от института семьи в его классическом понимании в сторону некой ее новой модели. В России высок процент разводов. По данным Росстата, на 1000 браков приходится 600 разводов в год. Распадаются даже церковные браки. Согласно опросу ВЦИОМ, 71% россиян по-прежнему выступают за регистрацию отношений и лишь потом совместную жизнь, но одновременно 77% вовсе не против пробного брака, но при условии, что он перерастет в официальную семью, однако до 11% сожителей не собираются регистрировать отношения. Еще 9% не возражают против гостевого брака. Все больше сторонников завоевывает

движение чайлдфри, 49% молодоженов на год-три откладывают рождение ребенка по разным причинам. Вопрос о существенных характеристиках новой модели семьи остается дискуссионным [6]. Система образования России находится в процессе трансформации от Болонской системы и возвращения к преимуществам советской системы образования, одним из которых была фундаментальность, но такой переход только начат.

Отдельные политические события также влияют на систему мировоззрения, идеологических установок и убеждений человека. Так, с началом специальной военной операции России на Украине актуализировался такой агент социализации, как армия, не только для военнослужащих, но и гражданского общества.

На систему мировоззрения, убеждений и верований человека значительное влияние оказывают и такие общемировые тренды, как глобализация, глокализация, регионализация, цифровизация, индивидуализация, виртуализация, интернетизация, шоуизация публичной политики. В контексте проблематики статьи следует подчеркнуть доминирующее влияние на социализацию СМИ, особенно социальных сетей, где «зависает» молодежь и другие возрастные категории граждан. Ж. Бодрийяр исследовал эффект влияния электронных СМИ на общественные взаимоотношения задолго до того, как они стали предметом научных исследований многих ученых. Он отметил тенденцию утраты смысла информации в СМИ. Выявленная им тенденция со временем только усиливается. По его мнению, современный безумный поток информации, основанный на бесконечной отсылке его создателей друг на друга, создает огромное количество копий и симулякров, которые, в конце концов, уничтожают объективную реальность, заменяют ее виртуальной, выхолащивая смысловую часть информации. СМИ, по мнению Ж. Бодрийяра – это движители не социализации, а как раз наоборот, имплозии социального в массах, то есть того процесса, при котором объекты разрушаются через разрушение самих себя. Сегодня виртуальные конструкции все чаще замещают в индивидуальном и общественном сознании реальные объекты и процессы, что ведет к выстраиванию искаженной псевдореальности, сужению и даже исчезновению сферы рационального восприятия политических событий и явлений (У. Липпманн, Ю. Хабермас), нивелируя человеческие возможности критического восприятия потребляемой информации, увеличивая потенциал воздействия манипулятивных технологий. В политическом процессе конкурируют не реальные кандидаты, их идеи и программы, а их имиджи, созданные ангажированными политтехнологами. На политику все большее влияние оказывает искусственный интеллект. Он все чаще

заменяет услуги спичрайтеров, специалистов в написании речей, которыми давно пользуются политические лидеры, главы крупных компаний, чиновники, потому что лучше и убедительнее, чем человек, сформулирует фразы, которые представят общественности, интерпретируют факты в нужном контексте.

Развитие новых коммуникационных платформ привело к доминированию в информационном пространстве многочисленных неформальных акторов, оказывающих существенное влияние на подрастающее поколение. Блогер, то или иное медийное лицо, популярный актер или спортсмен способен оказать большее влияние на ситуацию, чем официальное лицо и исходящая от него информация. Одновременно наблюдается рост претензий граждан к управленческой компетентности, стилю поведения, уровню благосостояния правящей элиты. Нелицеприятные факты быстро становятся достоянием общественности, вызывая негативную реакцию, что существенно облегчает эффективность воздействия подрывной информационной деятельности. Результаты опроса ВЦИОМ от 13 февраля 2023 года, посвященного отношению россиян к СМИ, показали, что рейтинг общественного доверия центральному и местному телевидению составляет 53% и 47% соответственно, с учётом возрастного населения [3]. По данным ФОМ на 15.02.2023, 61% россиян узнавали новости в интернете, из них только 29% опрошенных выбирали в качестве источника информации популярные поисковики, 42% использовали мессенджеры, социальные сети, блоги и форумы [19]. Это подтверждает вывод о том, что воздействие на молодежь активнее и продуктивнее идет через неформальных акторов, которых государству необходимо удерживать в поле своего влияния.

Воздействие на молодежную среду противоречивых факторов объективно требует новых подходов к практике социализации, генерирования инновационных общественных стратегий и индивидуальных траекторий развития молодежи, раскрывающих ее потенциала. Ценности и традиции, будучи отражением господствующего политического режима, культуры и идеологии, не воспринимаются и не принимаются личностью автоматически. Сегодня социализация, в первую очередь, есть процесс защиты базовых ценностей не только государственными институтами, но и самим человеком. Человек должен быть не столько объектом воздействия со стороны структур, осуществляющих процесс социализации. Он должен выступать в качестве агента социализации, оказывать влияние на формирование ценностей, жизненных смыслов, позиций и ориентиров других акторов. В контексте вышесказанного, социализация есть перма-

нентный процесс мониторинга формирования и усвоения базовых ценностей и моделей поведения, выработки навыков их трансляции и защиты на всех уровнях взаимодействия личности и общества, осуществляемый государством, гражданскими институтами и личностью с целью воспитания гражданина с активной жизненной позицией, способного делать осознанный выбор и нести за него ответственность.

Доступ к информации, скорость ее распространения становятся стратегическим ресурсом и продуктом, обеспечивающим жизненно важные направления деятельности государства, общества и индивида. В обширном информационном пространстве «fake news» некоторые СМИ дают тенденциозную оценку происходящим событиям, интерпретируют различные факты в угоду сложившейся конъюнктуре, нередко тиражируют откровенный вымысел. Качество подобного «знания» остается под большим вопросом. Процессы, обусловленные интернетизацией общества, расширением количественного состава агентов социализации, усиливают состоятельность и конкурентность этого процесса, но, одновременно, обуславливают возрастание вероятностного характера социализации.

Отметим еще один аспект. Знания о политических событиях, явлениях и процессах позволяют вырабатывать эффективные механизмы осознанного участия индивидов и групп в политической жизни, формировать политическую культуру гражданской активности. Вооружая индивида и общество необходимыми знаниями и навыками рационально-критического анализа политической жизни, социально-гуманитарные науки, политическая наука особенно, способствуют становлению социально ответственных граждан, что призвано обеспечить устойчивое функционирование социально-политической системы при смене поколений и даже в условиях социальных кризисов. Согласно положениям, неклассической и постнеклассической методологии науки, характерной для современного этапа ее развития, не существует универсального метода научного познания мира [9]. Еще в большей степени это относится к познанию политических процессов, где идет ожесточенная борьба за власть, крутятся огромные финансовые потоки, кипят страсти, сталкиваются интересы, реализуются прямо противоположные позиции, а также амбиции лидеров и целых государств. Возможно множество истин в исследовании и трактовке таких феноменов, как политическая власть, политика, демократия, идеология, права и свободы человека и др. не только дополняющих, но и противоречащих друг другу.

Знание о политических явлениях и событиях, их интерпретация зависят не только от их содержания, но и от многих других факторов, а

именно: используемого методологического инструментария, условий познания, мировоззренческой и идеологической позиции ученого, комментатора и интерпретатора полученных выводов и того, какую цель ставит тот, кто стремится получить знания. Невозможно сформировать однозначные выводы и интерпретации, сделать общепризнанные оценки и выводы о политических феноменах и процессах. В постнеклассической научной парадигме важным элементом является теоретическая интерпретация эмпирических фактов. На опыте всегда проверяется не столько теория, сколько ее конкретная эмпирическая интерпретация. Опыт, тем более политический, не может ни доказать, ни опровергнуть теорию, он может подтвердить или опровергнуть лишь ее конкретную эмпирическую интерпретацию [9]. Политические идеи, концепции, доктрины нередко камуфлируют истинные намерения тех, кто берет их на вооружение. Они специально разрабатываются с целью обоснования легитимности действий властвующей элиты или противодействия ей, пропаганды альтернативных взглядов, всегда для продвижения интересов определенных социальных групп.

В таких условиях важны источники знаний и интерпретация политических событий и явлений. С целью выявления источников, из которых студенчество России предпочитает получать информацию, отношения к этой информации и официальным источникам в целом, авторами был проведен Google-опрос среди студентов. Его участниками стали 134 студента из таких вузов и колледжей, как Российский университет транспорта (МИИТ), Российский государственный социальный университет (РГСУ), Военный университет имени князя Александра Невского, Российский новый университет и др. 6% иностранцев, которые только учатся в России, также приняли участие в опросе. Возраст респондентов от 16 до 30 лет. На вопрос о половой принадлежности ответили 86%, из которых 56,8% - женщины и 43,2% - мужчины. В исследовании также использовались данные опросов, проведенных ВЦИОМ и ФОМ, что позволило выявить некоторые тенденции формирования мнения российского студенчества относительно современных событий и предпочитаемых источников информации по сравнению с населением в целом.

Согласно результатам опроса, ВЦИОМ от 13.02.2023 года «О доверии к СМИ в России», примерно в равной степени россияне доверяют следующим СМИ: новостным, аналитическим, официальным сайтам (35%.); центральной и региональной прессе (по 33%, соответственно); Telegram-каналам (31%). В группе аутсайдеров — мессенджеры (WhatsApp, Viber и др.) и социальные сети, блоги. Доля тех, кто не дове-

ряет им (35% и 43%), превышает долю доверяющих (27% и 23%). ВЦИОМ делает вывод: несмотря на высокие темпы трансформации общего медиа ландшафта под воздействием цифровых технологий, «общество продолжает доверять наиболее привычному формату получения информации» [3]. В последнее время отмечается тенденция роста доверия к официальным СМИ. Так, согласно опросу ФОМ «Новостные передачи: популярность и доверие» от 16.02.2023 года, в котором приняло участие 1500 человек, 25% респондентов в возрасте 18-30 лет находят качество новостных передач намного лучше, чем было прежде, поскольку, по их мнению, информация стала честной, правдивой и только 16% имеют противоположное мнение. Также растёт уважение к российским журналистам: так считают 49% российской молодёжи, 30% имеют кардинально противоположное мнение и 21% молодых людей затрудняются не смогли высказать своё мнение по этому поводу. Мнение таких журналистов, как В. Соловьев – 7%, О. Скабеева – 4%, М. Симоньян, Е. Поддубный – по 2% является авторитетным для молодёжной аудитории [19; 21].

Результаты опроса студенческой аудитории, проведённого авторами с использованием Google-формы, подтверждают общие тенденции, описанные выше. Студенческий возраст – это важный этап становления личности, самоопределения индивидуальных, профессиональных и общественных траекторий развития, период больших возможностей, перспектив и решительных действий. Студенчество представляет собой сообщество индивидов, целенаправленно овладевающих профессиональными знаниями, умениями и навыками в процессе учебной деятельности. Как социальная группа оно характеризуется высоким уровнем познавательной мотивации, сформированностью устойчивого отношения к будущей профессии, целенаправленной деятельностью по овладению ее основами, основным параметрам своей жизнедеятельности. В студенческом возрасте (как правило, от 17 до 25 лет) функции памяти, мышления, внимания и восприятия молодого человека связаны в виде цепочки. В этот период происходит стабилизация мыслительных и логических функций и ярко проявляются способности логически запоминать и воспроизводить с пониманием большой объём информации, анализировать, определять цели, находить возможности для их достижения, разрабатывать краткосрочные и перспективные планы, оценивать свои действия, если есть необходимость, корректировать их.

На годы студенчества приходится формирование гражданского самосознания. Воспитание гражданского самосознания, сущность которого составляют осознанный гражданский долг и нравственная ответствен-

ность, зависит от многих условий и факторов, в немалой степени от качества потребляемой информации. Передача сведений о внутренней и внешней политике, происходящих событиях в официальных СМИ, по сравнению с другими информационными источниками, более обоснована и достоверна и, как правило, подтверждена документально.

Студентам был задан вопрос о доверии официальной информации по общественно-политической тематике, транслируемой федеральными СМИ [8].

Доверяете ли Вы официальной информации по общественно-политической тематике, транслируемой федеральными СМИ?

134 ответа

Рисунок 1 – О доверии официальной информации [8]

Из данных диаграммы видно, что 31,3% опрошенных респондентов скорее не доверяют официальной информации, чем доверяют. 20,1% - доверяют, остальные 49% сомневаются, но скорее доверяют, чем нет. Однако следует отметить, что, к сожалению, только 1,5% участников склонны анализировать и проверять информацию: их ответ: «доверяй, но проверяй»; 1% респондентов подвергают информацию большому сомнению, т.е. верят 50/50; 1% респондентов категорически не читают и не смотрят источники по общественно – политической тематике, поскольку считают, что «это вопрос не доверия, а информационного шума», ещё 1% респондентов вообще не следит за общественно-политическими событиями, не указав причину, также 1% в целом доверяет официальной новостной информации, но понимает, что она преподносится с целью завоевать лояльность населения. Иными словами, эти студенты осознают манипуляционный характер методов СМИ, что видно в таблице.

Таблица 1. Доверие информации СМИ [8]

Больше склонны доверять вместе с теми, кто доверяет	51,7%
Больше склонны не доверять вместе с теми, кто не доверяет	44%
Сомневающиеся, 50/50	1%
Совсем не обращаются к источникам политического характера	2%
Критично относятся, не высказав свое мнение, «доверяй, но проверяй»	1,3%

Эти данные можно назвать оптимистичными, поскольку позволяют делать вывод, что студенческая аудитория обладает критическим мышлением, подвергает информацию сомнению и стремится объективно оценивать происходящие события.

В ответах на следующий вопрос участники должны были указать мессенджеры, которыми они пользуются чаще всего для получения новостной информации.

Рисунок – 2 Частота использования мессенджеров [8]

Данные исследования, охватывающее только студенческую аудиторию, перекликаются с данными опроса россиян всех возрастов ФОМ «СМИ и интернет» за 16 февраля 2023 года. По данным ФОМ интернетом пользовались 74% россиян. Самым востребованным поисковиком оказался «Дзен», его выбрали 19% опрошенных, немного отстаёт Google – 13%. Мессенджеры для этих целей используют 23% респондентов, самым по-

пулярным стал Telegram (к нему обращаются 20% опрошенных), 17% предпочли в качестве источника новостей социальную сеть «ВКонтакте». Среди новостных сайтов лидируют Вести.RU (10%) и РИА Новости (9%) СМИ и интернет. Самые популярные темы в Telegram – новости (82%), развлечение и политика (59%), и образование (55%). По статистике самого Telegram канала 52% пользователей составляет возрастная группа от 18 до 35 лет [19].

Студенческая аудитория также предпочитает получать информацию из интернета (отвечающие называли одновременно несколько источников).

Таблица 2. Источники получения информации [8]

Telegram	87,3%
ВКонтакте	47,8%
Whats App	26.9%
Одноклассники	11,2%
Viber	9,7%
Официальные СМИ (1 канал, Россия -1, НТВ)	0,21%
Западные СМИ: The Guardian, New York Times.	менее 1%

Как видно из табл. 2, самым используемым мессенджером, которым пользуется студенчество, оказался Telegram. Вся его информация удобно разделена разработчиками на различные рубрики. Интересующая нас рубрика – политика. Следует отметить, что рубрики «политика» телеграм-каналов многообразны как по количеству, так и по содержанию. Наши респонденты, отвечая на вопросы Google-формы, отметили следующие каналы: NRK (новости, телевидение и радио из Норвегии и Германия), Раньше всех. Ну почти., Топор, Не Моргенштерн (СМИ рунета), Москвач (интернет проект» Новости Москвы, который собрал в себе трендовые рубрики и подборки от видео блогеров), Бладсикер 2.0 (традиционный православный русский канал), Политика страны (канал по ситуации в Украине от интернет-газеты «Страна» - украинское интернет-издание, заблокированное в России и Украине), Генерал-Армагеддон, Повёрнутые на Z Войне, Патрон, Рыбарь, Zvezdanews Mash, Russia Today, Рыцарь, PostNews, речи Жириновского, Safari (Веб-браузер, разработанный Apple), Пул N3 (Канал спецкора отдела политики КП и журналиста Кремлевского пула Дмитрия Смирнова), РБК.ru

(«РосБизнесКонсалтинг», один из крупнейших медиа-холдингов России, считается формально независимым и нейтральным, но подчиняющийся требованиям военной цензуры и взаимодействующий с властями), Ukraina.ru (российское государственное интернет-издание, работает с 18 июня 2014 года, принадлежит информационному агентству «Россия сегодня», транслирует официальную позицию РФ в вопросах Украины.), Царьград ТВ, Voblya, Лентач (работает ВКонтакте с 2011 года, известно ироничной и саркастической подачей информации), Сводки ополчения. Студенты, принявшие участие в опросе, указали также на каналы, занесённые Роскомнадзором в реестр информационных ресурсов иностранных агентов или по требованию Генеральной прокуратуры РФ признаны нежелательными на территории России: Varlamov News (с 23.03.2023), Meduza (с 25.01.2023), Дождь (с 20.08 2021). Телеканал Настоящее Время (признан Минюстом РФ иноагентом с 05.12.2017 на основании Статьи 6 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 №2124-1 «О средствах массовой информации»; русскоязычный телеканал, созданный американскими организациями «Свободное радио Европы» и «Голос Америки»), Readovka (с 30.08.2021), Ateo Breaking (с 26.03.2022; это сообщество выступило против СВО на Украине и требовало деэскалации), Медиазона(с 09.03.2022) , Новая газета (с 28.06.2023).

Согласно опросу студентов, среди популярных были названы телеграмм-каналы Маргариты Симоньян, Дмитрия Медведева, Александра Сладкова (военный корреспондент) «Александр Сладков/СВО», Владимира Соловьёва «Соловьёв Лайф», Екатерины Шульман (признана Минюстом РФ иноагентом с 15.04.2022 на основании Статьи 6 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»), Ксении Собчак «Кровавая барыня» и «Осторожно новости», канал украинского видеоблогера, журналиста и политического деятеля Анатолия Шария «Анатолий Шарий», Артемия Лебедева «Самые честные новости Артемия Лебедева», Владислава Позднякова «Поздняков 3.0» (Владислав Поздняков известен как создатель российского мужского движения «Мужское государство», признанного экстремистским и запрещённым на территории России за идеи патриархата, расизма и национализма, был осужден, отбывал наказание. В. Поздняков также является создателем телеграм-канала), Алексея Пивоварова (блогер и журналист, признан Минюстом РФ иноагентом с 03.06.2022 на основании Статьи 6 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 №2124-1 «О средствах массовой информации») и др. (См.: Реестр информационных ресурсов иностранных агентов, доступ к которым ограничен на территории Российской Федерации (reestr-inostrannyih-agentov-21072023.pdf (minjust.gov.ru)).

Проанализировав контент телеграм-канала, все перечисленные источники можно разделить на три категории: каналы, ориентированные на позицию официальной власти, оппозиционно-ориентированные источники (заблокированные каналы и каналы, признанные иноагентами) и информационно-аналитические каналы, подающие информацию нейтрально, без оценочных суждений.

Важно отметить, что практически 90% опрошенных респондентов ориентированы преимущественно на информацию одностороннего характера, поэтому они предпочитают обращаться к определенной категории источников, а именно, либо к патриотически ориентированным, либо враждебно-ориентированным источникам. Только около 10% опрошенных респондентов получают представления о новостных событиях из источников различного контента всех категорий источников, предпочитая сравнивать разные точки зрения и позиции с информацией, транслируемой на нейтральных каналах, без оценочных суждений и эмоционального фона, а иногда с историческими документами и фактами (смотри таблицу классификации каналов и данные опроса [8]).

Более детальный анализ привёл к следующим результатам.

Табл. 4. Группы респондентов [8]

Группы респондентов	Количество участников	Процентное соотношение
1. Респонденты, которых не интересует информация о политических событиях	11	8%
2. Респонденты, по ответам которых нельзя определить их отношение к политическим событиям и процессам.	31	24%
3. Респонденты, которые берут информацию только из оппозиционных (враждебно - настроенных) источников	15	10,4%
4. Респонденты, которые берут информацию только из источников, ориентированных на позицию официальной власти (патриотически-ориентированные источники)	59	45%
5. Респонденты, которые берут информацию из источников различного контента	10	8%
6. Респонденты, которые берут информацию из источников, которые не содержат оценочной составляющей	8	5%

Оцениваете ли Вы критически полученную информацию?

134 ответа

Рисунок 3 – Уровень оценки критической информации [8]

Как видно из диаграммы, 53% студенческой аудитории сравнивают интерпретацию одного и того же события (факта), используя разные источники. Принимают полученную информацию на веру 3%–4% респондентов, 28% строят свои суждения на основе имеющихся знаний, полученных по гуманитарным наукам. Этот показатель в очередной раз подтверждает необходимость критического пересмотра образовательных программ гуманитарных наук на всех ступенях образовательного процесса, создания программ разных уровней для непрерывного обучения широкого круга лиц. Табл. 5 показывает, как воспринимается информация каждой группой участников, указанной в табл. 4.

Таблица 5. Восприятие информации [8]

Группы респондентов (см. Табл. 4)	Принимают информацию на веру	Сравнивают и сопоставляют с другими источниками	Все равно	Оцениваю на основе имеющихся знаний
1. Респонденты, которых не интересует информация о политических событиях (11 чел.)	-	5	3	3
2. Респонденты, по ответам которых не нельзя определить их отношение к политическим событиям (31чел.)	1	13	4	4

3. Респонденты, которые берут информацию только из оппозиционно-ориентированных источников (15 чел.)	1	8	1	5
4. Респонденты, которые берут информацию только из источников, ориентированных на позицию официальной власти (патриотически-ориентированную позицию) (59 чел.)	2	40	3	14
5. Респонденты, которые берут информацию из источников различного контента (10 чел.)	-	7	-	3
6. Респонденты, которые берут информацию из источников, не содержащие оценочной составляющей (8 чел.)	-	4	3	1

Из 15 респондентов, которые берут информацию только из оппозиционно – ориентированных источников, 5 человек оценивают информацию на основе имеющихся знаний по гуманитарным наукам, что составляет 33%; сравнивают информацию с другими источниками 8 человек или 53%.

Из 59 респондентов, которые берут информацию только из источников, ориентированных на позицию официальной власти – 40 человек или 68% сравнивают информацию с другими источниками; 14 человек или 24% составляют те, кто формирует своё мнение, опираясь на имеющиеся знания, полученные по гуманитарным наукам в процессе образования. Итак, 33% респондентов, оценивающих информацию на основе полученных знаний по гуманитарным наукам, предпочитают получать информацию из оппозиционно-ориентированных источников; и 24% таких рецензентов предпочитают источники, ориентированные на позицию официальной власти.

Наше внимание фокусировалось также на контенте некоторых оппозиционеров, многие из которых в настоящее время объявлены иностранными агентами. Обращение в такого рода источникам вызвано тем, что наши респонденты в опросе сослались на них и молодёжь в целом активно посещает сайты и блоги иноагентов, что не должно остаться без внимания преподавателей и всех других государственно ориентированных акторов, имеющих отношение к процессу социализации молодого поколения.

Характерной чертой контента этих и других блогеров-иностраннных агентов является отсутствие глубокого анализа причинно-следственных связей исторического и политического мирового развития и геополитических процессов. Для убедительности, они используют хорошо известные

средства речевого воздействия на аудиторию: риторические вопросы, метафоры, сравнения, умелое манипулирование фактами, эмоциональная экспрессия, генерализация субъекта сознания, повторы, аллегии, фигуры речи, преувеличение, аллитерация, эпитеты, персонификация, аналогия, антитезис, что даёт им возможность как можно дольше удерживать студенческую аудиторию в своём поле влияния и целенаправленно вносить хаос в её сознание.

Здесь уместно отметить, что по состоянию на июнь 2023 года, с 24 февраля 2022 года Роскомнадзор ограничил доступ к примерно 206 тыс. интернет-ресурсам с фейками о спецоперации России, дискредитацией российской армии и призывами к несанкционированным акциям. Сайты заблокированы, а из соцсетей удалены материалы, причем этот сегмент информационного поля Роскомнадзор мониторит ежедневно.

В этой связи тема правомерности подобных действий стала весьма дискуссионной, особенно в молодежной среде. Интересны результаты опроса, проведенного ФОМнибус 17–19 июня 2022 года методом интервьюирования в режиме face-to-face по месту жительства респондентов, в котором приняло участие 1500 человек в возрасте старше от 18 до 30 лет из 104 городских и сельских населенных пунктов в 53 субъектах Российской Федерации. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. Опрос показал, что население 18–30 лет в целом позитивно воспринимают действия властей по блокировке тех сайтов, соцсетей и приложений, которые транслируют недостоверную и лживую информацию, хотя ответы не столь однозначны. Характерно, что 27% респондентов считают действия власти в этом направлении оправданной и необходимой мерой в условиях СВО, они отмечают важность борьбы с фейковой информацией, русофобией, негативными высказываниями в адрес России. 50% интервьюированных считают подобную блокировку неоправданной и даже бессмысленной, обосновывая свою позицию тем, что люди все равно найдут нужную им информацию, доступ к информации должен быть открытым, это нарушает права и свободы человека. Характерно, что устойчивой позиции по этому вопросу не сформировалось у 19% интервьюированных, и они затруднились ответить на этот вопрос. 5% не смогли ответить на этот вопрос, мотивируя свою позицию тем, что они не пользовались интернетом в этот период времени. Можно предположить, что таким образом люди «мягко» выразили свое нежелание высказывать свою точку зрения по этой проблеме.

На вопрос о том, можно или нельзя пользоваться заблокированными сайтами, соцсетями и приложениями 28% респондентов этой возрастной категории ответило, что недопустимо и предосудительно, 12% респондентов затруднилось с ответом, а 55% ответили, что не считают предосу-

дительно пользоваться такими источниками и что большинство их знакомых пользуются этими сайтами, обходя блокировки [22]. Пользователи должны понимать причины блокировки этих социальных сетей и условия их дальнейшего использования. Согласно официальной точке зрения, владельцы ряда социальных сетей, нарушили российское законодательство, перестали удалять публикации с призывами к насилию в отношении российских военных и представителей власти, массовым беспорядкам.

В 2021 году Президентом РФ подписан Указ «Об утверждении основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». Документ, в частности, предусматривает формирование «единого цифрового информационного пространства» с использованием существующих государственных информационных систем (ГИС) и информационных ресурсов органов публичной власти, а также инфраструктуры, которая обеспечивает их взаимодействие. К таковой, согласно тексту документа, в частности, относится система распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия [17].

Федеральный закон от 14.07.2022 №270-ФЗ устанавливает обязанности для государственных органов, органов местного самоуправления и подведомственных им организаций создавать и вести официальные страницы в социальных сетях для размещения актуальной информации о своей деятельности. Список таких организаций утверждает Правительство Российской Федерации. Эта работа велась и ранее. Многие государственные учреждения, ведомства, чиновники давно вели страницы в соцсетях. Однако новые вызовы и риски, информационные атаки обуславливают необходимость совершенствования механизма обратной связи с людьми, «всегда быть на связи». Выстраивание прямого диалога государства и общества в режиме онлайн, получение информации от официальных лиц увеличивает возможности коммуницирования и взаимопонимания между ними, повышает уровень доверия к власти у старшего поколения и молодежи. Как показывает практика, один из эффективных и доступных способов предотвращения появления фейков, это максимальное наполнение информационного пространства достоверной информацией и профессиональное разоблачение фейков [23].

На государственном уровне необходимо объединение усилий различных ведомств, представителей науки, экспертов по противодействию информационным атакам для повышения устойчивости социальных слоев, особенно молодежи, к негативному информационному воздействию. Необходима разработка государственной идеологии, которая станет осно-

вой организации идеологической, просветительской работы с молодежью и населением в необходимом для государства направлении.

Необходимо шире использовать возможности неправительственных организаций в интернете для доведения до российской и международной общественности достоверной информации об истории, культуре страны, а также современной политике РФ.

Таким образом, умение критически оценивать поступающую информацию, гармонично сочетать личные и общественные интересы через осознание государственных интересов, понимать свою роль в событиях и процессах государственной значимости. Сформированные знания, умения и навыки компетентного анализа информационного поля позволят молодому человеку распознать недостоверность источников информации, и целенаправленное манипулирование ими. Степень медиа влияний определяется многими факторами, в том числе актуальностью, содержанием, технологиями подачи контента, а также состоянием индивидуального и массового сознания, готовностью воспринять или опровергнуть информацию. Эффективное выполнение масс-медиа функций ведущего института социализации молодежи в условиях информационной войны в контексте государственных интересов России может быть успешным при соблюдении следующих условий: учет целостного характера функционирования социума, правдивость официальной информации в освещении позитивных и возможных негативных последствий политических решений и действий властей, открытость власти, коммуникация власти и общества в перманентном режиме.

Литература

1. Барабаш В.В., Котеленец Е.А., Лаврентьева М.Ю. Информационная война: к генезису термина // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. №3. С. 76-89.
2. Володин В.В. Общество показало зрелость и не поддержало мятеж. URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/07/02/volodin-obshhestvo-pokazalo-zrelost-i-ne-podderzhalo-myatezh.html/> (дата обращения 02.07.2023).
3. ВЦИОМ: О доверии к СМИ в России. Аналитический обзор. 13.02.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii/> (дата обращения 14.06.2023).
4. ВЦИОМ: Новости. Флаг над школой. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/flag-nad-shkoloi/> (дата обращения 05.07.2023).
5. Григорян А., Бородина Т., Подрез Т. «Новая газета» финансировалась Нидерландами. Известия. 01.09.2015. URL: <https://iz.ru/news/590724/> (дата обращения 07.07.2023).
6. Емельяненко В. Куда идет российская семья. Российская газета. 07.06.2022. URL: <https://rg.ru/2022/06/07/privychka-zhenitsia.html/> (дата обращения: 07.07.2023).

7. Задорин И., Бурова Ю, Сюткина А. СМИ и массовое политическое сознание: взаимовлияние и взаимозависимость. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/b9c/9909ar-05.pdf/> (дата обращения 08.07.2023).
8. Кожевникова М.А., Авцинова Г.И. Google-опрос (май - июнь 2023 г.). URL: <https://docs.google.com/forms/d/1lbWKXtLjmGOCDD1t-Nv1HsyMeSDfi7kFtt0wA-XVZ4/edit?pli=1#responses/> (дата обращения 06.06.2023).
9. Лебедев С.А. Классическая, неклассическая и постнеклассическая методология науки // Гуманитарный вестник. 2019. №2.
10. Маслова И.А. СМИ как фактор политической социализации молодежи // Теории и проблемы политических исследований. 2012. №1. С. 95-106.
11. Морев М.В., Гужавин Т.А., Смолева Е.О. и др. Гражданское общество – общество граждан. Москва: Изд-во «ВолНЦ РАН», 2018. 206 с.
12. Никитина С. Можно ли продолжать пользоваться заблокированными социальными сетями и не попасть под статью? URL: <https://mius-media.ru/mozhno-li-prodolzhat-polzovatsya-zablokirovannymi-socialnymi-setyami-i-ne-popast-pod-statyu/> (дата обращения 04.07.2023).
13. Новый текст Конституции РФ с поправками 2020. 03.07.2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения 01.07.2023).
14. Трудолюбов М. Идеи о том, как Путин превращается в «голового короля». URL: <http://tgstat.ru/channel/@meduzalive/> (дата обращения 14.06.2022).
15. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями 6 декабря 2018 г.). URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения 01.07.2023).
16. Указ Президента РФ от 8 ноября 2021г. №633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402915816/> (дата обращения 08.07.2023).
17. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019/> (дата обращения 08.07.2023).
18. Фишман М. Год войны. Зачем Путин ее начал, как не смог в ней победить и подчинил ей всю Россию. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zgaJP6Fe9cQ/> (дата обращения 21.06.2022).
19. ФОМ: Новостные передачи: популярность и доверие. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14838/> (дата обращения 14.06.2022).
20. ФОМнибус: Названа численность заблокированных с начала СВО сайтов. URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/06/09/nazvana-chislennost-zablokirovannykh-s-nachala-svo-saytov.html/> (дата обращения 04.07.2023).
21. ФОМ: Предпочтительные источники информации: интернет. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/> (дата обращения 04.07.2023).

22. ФОМнибус: Отношение к блокировкам сайтов, соцсетей, приложений. 17–19 июня 2022 г. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14743/> (дата обращения 04.07.2023).

23. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. №270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404892163/> (дата обращения 08.07.2023).

24. Шумилов А.В. Digital politics язык современной политики // PolitBook. 2019. № 4. С. 89-96.

25. Щеглов И.Л. Проблема человека политического в теории политической социализации // Теория и практика общественного развития. 2012. №7. С. 191-193.

References

1. Barabash V.V., Kotelenets E.A., Lavrent'eva M.Yu. Informatsionnaya voina: k genezisu termina. Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2019. №3. S. 76-89.

2. Volodin V.V. Obshchestvo pokazalo zrelost' i ne podderzhalo myatezh. URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/07/02/volodin-obshhestvo-pokazalo-zrelost-i-ne-podderzhalo-myatezh.html/> (дата обращения 02.07.2023).

3. VTsIOM: O doverii k SMI v Rossii. Analiticheskii obzor. 13.02.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii/> (дата обращения 14.06.2023).

4. VTsIOM: Novosti. Flag nad shkoloj. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/flag-nad-shkoloj/> (дата обращения 05.07.2023).

5. Grigoryan A., Borodina T., Podrez T. «Novaya gazeta» finansirovalas' Niderlandami. Izvestiya. 01.09.2015. URL: <https://iz.ru/news/590724/> (дата обращения 07.07.2023).

6. Emel'yanenko V. Kuda idet rossiiskaya sem'ya. Rossiiskaya gazeta. 07.06.2022. URL: <https://rg.ru/2022/06/07/privychka-zhenitsia.html/> (дата обращения: 07.07.2023).

7. Zadorin I., Burova Yu, Syutkina A. SMI i massovoe politicheskoe soznanie: vzaimovliyanie i vzaimozavisimost'. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/b9c/9909ar-05.pdf/> (дата обращения 08.07.2023).

8. Kozhevnikova M.A., Avtsinova G.I. Google-opros (mai - iyun' 2023 g.). URL: <https://docs.google.com/forms/d/1lbWKXtLjmGOCDd1t-Nv1HsyMeSDfi7kFtt0wA-XVZ4/edit?pli=1#responses/> (дата обращения 06.06.2023).

9. Lebedev S.A. Klassicheskaya, neklassicheskaya i postneklassicheskaya metodologiya nauki. Gumanitarnyi vestnik. 2019. №2.

10. Maslova I.A. SMI kak faktor politicheskoi sotsializatsii molodezhi. Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. 2012. №1. S.95-106.

11. Morev M.V., Guzhavin T.A., Smoleva E.O. i dr. Grazhdanskoe obshchestvo – obshchestvo grazhdan.-Moskva: Izd-vo «VoINTs RAN», 2018. 206 s.

12. Nikitina S. Mozhno li prodolzhat' pol'zovat'sya zablokirovannymi sotsial'nymi setyami i ne popast' pod stat'yu? URL: [https://mius-media.ru/mozhno-li-prodolzhat-polzovatsya-zablokirovannymi-socialnymi-setyami-i-ne-popast-pod-statyu/\(data obrashcheniya 04.07.2023\)](https://mius-media.ru/mozhno-li-prodolzhat-polzovatsya-zablokirovannymi-socialnymi-setyami-i-ne-popast-pod-statyu/(data+obrashcheniya+04.07.2023)).

13. Novyi tekst Konstitutsii RF s popravkami 2020. 03.07.2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (data obrashcheniya 01.07.2023).

14. Trudolyubov M. Idei o tom, kak Putin prevrashchaetsya v «gologo korolya». URL: <http://tgstat.ru/channel/@meduzalive/> (data obrashcheniya 14.06.2022).

15. Ukaz Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 g. №1666 «O Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda» (s izmeneniyami i dopolneniyami 6 dekabrya 2018 g.). URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (data obrashcheniya 01.07.2023).

16. Ukaz Prezidenta RF ot 8 noyabrya 2021g. №633 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi politiki v sfere strategicheskogo planirovaniya v Rossiiskoi Federatsii». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402915816/> (data obrashcheniya 08.07.2023).

17. Ukaz Prezidenta RF ot 9 noyabrya 2022 g. №809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostei». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019/> (data obrashcheniya 08.07.2023).

18. Fishman M. God voiny. Zachem Putin ee nachal, kak ne smog v nei pobedit' i podchinit' ei vsyu Rossiyu. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zgaJP6Fe9cQ/> (data obrashcheniya 21.06.2022).

19. FOM: Novostnye peredachi: populyarnost' i doverie. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14838/> (data obrashcheniya 14.06.2022).

20. FOMnibus: Nazvana chislennost' zablokirovannykh s nachala SVO saitov. URL: https://www.mk.ru/politics/2023/06/09/nazvana-chislennost-zablokirovannykh-s-nachala-svo-saytov.html/ (data obrashcheniya 04.07.2023).

21. FOM: Predpochtitel'nye istochniki informatsii: internet. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/> (data obrashcheniya 04.07.2023).

22. FOMnibus: Otnoshenie k blokirovkam saitov, sotssetei, prilozhenii. 17–19 iyunya 2022 g. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14743/> (data obrashcheniya 04.07.2023).

23. Federal'nyi zakon ot 14 iyulya 2022 g. №270-FZ «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «Ob obespechenii dostupa k informatsii o deyatelnosti gosudarstvennykh organov i organov mestnogo samoupravleniya» i stat'yu 10 Federal'nogo zakona «Ob obespechenii dostupa k informatsii o deyatelnosti sudov v Rossiiskoi Federatsii». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404892163/> (data obrashcheniya 08.07.2023).

24. Shumilov A.V. Digital politics yazyk sovremennoi politiki. PolitBook. 2019. № 4. S. 89-96.

25. Shcheglov I.L. Problema cheloveka politicheskogo v teorii politicheskoi sotsializatsii. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2012. №7. S. 191-193.

**Е.Н. Малик,
Т.А. Кудинова,
М.В. Шедий**

**E. Malik,
T. Kudinova,
M. Shedij**

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ
КАК АГЕНТЫ
ИНТЕРНЕТИЗАЦИИ
МОЛОДЕЖИ:
ПРЕИМУЩЕСТВА
И РИСКИ**

**SOCIAL MEDIA
AS AGENTS OF YOUTH
INTERNETIZATION:
BENEFITS AND RISKS**

Аннотация

Цифровизация почти всех направлений публичной политики обозначила значительную роль социальных сетей в жизни большинства людей и, в первую очередь, молодого поколения. Цель настоящего исследования представить комплексный анализ коммуникационного онлайн-взаимодействия в социальных сетях. Социальные сети стали новым форумом, который позволяет людям обмениваться идеями, устанавливать контакты, получать образование, овладевать новыми креативными знаниями и технологиями. Интернетизация практически всех сфер общества привела к усилению роли социальных сетей и электронных медиа в процессе социализации молодого поколения.

Преимущество социальных сетей также заключается в устранении коммуникационных барьеров и создании децентрализованных каналов связи, что особенно важно для молодежи. Однако, проведенный анализ показал, что наряду с позитивными характеристиками, важно оценивать и деструктивное влияние социальных сетей на молодых пользователей. Методом системного анализа выявлены основные риски и угрозы киберсоциализации молодежи. Социальные сети могут служить деструктивным контентом, стать инструментом для совершения преступлений и противоправных действий, вплоть до экстремизма и терроризма. Сегодня цифровые сервисы открыли двери для нового типа угроз

Abstract

Digitalization of almost all areas of public policy outlined the significant role of social networks in the lives of most people and, first of all, the younger generation. The objective of this study is to present a comprehensive analysis of online communication interaction in social networks. Social networks have become a new forum that allows people to exchange ideas, establish contacts, receive education, master new creative knowledge and technologies. The internetization of almost all spheres of society has led to the strengthening of the role of social networks and electronic media in the process of socializing the younger generation.

The advantage of social media is also to remove communication barriers and create decentralized communication channels, which is especially important for young people. However, the analysis showed that along with positive characteristics, it is important to assess the destructive impact of social networks on young users. The method of systematic analysis revealed the main risks and threats of cyber socialization of young people. Social networks can serve as destructive content, become a tool for committing crimes and illegal actions, up to extremism and terrorism. Today, digital services have opened the door to a new type of social media threats - social engineering.

The authors argued that understanding the risks posed by social media and social engineering is crucial for anyone who us-

социальных медиа - социальной инженерии.

Авторами аргументирован вывод, что понимание рисков, связанных с социальными сетями и социальной инженерией, крайне важно для всех, кто пользуется онлайн-платформами, и в первую очередь молодежи, чье политическое сознание наиболее лабильно и неустойчиво. Для снижения деструктивного воздействия социальных сетей необходимы с одной стороны, усиленный государственный мониторинг за их деятельностью и введение ответственности социальных сетей за контент пользователей, а с другой меры по самоконтролю пользователей за своей цифровой гигиеной и информационной грамотностью.

Ключевые слова:

молодежь, социальные сети, социальные медиа, интернет, интерактивное взаимодействие, социальная инженерия, интернетизация.

es online platforms, and primarily young people whose political consciousness is most labile and unsustainable. To reduce the destructive impact of social networks, on the one hand, enhanced state monitoring of their activities and the introduction of responsibility of social networks for user content are necessary, and on the other hand, measures to self-control users over their digital hygiene and information literacy.

Key words:

youth, social networks, social media, Internet, interactive interaction, social engineering, information risks, Internet.

Цифровая эпоха обозначила объективную роль информации в различных сферах жизни общества. Сегодня мы наблюдаем стремительный рост влияния мобилизационного ресурса электронных и цифровых медиа на общественно-политические процессы. За последнее время появилось немало работ, посвященных исследованию влияния электронных медиаресурсов и компьютерных технологий на политику современного государства. Актуальными для изучения становятся вопросы, связанные с цифровизацией государственного управления, электорального процесса, политического имиджмейкинга, дипломатии и пр. Трудно не согласиться с тем фактом, что глобальное информационное пространство характеризуется не только ростом процессов информатизации и цифровизации, созданием новых способов производства с использованием электронных технологий, но и установлением эффективной коммуникации людей. При этом стоит учитывать, что «виртуализация современной жизни сформировала виртуальное пространство (онлайн-среду), которое существует параллельно реальному (оффлайн) пространству» [4, с. 72].

Рассматривая более детально аспекты интерактивных форм коммуникаций, следует остановиться на ряде особенностей, обуславливающих формы взаимодействия молодежи в виртуальном пространстве. Если обратить-

ся к «Теории поколений» западных ученых Нейла Хоувомы и Вильяма Штрауса, разработанную ими в 1991 году, можно сделать вывод о том, что сегодняшние подростки принадлежат к «поколению Z» со своими отличительными чертами. Это поколение, в отличие от их родителей, не помнит времени без интернета, не может себе представить жизни без смартфона и социальных сетей, а все общение в социуме для них делится «на онлайн и офлайн» [31]. Анализируя социальный портрет представителей «поколения Z», следует выделить наиболее общие их отличительные черты: во-первых, размытое чувство ответственности на фоне гражданского и политического инфантилизма; во-вторых, клипового сознания, формируемое заголовками и мозаичными картинками, а не чтением серьезных аналитических источников и научно-популярной литературы; в-третьих, замена реальных путешествий, экскурсий и посещений музеев на виртуальные и мультимедийные туры; в-четвертых, предпочтение интернет-чатов, мессенджеров, форумов общению в реальном времени [18, с. 62-63].

Как показывают результаты исследования «Российское «поколение Z»: установки и ценности», «более 80% российских молодых людей либо не интересуются политикой, либо не имеют на этот счет определенного мнения. По-настоящему интересна она лишь 19% опрошенных россиян в возрасте от 14 до 29 лет» [14]. Данное обстоятельство вполне можно объяснить слабым пониманием смысла политической деятельности в силу молодого возраста, а также отсутствием устойчивых политических убеждений и ориентаций, опять же по этой причине. В своем большинстве молодые граждане демонстрируют достаточно конформное политическое поведение. Вместе с тем «уход» молодых граждан в виртуальный мир и отказ от телевидения указывает на тот факт, что «потребление информации молодыми людьми чрезвычайно хаотичное: здесь и новости «Яндекса», и разнообразные YouTube-каналы и блогеры, обрывки новостей в TikTok и т.д. [5, с. 32]. Мы разделяем мнение Д.В. Гусева, что «сегодня происходит существенное изменение самого процесса социализации молодого человека, что связано с ослаблением роли традиционных агентов социализации, и ростом влияния электронных масс-медиа и социальных сетей» [6, с.69]. Виртуальный вид передачи информации имеет обширный, часто обновляемый контент, и практически «круглосуточное» воздействие на молодежь. И здесь надо учитывать, что ее сознание еще достаточно лабильно на фоне недостающего политического опыта и слабой роли традиционных институтов

социализации. В результате уровень информационной культуры и само качество потребляемой информации у молодых людей, остаются несбалансированными в контексте политической интернетизации.

Социальные сети – новый форум коммуникаций

В научном сообществе устоялось мнение, что молодежь более креативна в выборе медийных источников и информации, поэтому и является наибольшей долей пользователей электронных медиа и социальных сетей. Как справедливо заметил, В.С. Калинича, «молодежь как социально-демографическая группа, традиционно находящаяся в авангарде технического прогресса и наиболее восприимчивая к инновационным решениям больше и раньше других, интегрируется в процессы изменений, новые формы и методы взаимодействия в той или иной сфере» [8, с. 155].

Стоит сказать, что количество времени, проводимого современным человеком в глобальной сети, за просмотром видео и чтением новостных каналов неуклонно растет. При этом молодые пользователи среди главных источников новостей о событиях в нашей стране и мире выбирают «социальные сети и блоги в интернете (35-45%), новостные, аналитические и официальные сайты в интернете (20%), телевидение (11-19%), мессенджеры (4%). Наибольший интерес аудитории социальных сетей и мессенджеров вызывают следующие материалы (топ-5): новости о событиях в стране и мире (49%), политика (42%), образование и саморазвитие (39%), юмор (37%), а также еда и рецепты (36%)» [12]. На основании данных, полученных при опросах, проводимых Фондом общественного мнения, среди социальных сетей в России на первом месте по популярности лидирует «ВКонтакте» (38%), на втором «Одноклассники» (29%). Среди мессенджеров 50% пользователей выбирают WhatsApp, 22% – Telegram, 10% – Viber [9].

В пятерку наиболее популярных социальных сетей и мессенджеров за последнее время входят: YouTube, WhatsApp, Instagram, Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ), и WeChat. В начале марта 2022 г. цифровая структура России претерпела значительные перемены. Компания Meta была внесена в регистр экстремистских организаций, соответственно Facebook и Instagram (принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ) официально подверглись ограничению со

стороны российских властей. «Российские организации с марта 2022 г. прекратили развивать свои сообщества внутри социальных сетей Facebook и Instagram (принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ), однако у пользователей остается открытой возможность взаимодействовать с данными площадками» [21].

Сегодня существует множество положительных аспектов, связанных с использованием социальных сетей. Благодаря социальным сетям любой, кто находится онлайн, получает неограниченный поток информации для пополнения своего багажа знаний. В современном мире нельзя отрицать, что социальные сети играют важную роль в воздействии на нашу культуру, нашу экономику и наше общее представление о мире. «Интернет как новая технология обработки информации, позволяющая порождать знания, обмениваться данными, синтезировать данные различных типов (вербальные, визуальные, аудиальные), привел к формированию особой коммуникативной среды. В общении пользователей социальных сетей широкое распространение получают стратегии, которые довольно редко встречаются в обычной коммуникации» [1, с. 59].

Социальные сети устранили коммуникационные барьеры и создали децентрализованный канал связи, открыли двери для всех с целью интеграции граждан в социально-политические практики. Они предлагают возможность сформировать группу единомышленников для совместной работы. Социальные медиа, как информационная площадка вмещает в себя широкий спектр спонтанных, формальных, неформальных, научных и др. взаимодействий. Это позволяет группам, основанным на общих интересах, работать в совместных групповых проектах за пределами организации. Примером могут служить студенческие проекты, школьные экспериментальные и творческие проекты. Это способствует креативности и сотрудничеству с широким кругом комментаторов по ряду вопросов, таких как образование, экономика, политика, расовая принадлежность, здоровье, отношения и т.д. Некоторые школы успешно используют блоги в качестве средств обучения, что способствует укреплению навыков владения иностранным языком, письменной речи и творческих способностей. Стоит сказать, что сайты социальных сетей помогают учащимся и студентам повысить успеваемость, в первую очередь за счет использования связи друг с другом при выполнении совместных заданий, особенно с применением метода «мозгового штурма». Благодаря постоянному нахождению в информа-

ционном пространстве и интерактивному взаимодействию, молодежь развивает уникальные особенности быстрого поиска, обмена и обработки оперативной информации, что позволяет осваивать новые образовательные дистанционные технологии. А как показывает практика, использование ресурсов дистанционного обучения имеет реальный запрос, как со стороны прогрессивного педагогического и научного сообщества, так и самих обучающихся.

Кроме того, социальные сети используются для распространения информации быстрее, чем традиционные новостные агентства или любые другие медиа. Повседневные примеры обмена оперативной информацией в социальных сетях можно увидеть в экстренных сообщениях на привычных для нас мобильных устройствах. Безусловно, социальные сети обеспечивают в высшей степени подходящее пространство для мгновенного обмена текстовой или мультимедийной информацией между людьми. Действительно, резкий рост сетевых мультимедиа и пользовательского контента революционизирует все этапы цепочки социальных коммуникаций [30].

Угрозы интернетизации молодежи через социальные сети: мобилизация к экстремизму, кибербуллинг и социальная инженерия

Как было описано выше, социальные сети служат платформой для обмена информацией, развлечений и общения, делая их неотъемлемой частью информационного общества. Они принесли много преимуществ, позволив пользователям легко общаться между собой по всему миру, снимая международные границы и социокультурные барьеры. Однако социальные сети также открыли двери для новых типов угроз и могут служить инструментом для стимулирования преступной деятельности. «В настоящее время помимо своих основных функций социальные сети несут в себе возможность для политических манипуляций, чем активно пользуются многие организации и даже государства. По сути, социальные сети стали новым инструментом ведения информационных войн» [3, с. 72].

Социальные сети способны оказывать отрицательное влияние на сознание и социально-политические ориентиры молодого поколения из-за глобального охвата. Заменяя реальное и адекватное человеческое общение, физическую и эмоциональную поддержку, социальные медиа и сети, интегрируя пользователей в виртуальную связь, могут лишить их навыков самоконтроля, самокритичности и способности самостоятельно мыслить.

Для молодых граждан, у которых эти функциональные качества и так в силу возраста не устойчивы, это чревато негативными последствиями.

В современной науке появилось много исследований, посвященных изучению связи между социальными сетями и преступной деятельностью в молодежной среде [2; 5; 25; 26]. Установлен такой феномен как «оффлайн депрессия», который развивается при чрезмерном проведении времени в социальных сетях и имеет в своем проявлении классические симптомы депрессивного состояния. Стремление к признанию и поддержке связи со сверстниками является важным элементом социальной жизни молодого поколения. Активность онлайн мира, который требует постоянного взаимодействия, создает устойчивый «эффект причастности и единения» и лишая молодых пользователей такой возможности (ограничив их онлайн общения), можно спровоцировать у них депрессию. Есть примеры, когда лица, страдающие «оффлайн депрессией» подвергаются риску социальной изоляции и иногда обращаются за «помощью к рискованным интернет-сайтам и блогам, которые могут способствовать злоупотреблению психоактивными веществами, незащищенным сексуальным действиям, агрессивному и саморазрушительному поведению [29]. Некоторые ученые высказывают мнение, что люди, которые не могут ограничить свое время на использование социальных сетей, (по типу «игромании», более склонны к депрессии и беспокойству. Исследование, проведенное психологом доктором Марком Беккером из государственного университета Мичигана, показало увеличение самовыявленных симптомов депрессии среди группы, регулярно использующей социальные сети, на 70%, и увеличение социальной тревожности на 42%. Очевидно, что чрезмерное использование социальных сетей повышает риск депрессии, социофобии и, в конечном счете, стресса [22].

Таким образом, неустойчивый эмоциональный статус молодых людей, который отражает изолированность, разочарование, депрессию и нестабильность, может служить объективным выбором ими радикальной и экстремистской идеологий. Из-за потери смысла жизни они легко поддаются влиянию и радикализации через онлайн-контент социальных сетей. Однако, помимо эмоциональных проблем крайне важно усматривать связь депрессивного состояния пользователя с противоправными деяниями. Сегодня ученые во всем мире обращают внимание на проблемы стимулирования преступной деятельности молодых граждан с помощью социальных се-

тей. Существует связь между радикализацией поведения и эмоциональными проблемами, вызванными социальными сетями.

Проведенные исследования показали, что «депрессивные симптомы, не зависящие от психосоциальных невзгод, были связаны с симпатиями к осуществлению насильственных протестов и терроризма» [23, с. 20]. Наиболее опасным аспектом социальных сетей является глобальный охват этого ресурса террористическими группами. Терроризм использует социальные сети в своих интересах для сбора информации, вербовки членов, сбора средств и пропагандистских схем. Сегодня в киберпространстве насчитывается около 10000 террористических веб-сайтов.

Представляет интерес, доклад профессора Хайфского университета в Израиле под названием «Новый терроризм и новые медиа», где ученый описывает схему подготовки «фанатиков» террористическими организациями с помощью вербовки через социальные сети. Установлена причинно-следственная связь, по которой молодые граждане вступают в террористические группы и радикальные организации через ресурсы сети. Оценивая социально-психологические профили «новобранцев», среди субъективных факторов необходимо указать на то, что эти организации предлагают неуверенным в себе людям уникальную возможность почувствовать себя сильными. Пропаганда и агитация социальных сетей заставляют разочарованных, недовольных радикалов поверить, что они делают что-то действительно значимое в своей жизни.

Отдельно стоит указать на проблемы нарастания киберэкстремизма в молодежной среде. Как справедливо указывают российские исследователи, «в ряде социальных сетей встречаются псевдоисторические сообщества, прославляющие славянскую романтику, которые под видом, на первый взгляд, безобидного контента, продвигают в массы идеи насилия и шовинизма» [19, с. 380-381].

За последнее время серьезной проблемой для молодежи стал кибербуллинг. Социальные сети могут служить площадкой для проявления новых форм издевательств сверстниками друг над другом. При этом, те, кто занимается кибербуллингом, имеют возможность скрывать свою личность, выдавая себя за кого-то другого, чтобы терроризировать своих жертв. Исследование, проведенное Национальным детским домом в Великобритании, показало, что один из четырех детей сообщил, что над ними издевались в интернете. Примерно 20-35% подростков сообщают об участии в издева-

тельствах либо в качестве хулигана, либо в качестве жертвы, либо и в том, и в другом случае. Эти проблемы оставили у подростков глубокие душевные раны и даже привели к подростковым самоубийствам [28].

Еще одним типом новых сетевых угроз с применением психологического манипулирования, является социальная инженерия. Социальные сети облегчают киберпреступникам задачу воспользоваться нашей естественной склонностью доверять друг другу [27]. Когда мы размещаем личную информацию в социальных сетях, мы предоставляем хакерам легкий доступ к нашим данным и информационным системам.

Социальная инженерия в социальных сетях – это использование психологических манипуляций и обмана на платформах социальных сетей, чтобы обманом заставить людей раскрыть конфиденциальную информацию или выполнить действия, которые ставят под угрозу их безопасность. Используя неосведомленность и уязвимость пользователей социальных сетей, социальные инженеры могут сравнительно легко получить доступ к конфиденциальной информации и активам. Социальная инженерия в социальных сетях обычно предполагает выдачу себя за доверенные организации, такие как банк или государственное учреждение, или использование поддельных профилей, чтобы обманом заставить людей разгласить личную информацию или отправить деньги.

В контексте социальной инженерии социальных сетей атаки используют доверие и простоту общения, которые предлагают платформы социальных сетей. Поэтому выявить атаки социальной инженерии намного сложнее, чем киберугрозы, поскольку они направлены на человеческие эмоции и поведение. Тем не менее, существует несколько распространенных примеров кибермошенничества с использованием социальной инженерии в социальных сетях, жертвами которого нередко бывает молодежь.

Мошенничество с фишингом. Этот вид риска социальной инженерии является распространенной атакой на платформы социальных сетей, когда злоумышленники выдают себя за законные организации и запрашивают у жертв конфиденциальную информацию, например пароли или финансовые данные. В отличие от типичных фишинговых афер, рассылаемых многим людям, spear-phishing это целевые атаки, тщательно разработанные для обмана конкретного пользователя (или целевой группы пользователей). Такие атаки могут быть особенно опасны на платформах социальных сетей,

где злоумышленники могут собрать подробную информацию о цели перед началом атаки.

Вредоносные программы и вирусные аферы. Этот вид риска социальной инженерии связан с использованием вредоносных программ, таких как вирусы или вредоносное ПО для получения доступа к личной информации жертвы и конфиденциальным данным, хранящимся на ее устройстве.

Онлайн-груминг. Этот вид интернет-мошенничества строится на общении в социальной сети. Например, злоумышленник каким-либо обманным путем, втираясь в доверие подростка, стремится получить его личные фотографии и видео. В дальнейшем он может начать манипулировать ребенком, шантажировать его с помощью контента. По данным проведенного исследования в «Лаборатории Касперского», «примерно 75% детей получают от незнакомых людей в социальных сетях заявки на добавление в друзья» [18].

Доксинг. Это явление, при котором недоброжелатели делают публичной информацию о человеке, чтобы навредить ему и его репутации. Цель такого мошенничества состоит в том, чтобы нарушить приватность частной жизни пользователя социальной сети. Объектом становятся имена родственников, клички домашних животных, детали семейного быта, подробная геолокация, фото и сканы документов, билетов на мероприятия, банковских карт и т.д.

Безусловно, защита пользователей от действий социальных инженеров, зависит во многом от предпринимаемых ими мер осторожности при использовании социальных сетей. Это означает, что молодым людям нужно быть более бдительными, внимательно следить за своим поведением и взаимодействием в сети, проверять подлинность источников, прежде чем предоставлять личную информацию или отвечать на запросы, а также быть в курсе последних угроз и рисков.

Государственное регулирование деструктивного контента социальных сетей в России

Обобщая вышесказанное, следует особо подчеркнуть, что выявление и противодействие вредоносным трендам интернетизации молодого поколения является одной из важнейших задач современного государства.

До появления Глобальной сети, информация, транслируемая и тиражируемая традиционными масс-медиа (телевидение, пресса, радио), прежде чем дойти до своего потребителя, подвергалась множеству фильтров и

проходила минимальный контроль качества. Эпоха социальных сетей сделала производство информации практически молниеносным, отменив фильтры по ее обмену между потребителями, что может привести к «информационному смогу» [7].

Сегодня киберпространство расширяет спектр рисков и угроз так как практически любой пользователь имеет возможность доступа к любому контенту. По мнению бельгийского кибернетика Франсиса Хейлигена «мы попали в шквал нерелевантных, неясных и просто ложных информационных фрагментов» [24].

Благодаря Глобальной сети открываются возможности посетить не только электронные библиотечные системы, онлайн-кинотеатры, виртуальные выставки и концерты. Виртуальный мир наполнен множеством сайтов, которые явно или скрыто пропагандируют деструктивную и социально опасную информацию. «Цифровые платформы могут служить площадкой создания радикального молодежного движения и нового движения диссидентов. Наибольшую опасность, представляет особая «разновидность» киберпреступников, на сайтах которых распространяются радикальные доктрины, ведется широкая пропагандистская кампания террористического или экстремистского содержания» [11, с. 99-100].

При таких обстоятельствах, если не применять правила цифровой гигиены, легко стать жертвой недобросовестной пропаганды западных политехнологов, ведущих против нашей страны «ментальную войну». Скрытая или явная пропаганда в социальных медиа работает с целью идеологического раскола российского общества. Большая часть информации разрушительна для общества, в том числе для молодежной аудитории. В киберпространстве содержится огромное количество токсичного контента: порнография, кадры реальных убийств, суицидов и прочее. То, что запрещено в реальной жизни, в интернете размещено практически в открытом доступе. Дети и подростки по природе любопытны, у них нет иммунитета к подобным материалам. Взрослые, подписывающиеся без разбора на множество каналов, также попадают в эту ловушку. Основные направления деструктивного контента социальных сетей сводятся к следующему: 1) продвижение моделей поведения, характерных для общества потребителей; 2) «отупление» пользователей; 3) борьба с традиционными семейными и нравственными ценностями; 4) распространение фейков и ложной информации; 5) нагнетание тревожности и ощущения социального неблагополучия.

чия; б) стимулирование в молодежной среде девиантного поведения и протестных моделей политического участия.

Каждое новое поколение усваивает опыт и ценности, выработанные предшествующими поколениями, но усваивает их в новой исторической и социальной обстановке, которая в той или иной степени влияет на процесс и результат социализации. Стоит согласиться с мнением Д.В. Руденкина, что «процесс формирования навыков цифровой гигиены у представителей российской молодежи не завершен: многие из них говорят о желании снизить для себя риски, связанные с использованием информационных технологий, но при этом готовы соблюдать лишь некоторые из правил, позволяющих снижать такие риски» [16]. При этом важно отметить, что недостаточная вовлеченность молодежи в формальную политику представляет собой далеко не новый феномен, однако влияние процессов интернетизации все чаще оказывает негативное влияние на формирование молодежных субкультур. В России известны четыре основные деструктивные субкультуры. Каждая из этих субкультур через социальные сети воздействует на свою аудиторию, состоящую в основном из детей и несовершеннолетних подростков, через романтизацию разрушительных идей.

Представляют интерес результаты, проведенного исследования Н. Касперской И. Ашмановым по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа. Полученные данные показывают следующие наиболее опасные движения, сформированные в Рунете [10]: ультрадвижения (футбольные хулиганы и проч.) – вовлечены более 6 млн пользователей, из них более 1 млн – подростки; анархия – 697 тыс. человек; шок-контент – более 630 тыс. пользователей; массовые и серийные убийства, самоубийства, пытки – более 300 тыс.; сатанизм – более 150 тыс.; наркомания – более 80 тыс.; нацизм – более 48 тыс.; массовые расстрелы в школах (скулшутинг) – более 18 тыс.

Данные обстоятельства обуславливают объективную необходимость усиления государственного контроля за деятельностью электронных медиа и социальных сетей. На заседании коллегии ФСБ России в феврале 2023 года Президент страны В.В. Путин подчеркнул, что «молодежь – наиболее уязвимая категория, которая может попасть под влияние экстремистов. Разумеется, должна быть продолжена работа по выявлению и пресечению действий тех, кто использует интернет и социальные сети для пропаганды

и идеологии терроризма и экстремизма, кто пытается вовлечь в террористические группировки наших граждан» [15].

Среди приоритетных направлений государственной молодежной политики по противодействию негативного влияния информационных сетей на молодежь и профилактике распространения деструктивных субкультур, следует назвать проект, разработанный Федеральным агентством по делам молодежи Деструктиву.нет. Это дополнительные меры по поиску деструктивного контента в социальных сетях и ограничения вызовов при цифровизации молодежной политики. Для этого используется автоматизированная информационная система <https://destruct.vivt.ru/vk/groups>, благодаря которой можно отследить тематические паблики ВКонтакте, найти их администраторов и подсчитать количество пользователей, которые могут быть подвержены влиянию деструктивных субкультур. По последним данным «в России зафиксированы: 3 118 экстремистских пабликов с 1 909 077 уникальными подписчиками; 273 паблика «Скулшутинг» с 133 091 уникальным подписчиком; 1 495 пабликов «Оффников» с 1 807 710 уникальными подписчиками; 759 пабликов «Групп смерти» с 364 328 уникальными подписчиками» [17].

Для того, чтобы противостоять киберугрозам и регулировать деятельность социальных медиа, российские законодатели утвердили ряд поправок в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в отношении информации, распространяемой в социальных сетях. Согласно ст.10.6 «социальные сети, насчитывающие более 500 тыс. пользователей в сутки, попадают под контроль Роскомнадзора и включены в специальный реестр социальных сетей [20]. В этом перечне значатся YouTube, Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ), Tik Tok, Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ), Twitter, Одноклассники, ВКонтакте, Telegram и WhatsApp. Указанные социальные сети, должны активно мониторить контент и удалять разные категории информации, в том числе: 1) информацию, выражающую в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации; 2) призывы к массовым беспорядкам, участию в несогласованных мероприятиях; 3) недостоверную и опасную об-

щественно значимую информацию. За отказ удалить такой контент нести ответственность будет именно социальная сеть. Административный штраф по новой ст.13.41 КоАП может достигать 4 млн рублей.

Вопросами, посвященными развитию информационной гигиены молодого поколения и укреплению самоконтроля информационной грамотности вполне успешно занимается институт молодежного цифрового омбудсмена. Молодежный цифровой омбудсмен – первый «ЦифроЗащитник» российской молодежи. Команда Молодежного цифрового омбудсмена (МЦО) была избрана в рамках Первого молодёжного форума по управлению интернетом (Youth RIGF) в апреле 2021 года. МЦО содействует координации молодежных инициатив, находится в постоянном взаимодействии с молодежным активом образовательных учреждений, государственными органами и гражданским обществом, выступая связующим звеном и налаживая коммуникацию в области защиты молодых людей от интернет-рисков. За последнее время МЦО регулярно проводит выездные сессии, на которых поднимаются и совместно с молодыми участниками обсуждаются проблемы влияния фейковой информации на формирование общественного мнения молодежной аудитории. Так, в сентябре 2023 года, работала выездная площадка II Международной школы интернет-БЕЗопасности молодежи «Цифровой рывок». Основная цель мероприятия – формирование у молодых людей критического мышления, прикладных междисциплинарных компетенций и практических навыков для обеспечения безопасности в цифровом пространстве, а также повышение уровня цифровой и правовой грамотности. В ноябре-декабре 2023 года состоялся «Конгресс молодых исследователей цифрового пространства», нацеленный на формирование кадрового потенциала, обладающего навыками научно-исследовательской и проектной деятельности, способного выработать нестандартные решения актуальных проблем цифрового пространства и создавать «новое знание». Архитектура Конгресса включала мастер-классы, исследовательские лаборатории, направленные на выявление проблем, и проектные офисы по «упаковке» разработанных идей.

Еще одним креативным решением в сфере цифровизации молодежной политики стал сервис «Навигатор возможностей». Данный проект был совместно разработан Минцифрой России и Росмолодежью в сентябре 2022 года. Пилотными регионами стали Московская область и Республика Татарстан, а до конца 2023 года сервис будет доступен во всех регионах

страны [13]. Сервис будет доступен в браузере, в мобильном приложении Госуслуг, а культурная часть будет также доступна в приложении «Госуслуги Культура». Также здесь представлена информация о всех существующих льготах и предложениях, конкурсных механизмах, а также грантовой поддержке. Сейчас приложением пользуются граждане с 14 до 22 лет для оформления «Пушкинской карты».

Данный механизм не только даст молодежи возможность централизованного поиска информации о мероприятиях и общественно полезных событиях, которые проходят в их регионах, но и ориентирован на снижение желания подростков проводить бесцельно время в социальных сетях.

Наш анализ показал, что цифровые медиа и социальные сети становятся важнейшим институтом политической социализации молодежи по сравнению с институтами государственной молодежной политики. Социальные сети – это новый форум, который позволяет людям обмениваться идеями, устанавливать контакты и связи и объединяться на общее дело, обращаться за советом и давать рекомендации. Вместе с тем информационный век характеризуется не только развитием высоких технологий, компьютеризацией всей сфер жизни и т.д. Рост интерактивного взаимодействия в киберпространстве обозначил и острые проблемы обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства.

Цифровизация социальной среды делает проблему свободы личности молодого человека особенно актуальной в контексте разрешения ценностного кризиса молодежной политики. Сегодня вопросы цифровой грамотности и цифровой гигиены молодежи в условиях усиления интернетизации должны рассматриваться как приоритетные в федеральной повестке государственной молодежной политики. Недосмотр со стороны государства в вопросе деструктивного воздействия социальных сетей может привести к необратимым последствиям. Государственная молодежная политика должна учитывать потенциальные угрозы, имеющиеся в сети интернет, предлагать методы и способы профилактики и предотвращения негативного воздействия социальных сетей на молодежь.

Запросом эпохи является выстраивание грамотной интернет-стратегии и проведение активной интернет-политики по противодействию распространению в сети интернет опасного экстремистского контента и выстраиванию в обществе атмосферы нетерпимости в отношении экстремистских идей.

Литература

1. Баранов А.Н. Угроза в социальных сетях: особенности семантики и прагматики // Вестник Волгоградского государственного университета. 2022. Т. 21. №3. С. 54-65.
2. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Синяков А.В., Азаров А.А. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №1(149). С. 228-251
3. Бутусов А.В. Социальные сети как инструмент политического противоборства и информационных войн // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. №13. С. 71-75.
4. Гришаева С.А. Социальные трансформации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2020. Т. 26. №1. С. 70-81.
5. Гуреева А.Н. Медиаактивность российской молодежи как драйвер медиатизации политики // Век информации. 2020. Т. 8. №2. С. 31-36.
6. Гусев Д.В. Молодежная политика в цифровом обществе и проблема свободы личности // Современное образование: векторы развития. Цифровизация экономики и общества: вызовы для системы образования. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2018. С. 67-73.
7. Жданов С. Цифровая гигиена: как пользоваться соцсетями, не давая им использовать вас // НОЖ. 9 ноября 2018. URL: <https://knife.media/digital-hygiene/> (дата обращения 17.05.2023).
8. Калинич В.С. Воспитание молодежи в условиях цифровой трансформации социального взаимодействия // Социально-гуманитарные знания. 2021. №6. С. 153-163.
9. Какими социальными сетями и мессенджерами пользуются россияне? // Фонд общественного мнения. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14555> (дата обращения 10.06.2023).
10. Касперская Н., Ашманов И. Выявление признаков риска поведения в социальных медиа: методическое пособие. Москва, 2020. 47 с.
11. Малик Е.Н. Формирование социально-политического потенциала молодежи в условиях интернет-социализации // Управленческое консультирование. 2022. №8(164). С. 94-107.

12. Медиапотребление и активность в интернете: аналитический обзор ВЦИОМ. 23 сентября 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения 10.05.2023).

13. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Сервис «Навигатор возможностей» для молодежи доступен в двух пилотных регионах России. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41946/?utm> (дата обращения 10.05.2023).

14. Мухамедшина Е. Более 80% российской молодежи равнодушны к политике // Ведомости. 30.04. 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/29/829352-molodezhi-ravnodushni> (дата обращения 12.06.2023).

15. Путин назвал молодежь наиболее уязвимой категорией для экстремистов. URL: <https://ria.ru/20230228/ekstremizm-1854871062.html> (дата обращения 12.06.2023).

16. Руденкин Д.В. Уровень развития навыков цифровой гигиены современной российской молодежи: итоги социологического исследования // Социодинамика. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-razvitiya-navykov-tsifrovoy-gigieny-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi-itogi-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения 18.06.2023).

17. Сиденко А. Одна из характерных угроз для безопасности детей – избыточная информация о себе в социальных сетях. URL: <https://spbndevnik.ru/news/2023-03-13/andrey-sidenko-odna-iz-harakternyh-ugroz-dlya-bezopasnosti-detey-izbytochnaya-informatsiya-o-sebe-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения 18.06.2023).

18. Собкин В.С. Современный подросток в социальных сетях // Педагогика. 2016. №8. С. 61-72.

19. Столповский В.И., Свечникова С.В. Проблема экстремизма в современном интернетпространстве: ключевые опасности и пути противодействия // Национальная безопасность и молодежная политика: киберсоциализация и трансформация ценностей в VUCA-МИРЕ: материалы Международной научнопрактической конференции (21–22 апреля 2021 г., г. Челябинск): сборник статей. Челябинск: Издательство Южно-Урал. гос. гуман.-пед. унта, 2021. С. 378-384.

20. Федеральный закон от 27 июля 2006 года. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред.

29.12.2022). КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru /document /cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 14.06.2023).

21. Французова М. Возможности социальных сетей и ограничение их деятельности в России в 2022 г. // Аналитическая статья РДСМ. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhnosti-sotsialnykh-setey-i-ogranichenie-ikh-deyatelnosti-v-rossii-v-2022-g/> (дата обращения 14.06.2023).

22. Amedie J. The Impact of Social Media on Society (2015). Advanced Writing: Pop Culture Intersections. URL: http://scholarcommons.scu.edu/engl_176/2 (дата обращения 14.06.2023).

23. Ebert Ph. Nudge Management: Applying Behavioural Science to Increase Knowledge Worker Productivity // Journal of Organization Design. 2017. Vol. 6. No.4. P. 18-29.

24. Krotz F. Mediatization: a concept with which to grasp media and societal change // Mediatization: Concept, Changes, Consequences / ed. K. Lundby. New York: Peter Lang. 2019. P. 21-40.

25. Kusuma A. Impact of Social Media on Youth // ResearchGate. 2020. URL: <https://www.researchgate.net/publication/347437746> (дата обращения 14.06.2023).

26. Oates S. The easy weaponization of social media: why profit has trumped security for U.S. companies // Digital War. 2020. Vol. 1. №1. P. 117-122.

27. Sarkar A. Impacts of Social Networks: A Comprehensive Study on Positive and Negative Effects on Different Age Groups in a Society // International Journal of Advance Research in Computer Science and Management Studies. 2015. Vol. 3. №5. P. 177-190.

28. Shamieh B., Shehada M. The Influence of Social Media Applications on Youth Purchasing Decision at the University of Jordan // International Journal of Management Science and Business Administration. 2020. Vol. 6. №4. P. 30-41.

29. Ulvi O., Karamehic-Muratovic A., Baghbanzadeh M., Bashir A., Smith J., Haque U. Social Media Use and Mental Health // Global Analysis. 2022 Vol. 1. №3. P. 11-25.

30. Vromena A., Xenosb M.A., Loaderc Brian. Young people, social media and connective action: from organisational maintenance to everyday political talk // Journal of Youth Studies. 2015. Vol. 18. №1. P. 80-100.

31. Wojdan W., Wdowiak K. The impact of social media on the lifestyle of young people // Pol J Public Health. 2020. Vol. 1. №3. P. 8-13.

References

1. Baranov A.N. Ugroza v sotsial'nykh setyakh: osobennosti semantiki i pragmatiki. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. T. 21. №3. S. 54-65.
2. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Pyrma R.V., Sinyakov A.V., Azarov A.A. Vliyanie tsifrovyykh kommunikatsii na formirovanie professional'noi kul'tury rossiiskoi molodezhi: rezul'taty kompleksnogo prikladnogo is-sledovaniya. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsi-al'nye peremeny. 2019. №1(149). S. 228-251.
3. Butusov A.V. Sotsial'nye seti kak instrument politicheskogo protivoborstva i informatsionnykh voyn. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki. 2018. №13. S. 71-75.
4. Grishaeva S.A. Sotsial'nye transformatsii v usloviyakh tsifrovoi sredy. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya, 2020. T. 26. №1. S. 70-81.
5. Gureeva A.N. Mediaaktivnost' rossiiskoi molodezhi kak draiver mediatsii politiki. Vek informatsii. 2020. T. 8. №2. S. 31-36.
6. Gusev D.V. Molodezhnaya politika v tsifrovom obshchestve i problema svobody lichnosti. Sovremennoe obrazovanie: vektory razvitiya. Tsifrovizatsiya ekonomiki i obshchestva: vyzovy dlya sistemy obrazovaniya. Moskva: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2018. S. 67-73.
7. Zhdanov S. Tsifrovaya gigiena: kak pol'zovat'sya sotssetyami, ne davaya im ispol'zovat' vas. NOZh. 9 noyabrya 2018. URL: <https://knife.media/digital-hygiene/> (data obrashcheniya 17.05.2023).
8. Kalinich V.S. Vospitanie molodezhi v usloviyakh tsifrovoi transformatsii sotsial'nogo vzaimodeistviya. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2021. №6. S. 153-163.
9. Kakimi sotsial'nymi setyami i messendzherami pol'zuyutsya rossiyane?. Fond obshchestvennogo mneniya. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14555> (data obrashcheniya 10.06.2023).
10. Kasperskaya N., Ashmanov I. Vyyavlenie priznakov riska povedeniya v sotsial'nykh media: metodicheskoe posobie. Moskva, 2020. 47 c.
11. Malik E.N. Formirovanie sotsial'no-politicheskogo potentsiala molodezhi v usloviyakh internet-sotsializatsii. Upravlencheskoe konsul'ti-rovanie. 2022. №8(164). S. 94-107.

12. Mediapotreblenie i aktivnost' v internete: analiticheskii obzor VTsIOM. 23 sentyabrya 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete> (data obrashcheniya 10.05.2023).

13. Ministerstvo tsifrovogo razvitiya, svyazi i massovykh kommunikatsii Rossiiskoi Federatsii. Servis «Navigator vozmozhnostei» dlya molodezhi dostupen v dvukh pilotnykh regionakh Rossii. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41946/?utm> (data obrashcheniya 10.05.2023).

14. Mukhamedshina E. Bolee 80% rossiiskoi molodezhi ravnodushny k politike. Vedomosti. 30.04.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/29/829352-molodezhi-ravnodushni> (data obrashcheniya 12.06.2023).

15. Putin nazval molodezh' naibolee uyazvimoi kategoriei dlya ekstremistov. URL: <https://ria.ru/20230228/ekstremizm-1854871062.html> (data obrashcheniya 12.06.2023).

16. Rudenkin D.V. Uroven' razvitiya navykov tsifrovoy gigieny sovremennoi rossiiskoi molodezhi: itogi sotsiologicheskogo issledovaniya. Sotsiodinamika. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-razvitiya-navykov-tsifrovoy-gigieny-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi-itogi-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (data obrashcheniya 18.06.2023).

17. Sidenko A. Odnazh iz kharakternykh ugroz dlya bezopasnosti detei – izbytochnaya informatsiya o sebe v sotsial'nykh setyakh. URL: <https://spbdnevnik.ru/news/2023-03-13/andrey-sidenko-odna-iz-harakternykh-ugroz-dlya-bezopasnosti-detey-izbytochnaya-informatsiya-o-sebe-v-sotsialnyh-setyah> (data obrashcheniya 18.06.2023).

18. Sobkin V.S. Sovremennyyi podrostok v sotsial'nykh setyakh. Pedagogika. 2016. №8. S. 61-72.

19. Stolpovskii V.I., Svechnikova S.V. Problema ekstremizma v sovremennom internetprostranstve: klyuchevye opasnosti i puti protivodeistviya. Natsional'naya bezopasnost' i molodezhnaya politika: kibersotsializatsiya i transformatsiya tsennostei v VUCA-MIRE: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoprakticheskoi konferentsii (21–22 aprelya 2021 g., g. Chelyabinsk): sbornik statei. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Yuzhno-Ural. gos. guman.-ped. un-ta, 2021. S. 378-384.

20. Federal'nyi zakon ot 27 iyulya 2006 g. №149-FZ «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» (v red. 29.12.2022). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (data obrashcheniya 14.06.2023).

21. Frantsuzova M. Vozmozhnosti sotsial'nykh setei i ogranichenie ikh deyatelnosti v Rossii v 2022 g.. Analiticheskaya stat'ya RDSM. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhnosti-sotsialnykh-setey-i-ogranichenie-ikh-deyatelnosti-v-rossii-v-2022-g/> (data obrashcheniya 14.06.2023).

22. Amedie J. The Impact of Social Media on Society (2015). Advanced Writing: Pop Culture Intersections. URL: http://scholarcommons.scu.edu/engl_176/2 (data obrashcheniya 14.06.2023).

23. Ebert Ph. Nudge Management: Applying Behavioural Science to Increase Knowledge Worker Productivity. Journal of Organization Design. 2017. Vol. 6. No. 4. R. 18-29.

24. Krotz F. Mediatization: a concept with which to grasp media and societal change. Mediatization: Concept, Changes, Consequences / ed. K. Lundby. New York: Peter Lang. 2019. P. 21-40.

25. Kusuma A. Impact of Social Media on Youth. ResearchGate, 2020. URL: <https://www.researchgate.net/publication/347437746> (data obrashcheniya 14.06.2023).

26. Oates S. The easy weaponization of social media: why profit has trumped security for U.S. companies. Digital War. 2020. Vol. 1. №1. P. 117-122.

27. Sarkar A. Impacts of Social Networks: A Comprehensive Study on Positive and Negative Effects on Different Age Groups in a Society. International Journal of Advance Research in Computer Science and Management Studies. 2015. Vol. 3. №5. P. 177-190.

28. Shamieh B., Shehada M. The Influence of Social Media Applications on Youth Purchasing Decision at the University of Jordan. International Journal of Management Science and Business Administration. 2020. Vol. 6. №4. P. 30-41.

29. Ulvi O., Karamelic-Muratovic A., Baghbanzadeh M., Bashir A., Smith J., Haque U. Social Media Use and Mental Health. Global Analysis. 2022 Vol. 1. №3. P. 11-25.

30. Vromena A., Xenosb M.A., Loaderc Brian. Young people, social media and connective action: from organisational maintenance to everyday political talk. Journal of Youth Studies. 2015. Vol. 18. №1. P. 80-100.

31. Wojdan W., Wdowiak K. The impact of social media on the lifestyle of young people. Pol J Public Health. 2020. Vol. 1. №3. P. 8-13.

Д.И. Каминченко

D. Kaminchenko

**ОСОБЕННОСТИ
ПРОЯВЛЕНИЯ СЕТЕВОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
СОВРЕМЕННОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ
ПРИЗМУ ВОСПРИЯТИЯ
ОБЩЕСТВЕННОЙ И
ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ**

**FEATURES OF THE
NETWORK IDENTITY OF
MODERN STUDENTS
THROUGH THE PRISM OF
THE PUBLIC AND
POLITICAL ROLE
PERCEPTION OF LOCAL
INTERNET COMMUNITIES**

Аннотация

В статье изучаются особенности общественного и политического сознания индивидов и групп в условиях цифровизации современного информационного пространства. Главная цель исследования заключается в том, чтобы протестировать наличие либо отсутствие ряда черт сетевой идентичности в сознании студенческой молодежи. Через призму восприятия молодой аудиторией общественно-политической роли территориальных интернет-сообществ устанавливается проявление таких черт содержания сетевой идентичности, как готовность индивида к прямому участию в решении общественно значимых вопросов, идейно-содержательная многоаспектность и децентрализованное и гетерархичное восприятие общественных и политических институтов и отношений. В качестве основного прикладного метода в работе используется социологический опрос. Опрос был проведен осенью 2020 года среди студентов Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород). Объем выборки составил 292 респондента. Результаты анкетирования обработаны при помощи частотного анализа ответов респондентов, перекрестного анализа данных с последующим построением

Abstract

In the paper there is a discussion about the features of the social and political consciousness of individuals and groups in the digitalization of the modern information space. The main purpose of the study is to test the presence or absence of a number of features of online identity in the student youth consciousness. Through the prism of the young audience's perception of the socio-political role of territorial Internet communities, the manifestation of such features of the content of network identity as the readiness of the individual to directly participate in solving socially significant issues, ideological and content multidimensionality and decentralized and heterarchical perception of public and political institutions and relations is established. The main applied method of the paper is a sociological survey. The survey has been conducted in Autumn 2020 among students of the Institute of International Relations and World History of the UNN. N.I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod). The sample size has been 292 respondents. The results of the survey have been processed using frequency analysis of respondents' answers, cross-analysis of data, followed by the construction of contingency tables and comparative analysis. According to the results of the study, it has been possible to establish the mani-

таблиц сопряженности и сравнительного анализа. По итогам проведенного исследования удалось установить проявление двух черт сетевой идентичности: готовность индивида к прямому участию в решении общественно значимых вопросов с помощью локальных онлайн-публиков и групп и идейно-содержательная многоаспектность (через призму оценки участниками опроса дискуссионного поля данных интернет-сообществ как пространства с широким плюрализмом мнений по различным вопросам развития конкретной территории/местности).

Ключевые слова:

информация, политическое сознание, общественное сознание, идентичность, сетевая идентичность, молодежь, интернет-сообщество.

festation of two features of network identity: the willingness of the individual to directly participate in solving socially significant issues using local online publics and groups and ideological and substantive multidimensionality (through the prism of survey participants' assessment of the discussion field of these Internet communities as a space with a wide pluralism of opinions on various issues of development of a particular territory/area).

Key words:

information, political consciousness, public consciousness, identity, network identity, youth, online community, local online community.

Цифровизация и вызванные ею изменения в медиа среде, повлияли на все области современной коммуникации, в том числе - в сфере политики [20, p. 247]. Доступная для граждан интернет-коммуникация приносит серьезные изменения в диалог между органами государственной власти и обществом [21, p. 186]. Например, предоставление государственных и муниципальных услуг административным аппаратом в электронном формате открывает дополнительные возможности для укрепления самой сферы предоставления государственных услуг и стимулирования массового участия граждан в диалоге с органами управления [14, p. 76]. Динамично функционирующие сегодня онлайн-платформы поддержки социальных сетей увеличивают информационные возможности каждого пользователя, кто участвует в процессе цифровой коммуникации [22, p. 213].

Более того, по мнению ученых, так называемые «новые» медиа способствуют формированию новой партиципаторной культуры: граждане все чаще требуют ещё больше возможностей для общественного и политического участия (например, в сфере развития инфраструктурных проектов) [24, p. 167]. В этой связи неслучайно, что в научном сообществе высказываются идеи о том, что цифровизация формирует условия для «эволюции классических субъект-объектных отношений» между властью и обществом и «потенциального появления новых гибридных и атипичных субъектов в цифровых коммуникативных практиках» [4, с. 51].

Столь глубокие изменения в коммуникации между властными субъектами и обществом заставляют задуматься не только о происходящих трансформациях на акторно-деятельностном уровне, но и о сфере, связанной с коллективным и индивидуальным сознанием. Особое внимание в этом случае необходимо уделить идентификационным процессам, наблюдаемым в сегодняшнем информационном поле. Формируемые в нем идентичности являются, на наш взгляд, одним из ключевых звеньев в процессах современной общественной и политической коммуникации. Особую роль здесь играет сетевая идентичность, в качестве признаков которой можно обозначить: (1) готовность индивида к общественному консенсусу и (2) к прямому участию в решении общественно значимых вопросов, (3) гетерархия тематического наполнения; (4) ситуативность и (5) идейно-содержательная многоаспектность [6, с. 102-103].

Цель данной работы - протестировать наличие либо отсутствие в сознании молодой аудитории ряда черт сетевой идентичности через призму ее отношения к общественно-политической роли местных (территориальных) интернет-сообществ. Задачами исследования выступают (1) выявление готовности представителей молодежи к прямому участию в решении общественно значимых вопросов, (2) определение их отношения к идее о возможности появления в рамках локального онлайн-сообщества лидера, способного объединить граждан по широкому спектру вопросов (т.е. поиск ответа на вопрос о том, свойственно ли для данной аудитории децентрализованное и гетерархичное восприятие общественных и политических институтов и отношений) и (3) установление их позиции по поводу существования единообразия мнений либо широкого плюрализма мнений внутри дискуссионного пространства местного интернет-сообщества. Обозначенные задачи в той или иной степени согласуются с указанными чертами сетевой идентичности, что и определило необходимость их постановки в нашем исследовании.

Изучению вопросов, которые, так или иначе, связаны с сетевой идентичностью, посвящен целый ряд работ, как российских [2; 3; 5; 7; 8; 9; 11], так и зарубежных авторов [12; 15; 16; 23; 25].

Одним из набирающих популярность в научном сообществе направлений исследований является изучение влияния известных цифровых платформ и корпораций на современное информационное поле и его участников. Особое внимание сегодня уделяется роли технических алго-

ритмов, используемых крупными коммуникативными акторами. Здесь сошлемся на одну из недавних работ У. Долаты, где он, в частности, обращает внимание на то, что помимо организации и регулирования современного рынка товаров и услуг крупные платформы, в частности – обширные, сетевые экосистемы ведущих интернет-компаний, взяли на себя важные функции социального упорядочивания и регулирования в коммуникативных процессах в интернет-пространстве, что обобщенно обозначается автором как «курирование социальных условий и общественного поведения» [18, р. 195]. Он отмечает, что пользовательские интерфейсы и стандартные настройки, представленные на популярных интернет-платформах, влияют на структурирование действий их пользователей, разрешая определенные действия и исключая другие. Многочисленные функции, интегрированные в платформы, также могут быть поняты, по мнению У. Долаты, как встроенные в технологию функционирования платформы структурные элементы, которые ориентированы на совершение определенных действий и формирование мнения индивида [18, р. 197].

В этой связи возникают закономерные вопросы о том, как именно происходит управление подобными интернет-платформами, и каковы особенности разрабатываемых и внедряемых ими технических алгоритмов. Здесь обратимся к недавней работе К. Катценбаха, в которой он предлагает рассматривать и описывать сложные вопросы как управления интернет-платформой, так и роли алгоритмов в качестве многоуровневого явления, где взаимодействуют различные факторы и измерения. Отмечается при этом, что не только технологии инициируют изменения, и не только формальные правила организуют и поддерживают социальные связи и контакты, но и сложившийся дискурс, возникающие точки зрения и интерпретационные модели также вызывают изменения и производят «коллективное обязательство» («kollektive Verbindlichkeit») [19, р. 288].

Вместе с тем, в гуманитарных отраслях научного знания сегодня уделяется пристальное внимание роли алгоритмов не только в организации коммуникативных процессов (преимущественно в сетевом информационном поле), но и в целом – в сфере общественных и политических процессов и отношений. Это находит свое воплощение в появлении новых теорий и концепций, например, так называемой «теории алгоритмического социума» («Theorie algorithmischer Sozialität (TaS)»), которая подробно рассматривается в недавнем исследовании Р. Зайферта. По его мнению, необходимость

в разработке данной теории вытекает из изменившейся социальной обстановки. Цифровая трансформация последних десятилетий в целом до такой степени изменила жизнь социума, а также общественные институты и организации, что стало необходимым и преобразование существующих социологических теорий [26].

Учитывая популярность в обществе крупных интернет-платформ поддержки социальных медиа, вопрос об их влиянии на содержание коммуникативных практик, в том числе через специфику используемых ими алгоритмов, в ближайшее время будет оставаться одним из ключевых в изучаемой предметной области. Ученым ещё только предстоит установить степень влияния данных акторов не только на коммуникативные акты, но и на общественное и политическое сознание, включая вопросы, связанные с формированием, поддержанием и изменением идентичности пользователей интернет-платформ.

Ещё одно из научных направлений, связанных с анализом сетевой идентичности индивида и групп, является изучение оставляемых пользователями интернета так называемых «цифровых следов». В цифровую эпоху, как пишет в своей недавней работе Б. Сонзонья, появляется все больше сфер, где люди оставляют (добровольно или недобровольно) цифровые следы, которые становятся актуальными для последующего использования (легитимного или нелегитимного), что, в свою очередь, открывает широкие возможности и обширные направления для анализа в различных сферах: политика, фондовые рынки, коммуникации и маркетинг, спорт, медицина и естественные науки и т.д. [27, р. 303].

Когда речь заходит о следах в цифровой среде, то, по мнению Г. Касагранде, имеется в виду вся информация, которую человек оставляет в информационном интернет-пространстве и которая описывает человеческие действия, вкусы и предпочтения. Информация может быть передана прямо или опосредованно и может относиться к онлайн-действиям, которые человек изначально решает совершить в интернете или к его ответной реакции на такие действия со стороны других людей. Основное внимание в одной из своих недавних работ Г. Касагранде уделяет следам, которые люди добровольно оставляют в современных социальных медиа. Специфика содержания подобных цифровых следов обусловлена выбором того, что человек хочет показать, и что он хочет скрыть, а также тем, как все это влияет на человеческое самовосприятие

[17, p. 141]. Причем, как пишет автор, функциональные возможности интернет-платформ социальных медиа позволяют пользователю репрезентировать множество онлайн-идентичностей, связанных с различным ситуационным контекстом, что создает новое, опосредованное восприятие человеком самого себя [17, p. 145].

Информация и материалы, которые отдельные индивиды и группы оставляют после себя во время своей онлайн-активности, как отмечает Л. Аросио, могут предоставить много сведений об их поведении, ценностях и даже – о способах мышления. Сообщения, фотографии, видео, аудиофайлы, поисковые запросы и онлайн-действия превращаются в данные, фиксирующие широкий спектр различных видов активности пользователя в интернет-пространстве [13, p. 312]. В работе указанного автора представлен результат анализа предлагаемой классификации цифровых следов на следующие три типа: «найденные онлайн-данные» («online found data»), «извлеченные онлайн-данные» («online retrieved data») и «данные собранные в режиме онлайн-коммуникации/реального времени» («online captured data»). К данным первого из указанных типов, среди прочего, могут быть отнесены файлы журнала, информация о ссылках, кликах, поисковых запросах, файлах cookie и т.д., к данным второго типа – текстовые, фото-, видео-, аудиофайлы, гипертексты, опубликованные пользователями в сети, к данным третьего типа – жесты, различные поведенческие акты, невербальные сигналы из онлайн-коммуникации пользователей [13, p. 312].

Анализ цифровых следов является одним из важнейших инструментов для изучения идентичности пользователей современного интернет-пространства, поэтому в рамках рассмотрения особенностей сетевой идентичности главный акцент целесообразно делать именно на той информации, которую оставляют пользователи сети. Если действия цифровых акторов (крупных интернет-платформ) и используемые ими алгоритмы представляют одну сторону процесса формирования сетевой идентичности (своего рода, внешний фактор), то цифровые следы пользователей – это другая сторона данного процесса, представляющая собой некоторый результат, продуцируемый влиянием различных факторов, в том числе – фактора влияния со стороны цифровых платформ.

В научном сообществе уделяется внимание и вопросам разработки терминологического аппарата, связанного с понятием сетевой идентичности.

В частности, ученые рассматривают сетевую идентичность как способ «отождествления человеком (интернет-пользователем) себя с той или иной группой, созданной в сети» [5, с. 535], а также - как «метастабильное образование, которое творчески раскрывается в зависимости от возможностей, которые предоставляет тот или иной сетевой интерфейс» [9, с. 313]. Кроме того, ученые говорят о том, что сетевой тип идентичности тесно вплетен как в реальный контекст человеческой жизни, так и в самосознание индивида [10, с. 79].

Несмотря на складывающийся пласт научных работ по направлениям, которые, так или иначе, связаны с сетевой идентичностью, теме изучения идентичности данного типа уделено ещё недостаточно внимания. В текущей работе мы постараемся рассмотреть сетевую идентичность молодежи через призму её отношения к общественно-политической роли местных онлайн-сообществ, что обусловлено популярностью среди молодой аудитории современных социальных медиа, в рамках которых, как правило, и функционирует большинство интернет-сообществ подобного типа. Ранее нами уже предпринимались попытки изучения особенностей проявления сетевой идентичности через призму ряда факторов, среди которых, структура запроса молодежи на новостной контент и восприятие молодой аудиторией особенностей тематико-дискуссионного пространства современного общества [1]. В данной же работе основное внимание будет сконцентрировано вокруг вопросов, связанных с готовностью молодежи напрямую участвовать в решении общественно значимых вопросов, с их отношением к возможности появления внутри локального интернет-сообщества лидера, объединяющего пользователей по широкому кругу вопросов и их позицией по поводу единообразия мнений в информационном поле территориального онлайн-сообщества.

В качестве основного эмпирического метода в работе использован социологический опрос молодой, студенческой аудитории. Применение указанного прикладного метода отвечает необходимости выполнения поставленных в исследовании цели и задач. Обозначенные в работе черты сетевой идентичности закодированы в содержании вопросов анкетного бланка.

Во-первых, для анализа готовности к прямому участию в решении значимых для общества вопросов при помощи территориальных онлайн-сообществ сформулирован следующий вопрос: «Готовы ли Вы принимать участие в решении общественно значимых вопросов развития территории,

где Вы проживаете, с помощью местного (для данной территории) интернет-сообщества?». В содержании указанной формулировки отсутствует уточнение о том, о какой форме прямого участия идет речь: исключительно онлайн или, возможно, и офлайн активность), так как основная задача заключается именно в выявлении внутренней готовности пользователя к участию напрямую в решении общественных вопросов посредством местного интернет-сообщества.

Во-вторых, в целях изучения вопроса об отношении молодежи к идее о потенциальной возможности появления внутри дискуссионного пространства локального онлайн-сообщества лидера, способного сплотить пользователей данных сообществ, сформулирован другой вопрос: «Возможно ли появление в рамках местного интернет-сообщества общественного и/или политического лидера, способного объединить граждан по широкому спектру вопросов?». В этом вопросе отсутствуют какие-либо предметно-тематические уточнения ввиду того, что необходимо определить, как молодежь в целом относится к идее о возможности появления лидера в дискуссионном поле местного интернет-сообщества, учитывая сетевой, децентрализованный характер подобной коммуникации.

В-третьих, для изучения позиции молодой аудитории относительно возможного единообразия мнений внутри коммуникативного поля территориального интернет-сообщества сформулирован соответствующий вопрос: «Как Вы считаете, характерно ли для дискуссионного пространства местного интернет-сообщества единообразие мнений?». В обозначенном вопросе представлена попытка выявить, насколько вероятно, что респондент согласится с мнением о возможном наличии единообразия мнений внутри локального онлайн-сообщества в условиях динамичного и изменчивого характера сетевой коммуникации.

Период проведения анкетирования – осень 2020 года, в опросе приняли участие 292 студента гуманитарных факультетов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, среди них: 165 женщин (56,5%) и 127 мужчин (43,5%). Абсолютное большинство принявших участие в опросе – молодые люди, в возрасте от 18 до 22 лет (92,8% всех респондентов), 5,5% респондентов – в возрасте от 23 до 30 лет, 1% всех опрошенных – в возрасте 31-40 лет, 0,7% опрошенных – в возрасте от 41 до 59 лет.

Результаты анкетирования обработаны с помощью частотного анализа данных, что позволяет выявить степень проявления той или иной черты сетевой идентичности в сознании пользователей социальных медиа. Кроме того, при обработке данных использован и перекрестный анализ с последующим построением таблиц сопряженности. Использование подобного типа анализа данных позволяет установить одновременно наличие в сознании пользователя сразу нескольких черт сетевой идентичности, а затем и определить какова относительная доля участников опроса, в сознании которых предположительно наблюдается несколько черт сетевой идентичности по отношению к общему числу всех респондентов. Как итог, возможно установление наличия/отсутствия большой и устойчивой группы респондентов в сознании, который проявляются сразу несколько черт сетевой идентичности.

Дополнительно в работе используется и сравнительный метод при анализе частоты ответов участников анкетирования на представленные вопросы и при интерпретации результатов перекрестного анализа данных.

Учитывая, что в опросе приняли участие студенты только гуманитарных направлений подготовки, экстраполировать полученные результаты и сформулированные на их основе выводы на всю студенческую молодежь нельзя. В этом отношении представляемое исследование носит скорее пилотный характер. В дальнейшем на его основе возможно проведение более масштабного изучения общественного мнения среди молодой, студенческой аудитории.

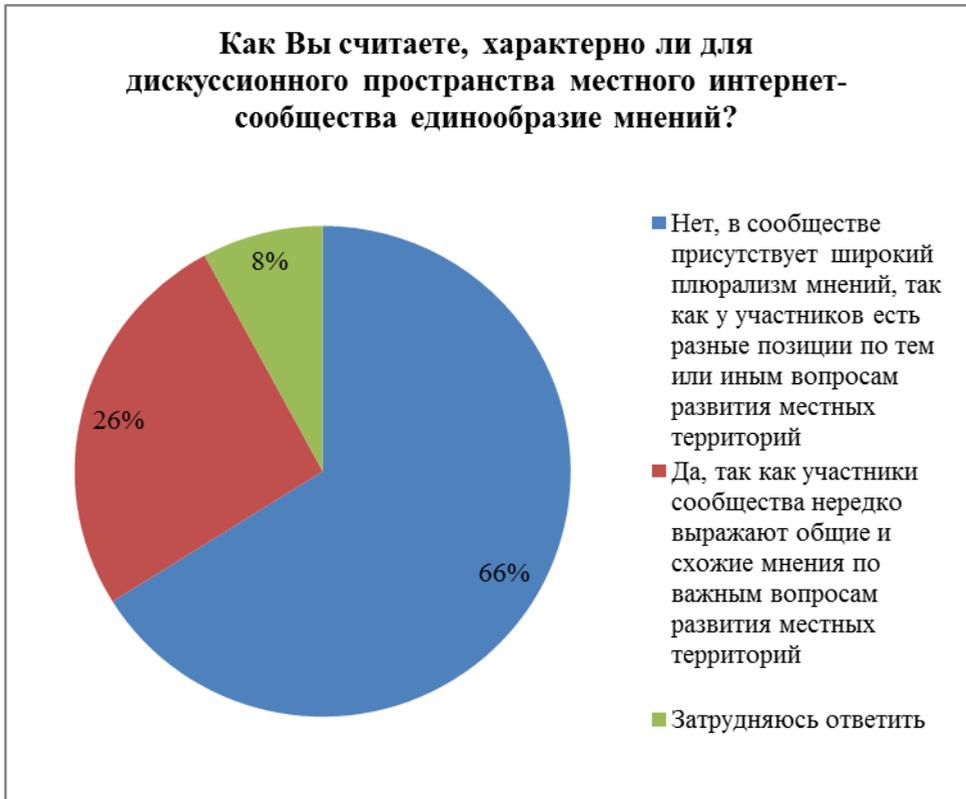
Согласно данным анкетирования, 73% всех опрошенных подписаны на локальные онлайн-сообщества, 24% респондентов – не подписаны на них (остальные – затруднились ответить). Абсолютное большинство участников опроса (64%) выражают готовность напрямую принять участие в решении значимых для общества вопросов с помощью местных интернет-сообществ, 20% всех опрошенных затруднились с ответом, а 16% респондентов заявили, что не готовы к этому. Подробное распределение ответов респондентов на указанный вопрос представлены на диаграмме.

Диаграмма 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Готовы ли Вы принимать участие в решении общественно значимых вопросов развития территории, где Вы проживаете, с помощью местного (для данной территории) интернет-сообщества?»

Большинство респондентов (66%) отрицательно ответили на вопрос о том, свойственно ли дискуссионному полю местного интернет-сообщества единообразие мнений, только примерно каждый четвертый (26%) респондент утвердительно ответил на указанный вопрос, 8% опрошенных затруднились с ответом. Частота распределения ответов на обозначенный вопрос отражена на диаграмме 2.

Диаграмма 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, характерно ли для дискуссионного пространства местного интернет-сообщества единообразие мнений?»

Большее половины (57%) опрошенных согласились с тем, что внутри территориального онлайн-сообщества возможно появление общественного и/или политического лидера, который способен объединить пользователей и участников подобного сообщества по широкому спектру различных вопросов. При этом каждый четвертый (25%) респондент затруднился ответить на данный вопрос, а 18% опрошенных выбрали вариант ответа – «Нет». Подробная информация о распределении ответов на указанный вопрос отображена на диаграмме №3.

Диаграмма 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Возможно ли появление в рамках местного интернет-сообщества общественного и/или политического лидера, способного объединить граждан по широкому спектру вопросов?»

Отметим несколько общих моментов, связанных с результатами подсчета частоты ответов на обозначенные вопросы. Результаты ответов на вопросы о готовности к прямому участию в решении значимых для общества вопросов и о наличии/отсутствии единообразия мнений в дискуссионном поле территориальных интернет-сообществ свидетельствуют о проявлении соответствующих черт сетевой идентичности, обозначенных в данной работе. При этом распределение ответов на вопрос о возможном появлении внутри местного интернет-сообщества лидера, способного объединить пользователей по широкому кругу тем и вопросов скорее говорит том, что структура коммуникации в рамках онлайн-сообщества воспринимается пользователями скорее, как централизованная, а – не сетевая (децентрализованная). Иными словами, результаты ответов на данный вопрос не подтверждают факта проявления одной из черт сетевой идентичности. Обратим внимание на популярность варианта ответа «Затрудняюсь ответить» применительно к вопросам о готовности к прямому участию в решении значимых для общества вопросов и возможности появления объединяющего лидера внутри местного интернет-сообщества. Это свидетельствует о том, что у части респондентов не было однозначного ответа на указанные

вопросы в отличие от вопроса, посвященного наличию/отсутствию единообразия мнения в коммуникативном поле подобных сообществ.

Помимо частотного анализа проведен и перекрестный анализ данных. Здесь нас интересуют, прежде всего, те две большие группы респондентов, которые утвердительно высказались на вопрос о готовности прямо участвовать в решении значимых для общества вопросов в рамках локальных онлайн-групп и пабликов (64% от общего числа опрошенных на диаграмме 1) и отрицательно ответили на вопрос о наличии в коммуникативном поле подобных сообществ единообразия мнения (66% от общего числа опрошенных на диаграмме 2), так как именно представителям двух данных групп скорее свойственно проявление черт сетевой идентичности. Поэтому нам необходимо построить такие таблицы сопряженности, которые позволят подробнее изучить мнение именно данных групп респондентов. Результаты представлены в таблицах 1-3.

Таблица 1. Результаты перекрестного анализа ответов респондентов: готовность принимать прямое участие в решении значимых вопросов с помощью местного онлайн-сообщества/наличие единообразия мнений в дискуссионном поле местного онлайн-сообщества

		Готовы ли Вы принимать участие в решении общественно значимых вопросов развития территории, где Вы проживаете, с помощью местного (для данной территории) интернет-сообщества?		
		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Как Вы считаете, характерно ли для дискуссионного пространства местного интернет-сообщества единообразие мнений?	Да, так как участники сообщества нередко выражают общие и схожие мнения по важным вопросам развития местных территорий	29,57%	29,17%	12,07%
	Нет, в сообществе присутствует широкий плюрализм мнений, так как у участников есть разные позиции по тем или иным вопросам развития местных территорий	65,05%	62,50%	72,41%
	Затрудняюсь ответить	5,38%	8,33%	15,52%
	Всего	100%	100%	100%

Согласно данным таблицы 1, абсолютное большинство (65,05%) тех респондентов, кто готов напрямую участвовать в решении значимых для общества вопросов посредством местного онлайн-сообщества, считают, что для подобных сообществ характерно не единообразие, а широкий плюрализм мнений. Учитывая, что группа респондентов, кто готов прямо участвовать в решении значимых для общества вопросов, составляет 64% от всех опрошенных (см. диаграмму 1), можно сделать вывод о наличии относительно большой группы участников опроса, для которых свойственно одновременное проявление сразу нескольких черт сетевой идентичности. Любопытно, что убеждение о широком плюрализме мнений характерно и для тех, кто не готов напрямую участвовать в решении значимых для общества вопросов, и для тех, кто затруднился с ответом на данный вопрос.

Таблица 2. Результаты перекрестного анализа ответов респондентов: готовность принимать прямое участие в решении значимых вопросов с помощью местного онлайн-сообщества/возможность появления лидера, способного объединить участников местного онлайн-сообщества по широкому кругу вопросов

		Готовы ли Вы принимать участие в решении общественно значимых вопросов развития территории, где Вы проживаете, с помощью местного (для данной территории) интернет-сообщества?		
		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Возможно ли появление в рамках местного интернет-сообщества общественного и/или политического лидера, способного объединить граждан по широкому спектру вопросов?	Да	65,05%	43,75%	44,83%
	Нет	12,37%	43,75%	13,79%
	Затрудняюсь ответить	22,58%	12,50%	41,38%
	Всего	100%	100%	100%

По результатам построения таблицы 2 отмечаем, что только 12,37% опрошенных, кто высказал готовность напрямую участвовать в решении важных для общества вопросов с помощью территориальных интернет-сообществ, считают, что внутри информационного пространства подобных сообществ невозможно появление единого лидера, а 65,05% говорят о том, что появление такого лидера вполне возможно. Иными словами, перекрестный анализ данных ответов респондентов на два указанных вопроса не подтверждает идею об одновременном проявлении индивидами нескольких черт сетевой идентичности (закодированных в содержании указанных вопросов). Заметим, что среди тех, кто не готов напрямую участвовать в решении значимых для общества вопросов с помощью местных онлайн-пабликов и групп, мнения относительно возможного появления внутри дискуссионного поля онлайн-сообществ разделились поровну (43,75% на 43,75%, кто «за» и «против», соответственно). В случае с затруднившимися ответить на вопрос о готовности к прямому участию, о возможности появления лидера высказались 44,83%, не поддержали эту точку зрения только 13,79%.

Таблица 3. Результаты перекрестного анализа ответов респондентов: наличие единообразия мнений в дискуссионном поле местного онлайн-сообщества/возможность появления лидера, способного объединить участников местного онлайн-сообщества по широкому кругу вопросов

		Как Вы считаете, характерно ли для дискуссионного пространства местного интернет-сообщества единообразие мнений?		
		Да, так как участники сообщества нередко выражают общие и схожие мнения по важным вопросам развития местных территорий	Нет, в сообществе присутствует широкий плюрализм мнений, так как у участников есть разные позиции по тем или иным вопросам развития местных территорий	Затрудняюсь ответить
Возможно ли появление в рамках местного интернет-сообщества общественного и/или политического лидера, способного объединить граждан по широкому спектру вопросов?	Да	68,42%	56,48%	30,43%
	Нет	18,42%	18,65%	8,70%
	Затрудняюсь ответить	13,16%	24,87%	60,87%
	Всего	100%	100%	100%

Как показывают данные таблицы 3, только 18,65% тех респондентов, кто говорит о существовании широкого плюрализма мнений среди участников территориальных интернет-сообществ, заявляют о невозможности появления внутри дискуссионного поля подобных онлайн-пабликов и групп лидера, способного объединить граждан по широкому кругу вопросов, в том время, как чуть больше половины (56,48%) заявляют о том, что появление единого лидера внутри онлайн-сообществ возможно. Как и в случае с результатами, представленными в таблице 2, нельзя говорить об одновременном наличии сразу двух обозначенных и закодированных в содержании соответствующих вопросов черт сетевой идентичности у численно относительно большой и устойчивой группы респондентов. Добавим, что абсолютное большинство (68,42%) респондентов, утвердительно ответивших на вопрос о наличии внутри онлайн-сообщества единообразия мнений, высказались также, что появление единого лидера внутри интернет-сообщества локального типа вполне возможно, а 18,42% опрошенных из данной группы ответили отрицательно на этот вопрос.

Полученные результаты частотного и перекрестного анализа данных позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, обращает на себя внимание популярность среди молодой, студенческой аудитории территориальных интернет-сообществ. Интерес со стороны пользователей к функционированию онлайн-сообществ подобного типа делает их эффективным инструментом для общественных и политических субъектов, например, в сфере разработки и реализации различных политических решений или определения складывающихся настроений в обществе.

Во-вторых, на примере определенной социологической выборки установлено наличие как минимум двух из трех рассматриваемых в работе черт сетевой идентичности в контексте восприятия местных онлайн-сообществ: (1) готовность к прямому участию в решении общественно значимых вопросов в рамках данных пабликов и групп и (2) отношение к ним как к информационному пространству, где существует широкий плюрализм мнений и разные позиции пользователей (участников интернет-сообществ) по вопросам развития местных территорий. Проявление такой черты сетевой идентичности как гетерархия, выражающаяся в том числе в восприятии коммуникативного пространства локальных интернет-сообществ как

пространства, в котором отсутствует лидер, способный объединить граждан по широкому кругу вопросов, не выявлено.

В-третьих, установлено наличие численно относительно большой группы респондентов, для которых свойственно одновременно проявление двух указанных выше черт сетевой идентичности. В результате можно сделать вывод, что используемый в работе фактор, связанный с функционированием территориальных онлайн-сообществ, позволяет выявить в сознании молодой аудитории именно две обозначенные черты сетевой идентичности, а третью из указанных черт выявить через данный фактор не удалось.

В-четвертых, говоря о возможных причинах, почему одни черты сетевой идентичности нашли свое проявление в контексте отношения аудитории к функционированию территориальных интернет-сообществ, а другие – нет, необходимо обратить внимание на ряд факторов. В индивидуальном сознании сетевая идентичность может наличествовать совместно с другими идентичностями, находясь с ними в состоянии взаимного влияния друг на друга на символично-содержательном уровне, в частности, особенности сетевой идентичности (например, связанные с акцентом на запросе на широкий плюрализм мнений) могут вступать в определенное сочетание с общественными и политическими ценностями и нормами, свойственными для других типов идентичности (например, связанных, так или иначе с запросом на наличие внутри коммуникативного поля сильного, единого лидера). В этой связи, анализ содержательно-смыслового взаимодействия сетевой идентичности с другими типами идентичности вызывает особый исследовательский интерес.

Кроме того, в опросе принимала участие, прежде всего, молодая аудитория в возрасте от 18 до 22 лет, что тоже могло оказать определенный эффект на (не)проявление конкретных черт сетевой идентичности. Наконец, определенную роль мог сыграть и обозначенный контекст, связанный с восприятием деятельности местных онлайн-сообществ (для которых, например, по мнению участников опроса, вполне свойственны и широкий плюрализм мнений, и наличие лидера, способного объединить граждан внутри подобного сообщества по широкому спектру различных вопросов развития конкретной территории).

В-пятых, отметим, немалое число респондентов, кто затруднился ответить на вопрос о том, готовы ли они напрямую принять участие в решении значимых для общества вопросов с помощью местных онлайн-

сообществ (20% от общего числа всех опрошенных) и на вопрос о возможности появления внутри подобных интернет-сообществ общественного и/или политического лидера, способного объединить граждан по широкому спектру вопросов (25% респондентов). Среди возможных причин затруднений могут быть особенности личного опыта участия в работе местных интернет-сообществ либо неучастие (когда респондент не подписан ни на один из локальных пабликов и/или групп), изначально сложившиеся внутренние установки индивида, на которые функционирование территориальных интернет-сообществ не оказывает никакого влияния и т.д.

Стремительное распространение в обществе современных информационно-коммуникационных технологий оказывает серьезное влияние на происходящие в нем процессы, в том числе – в сфере общественной и политической коммуникации. Это влияние находит свое отражение не только в ходе различных индивидуальных и коллективных действий, но и в области общественного и политического сознания, в частности, способствуя возникновению новой идентичности, например – сетевой. В данной работе через призму отношения молодой аудитории к функционированию местных интернет-сообществ (онлайн-пабликов и групп) протестировано наличие/отсутствие трех черт сетевой идентичности, среди которых: (1) готовность индивида к прямому участию в решении общественно значимых вопросов (для конкретной местности); (2) идейно-содержательная многоаспектность (в ракурсе широкого плюрализма мнений по различным вопросам развития конкретной территории/местности; (3) децентрализованное и гетерархичное восприятие общественных и политических институтов и отношений (через идею о невозможности появления в дискуссионном поле лидера, способного объединить граждан по широкому кругу вопросов развития территории). Согласно результатам проведенного исследования, установлено проявление первых двух черт сетевой идентичности, причем, можно сделать вывод о том, что есть численно большая группа участников выполненного анкетирования, в сознании которых проявляются одновременно обе указанные черты сетевой идентичности.

Обозначенные выводы сделаны на основе анализа результатов проведенного анкетирования, участие в котором приняли студенты гуманитарных факультетов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского преимущественно в возрасте от 18 до 22 лет, поэтому данные выводы нельзя экстраполировать на мнение всей студенческой моло-

дежи в целом. В этом отношении данное исследование носит скорее пилотный характер, в дальнейшем возможно изменение состава социологической выборки благодаря, например, участию в опросе студентов не только гуманитарных, но и других направлений подготовки.

Литература

1. Блохина А.Е., Селиверстова Ю.А., Каминченко Д.И. Сетевая идентичность современной студенческой молодежи: результаты первичного эмпирического анализа // PolitBook. 2022. №4. С. 6-30.

2. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2013. №1. С. 66-83.

3. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. №2. С. 98-121.

4. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций // Полис. Политические исследования. 2022. №5. С. 40-55.

5. Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Издательство «ВесьМир», 2017. 992 с.

6. Каминченко Д.И. Детерминанты измерения сетевой идентичности // Возможности и угрозы цифрового общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. А.В. Соколова, А.А. Фролова. 2020. С. 100-104.

7. Палкова А.В. Сетевая идентичность: психолингвистические аспекты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. №2(73). С. 108-115.

8. Фленина Т.А. Роль социальных сетей в конструировании сетевой идентичности // От истоков к современности 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции: в 5 т. Москва: Издательство Когито-Центр, 2015. С. 348-350.

9. Фленина Т.А. Семантическое пространство понятия «сетевая идентичность» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. №171. С. 310-314.

10. Фленина Т.А. Сетевая идентичность в самосознании российской молодежи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2015. №178. С. 76-79.

11. Чернышева А.В., Радомисльский М.С. Фейк: идентичность личности в рамках сетевой культуры или игровая мистификация? // Научный потенциал. 2022. №3(38). С. 106-111.

12. Allegri M.R. The right to be forgotten in the digital age / Comunello, F., Martire, F., Sabetta, L. (eds) What people leave behind. Frontiers in sociology and social research. Springer, Cham. 2022. Vol 7. P. 237-251.

13. Arosio L. What People Leave Behind Online: Digital Traces and Web-Mediated Documents for Social Research / Comunello F., Martire F., Sabetta L. What People Leave Behind. Frontiers in Sociology and Social Research. Springer, Cham. 2022. Vol. 7. P. 311-323.

14. Braun M. Impulse einer präventiven Arbeitsgestaltung zur Digitalisierung der öffentlichen Verwaltung // Zentralblatt für Arbeitsmedizin, Arbeitsschutz und Ergonomie. 2021. Vol. 71. №2. P. 75–80.

15. Camacho M., Minelli J., Grossek G. Self and identity: raising undergraduate students' awareness on their digital footprints / Procedia - Social and behavioral sciences. 2012. Vol. 46. P. 3176-3181.

16. Carolan J. English proficiency as a performance of digital social capital: understanding how Chinese study abroad students use WeChat for the symbolic purpose of English language learning // The Journal of Chinese Sociology. 2022. №9. P. 1-31.

17. Casagrande G. Visible and Invisible Traces: Managing the Self on Social Media Platforms / Comunello F., Martire F., Sabetta L. What People Leave Behind. Frontiers in Sociology and Social Research. Springer, Cham. 2022. Vol. 7. P. 141-156.

18. Dolata U. Plattform-Regulierung. Koordination von Märkten und Kuratierung von Sozialität im Internet // Berliner Journal für Soziologie. 2019. Vol. 29. №3-4. P. 179–206.

19. Katzenbach C. Der «Algorithmic turn» in der Plattform-Governance // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2022. Vol. 74 (Supplement issue 1). P. 283–305.

20. Knorre S., Kocks J.N. Öffentliche Verwaltung – Verwaltung in der Öffentlichkeit: Eine Szenario-Analyse // Kocks K., Knorre S., Kocks J. Öffentliche

Verwaltung – Verwaltung in der Öffentlichkeit. Springer VS, Wiesbaden. 2020. P. 243-248.

21. Kocks K. Verwaltungskommunikation: Perspektive der Politik- und Kommunikationsberatung // Kocks K., Knorre S., Kocks J. Öffentliche Verwaltung – Verwaltung in der Öffentlichkeit. Springer VS, Wiesbaden. 2020. P. 185-200.

22. Möser A. Kommunale Kommunikation in digitalen Zeiten // Kocks K., Knorre S., Kocks J. Öffentliche Verwaltung – Verwaltung in der Öffentlichkeit. Springer VS, Wiesbaden. 2020. P. 201-221.

23. Moser J.R., Ashforth B.E. My network, my self: A social network approach to work-based identity // Research in organizational behavior. 2021. Vol. 41(2). P. 1-16.

24. Rademacher L., Lintemeier K., Kretschmer H. Öffentlichkeitsbeteiligung bei Infrastrukturprojekten als Herausforderung für Politik und Verwaltung // Kocks K., Knorre S., Kocks J. Öffentliche Verwaltung – Verwaltung in der Öffentlichkeit. Springer VS, Wiesbaden. 2020. P. 165-184.

25. Rava G. Traces and their (in)significance / Comunello F., Martire F., Sabetta L. What people leave behind. Frontiers in sociology and social research. Springer, Cham. 2022. Vol. 7. P. 269-281.

26. Seyfert R. Die Theorie algorithmischer Sozialität (TaS) // Österreichische Zeitschrift für Soziologie. 2023. Vol. 48. №2.

27. Sonzogni B. «Personal Influence» and Influencer Logic: A Theoretical and Methodological Comparison / Comunello F., Martire F., Sabetta L. What People Leave Behind. Frontiers in Sociology and Social Research. Springer, Cham. 2022. Vol 7. P. 293-310.

References

1. Blokhina A.E., Seliverstova Yu.A., Kaminchenko D.I. Setevaya identichnost' sovremennoi studencheskoi molodezhi: rezul'taty pervichnogo empiricheskogo analiza. PolitBook. 2022. № 4. S. 6-30.

2. Voiskunskii A.E., Evdokimenko A.S., Fedunina N.Yu. Al'ternativnaya identichnost' v sotsial'nykh setyakh. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya. 2013. №1. C. 66-83.

3. Voiskunskii A.E., Evdokimenko A.S., Fedunina N.Yu. Setevaya i real'naya identichnost': sravnitel'noe issledovanie. Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2013. T. 10. №2. C. 98-121.

4. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Osobennosti fenomena sub"ektnosti v usloviyakh sovremennykh tekhnologicheskikh transformatsii. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2022. №5. S. 40-55.

5. Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie / Otv. red. I.S. Semenenko. Moskva: Izdatel'stvo «Ves'Mir», 2017. 992 C.

6. Kaminchenko D.I. Determinanty izmereniya setevoi identichnosti. Vozmozhnosti i ugrozy tsifrovogo obshchestva. Materialy konferentsii Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / Pod red. A.V. Sokolova, A.A. Frolova. 2020. S. 100-104.

7. Palkova A.V. Setevaya identichnost': psikholingvisticheskie aspekty. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2022. №2(73). S. 108-115.

8. Flenina T.A. Rol' sotsial'nykh setei v konstruirovanii setevoi identichnosti. Ot istokov k sovremennosti 130 let organizatsii psikhologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete: sbornik materialov yubileinoi konferentsii: v 5 t. M.: Izdatel'stvo Kogito-Tsentr, 2015. C. 348-350.

9. Flenina T.A. Semanticheskoe prostranstvo ponyatiya «setevaya identichnost'». Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2014. №171. C. 310-314.

10. Flenina T.A. Setevaya identichnost' v samosoznanii rossiiskoi molodezhi. Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2015. №178. C. 76-79.

11. Chernysheva A.V., Radomysl'skii M.S. Feik: identichnost' lichnosti v ramkakh setevoi kul'tury ili igrovaya mistifikatsiya? Nauchnyi potentsial. 2022. №3(38). S. 106-111.

12. Allegri M.R. The right to be forgotten in the digital age / Comunello, F., Martire, F., Sabetta, L. (eds) What people leave behind. Frontiers in sociology and social research. Springer, Cham. 2022. Vol 7. P. 237-251.

13. Arosio L. What People Leave Behind Online: Digital Traces and Web-Mediated Documents for Social Research / Comunello F., Martire F., Sabetta L. What People Leave Behind. Frontiers in Sociology and Social Research. Springer, Cham. 2022. Vol. 7. P. 311-323.

14. Braun M. Impulse einer präventiven Arbeitsgestaltung zur Digitalisierung der öffentlichen Verwaltung. Zentralblatt für Arbeitsmedizin, Arbeitsschutz und Ergonomie. 2021. Vol. 71. №2. P. 75–80.

15. Camacho M., Minelli J., Grossek G. Self and identity: raising undergraduate students' awareness on their digital footprints / Procedia - Social and behavioral sciences. 2012. Vol. 46. P. 3176-3181.

16. Carolan J. English proficiency as a performance of digital social capital: understanding how Chinese study abroad students use WeChat for the symbolic purpose of English language learning. The Journal of Chinese Sociology. 2022. №9. P. 1-31.

17. Casagrande G. Visible and Invisible Traces: Managing the Self on Social Media Platforms / Comunello F., Martire F., Sabetta L. What People Leave

Behind. *Frontiers in Sociology and Social Research*. Springer, Cham. 2022. Vol. 7. P. 141-156.

18. Dolata U. Plattform-Regulierung. Koordination von Märkten und Kuratierung von Sozialität im Internet. *Berliner Journal für Soziologie*. 2019. Vol. 29. №3-4. P. 179–206.

19. Katzenbach C. Der «Algorithmic turn» in der Plattform-Governance. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2022. Vol. 74 (Supplement issue 1). P. 283–305.

20. Knorre S., Kocks J.N. Öffentliche Verwaltung – Verwaltung in der Öffentlichkeit: Eine Szenario-Analyse. Kocks K., Knorre S., Kocks J. *Öffentliche Verwaltung – Verwaltung in der Öffentlichkeit*. Springer VS, Wiesbaden. 2020. P. 243-248.

21. Kocks K. Verwaltungskommunikation: Perspektive der Politik und Kommunikationsberatung. Kocks K., Knorre S., Kocks J. *Öffentliche Verwaltung – Verwaltung in der Öffentlichkeit*. Springer VS, Wiesbaden. 2020. P. 185-200.

22. Möser A. Kommunale Kommunikation in digitalen Zeiten. Kocks K., Knorre S., Kocks J. *Öffentliche Verwaltung – Verwaltung in der Öffentlichkeit*. Springer VS, Wiesbaden. 2020. P. 201-221.

23. Moser J.R., Ashforth B.E. My network, my self: A social network approach to work-based identity. *Research in organizational behavior*. 2021. Vol. 41(2). P. 1-16.

24. Rademacher L., Lintemeier K., Kretschmer H. Öffentlichkeitsbeteiligung bei Infrastrukturprojekten als Herausforderung für Politik und Verwaltung. Kocks K., Knorre S., Kocks J. *Öffentliche Verwaltung – Verwaltung in der Öffentlichkeit*. Springer VS, Wiesbaden. 2020. P. 165-184.

25. Rava G. Traces and their (in)significance / Comunello F., Martire F., Sabetta L. What people leave behind. *Frontiers in sociology and social research*. Springer, Cham. 2022. Vol. 7. P. 269-281.

26. Seyfert R. Die Theorie algorithmischer Sozialität (TaS). *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*. 2023. Vol. 48. №2.

27. Sonzogni B. «Personal Influence» and Influencer Logic: A Theoretical and Methodological Comparison / Comunello F., Martire F., Sabetta L. What People Leave Behind. *Frontiers in Sociology and Social Research*. Springer, Cham. 2022. Vol 7. P. 293-310.

**И.В. Самаркина,
Д.П. Колозов,
В.Р. Ермакова**

**I. Samarkina,
D. Kolozov,
V. Ermakova**

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В
УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА РОССИИ
И КОНСОЛИДАЦИИ
РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА**

**POLITICAL
PARTICIPATION OF
YOUTH IN CONDITIONS
OF THE EXPANSION OF
THE SOCIO-POLITICAL
SPACE OF RUSSIA AND
THE CONSOLIDATION OF
RUSSIAN SOCIETY**

Аннотация

В статье представлены результаты разведывательного исследования форм, уровней и мотивов политического участия молодежи новых территорий Российской Федерации (представителей Луганской народной республики) и Краснодарского края. Актуальность исследования обусловлена сложностью и новизной проблем реформирования политических макрообществ в условиях современной конкуренции мировых проектов политического устройства и ролью молодежи в этих процессах. В современной отечественной науке политическое участие молодежи в условиях расширения и трансформации политического пространства России, в особенности – тенденции политического участия молодежи новых субъектов Российской Федерации пока остаются малоизученным полем, требующим пристального внимания политологов. Целью проведенного авторами разведывательного исследования было выявление форм и тенденций политического участия молодежи в условиях динамичной трансформации социально-политического пространства России на основе эмпирических данных, полученных методом массового онлайн опроса представителей студенческой молодежи Луганской народной республики и Краснодарского края.

Abstract

The article presents the results of an intelligence study of the forms, levels and motives of the political participation of young people in the new territories of the Russian Federation (representatives of the Lugansk People's Republic) and the Krasnodar Territory. The relevance of the study is due to the complexity and novelty of the problems of reformatting political macro-communities in the conditions of modern competition of world projects of the political system and the role of youth in these processes. It is noted that in modern domestic science, the political participation of young people in the context of the expansion and transformation of the political space of Russia, in particular, the trends in the political participation of young people in new subjects of the Russian Federation are still a little-studied field that requires close attention of political scientists.

The purpose of the intelligence study conducted by the authors was to identify the forms and trends of political participation of young people in the context of the dynamic transformation of the socio-political space of Russia on the basis of empirical data obtained by mass online survey of representatives of student youth of the Luhansk People's Republic and the Krasnodar Territory.

В ходе проведения исследования выделено отношение респондентов к общественно-политической активности, актуальные инструменты влияния на политику, мотивы поддержки политических лидеров, актуальные уровни общественно-политического участия молодежи исследуемых субъектов, а также масштабы и причины политического абсентеизма в молодежной среде.

Показана взаимосвязь между социально-политической спецификой региона и степенью включенности молодежи в общественно-политические практики. Определены доминирующие мотивы поддержки политиков, обусловленные экзистенциальными потребностями молодежи. По результатам исследования выделено влияние институциональных изменений (встраивания региона в систему территориально-административного устройства страны) на уровни проявления общественно-политического участия молодежи. Данный процесс ведет к концентрации участия на локальном уровне.

Ключевые слова:

молодежь, новые граждане России, политическое участие молодежи, социальная консолидация.

Respondents' attitude to social and political activity, actual instruments of influence on politics, motives for supporting political leaders, current levels of socio-political participation of young people in the subjects under study, as well as the extent and causes of political absenteeism among young people are revealed.

The relationship between the socio-political specifics of the region and the degree of involvement of young people in socio-political practices is shown. The dominant motives for supporting politicians, determined by the existential needs of young people, are determined. It is shown that institutional changes (embedding the region into the system of the country's territorial-administrative structure) have an impact on the levels of manifestation of the socio-political participation of young people and lead to a concentration of participation at the local level.

Key words:

youth, new citizens of the Russian Federation, political participation of youth, social consolidation.

На современном этапе развития России одним из главных условий сохранения суверенитета страны, ее поступательного социально-экономического развития является консолидация российского общества. Тематика консолидации является ключевой во внутривнутриполитической повестке 2022–2023 гг. «Сегодня нам нужна консолидация всего общества. И в основе такой сплоченности может быть только суверенитет, свобода, созидание, справедливость. Наши ценности – это человеколюбие, милосердие и сострадание» [37]. Существует несколько слагаемых, условий успешной социальной консолидации: разделяемые ценности, объединяющие действия (практики) и общее, объединяющее видение будущего страны.

Значимость и актуальность задачи консолидации российского общества видится в нескольких аспектах. Во-первых, в контексте существующей социокультурной, социально-экономической и социально-политической дифференциации российских регионов, которая усугубляется присоединением новых субъектов РФ. Во-вторых, в контексте имеющей-

ся ценностной дифференциации различных поколений граждан России, в том числе новых ее граждан – жителей присоединенных территорий. В третьих, в контексте ценностной дифференциации представителей молодого поколения граждан нашей страны, тех, в чьих руках уже сейчас и в будущем будут находиться рычаги управления страной и ее будущее.

С этой точки зрения внимание исследователей и практиков должно быть направлено на самые рискованные группы. Одной из таких групп является молодежь из новых субъектов РФ, прошедшая первичные этапы политической социализации в принципиально других социально-политических и социокультурных условиях. Уже сегодня необходимо принимать решения о стратегиях формирования гражданской идентичности для этой категории молодежи, о технологиях работы с молодежью в этих субъектах или с этой молодежью за пределами новых субъектов РФ. Необходимо понимать потенциал политического участия и социально-политической активности молодежи.

О масштабах и практической значимости поставленных задач говорят, как минимум, данные о численности населения, в том числе молодежи новых субъектов РФ. По данным Госстата Донецкой Народной Республики, численность населения республики составила 2 198 млн человек [33]; по данным Госстата Луганской Народной Республики, численность населения республики составила 1 397 млн человек [33]. На территории ЛНР проживает более 570 тыс. молодых людей (от 14 до 35 лет), в т.ч. на территории освобожденных городов и районов 231 тыс. человек [30].

Научная значимость проблемы обусловлена сложностью и новизной проблем реформирования политических макросообществ в условиях современной конкуренции мировых проектов политического устройства и ролью молодежи в этих процессах. Существующие исследования, основанные преимущественно на опыте послевоенной Европы, в силу различия исторических и политических условий не обеспечивают концептуальной основы для анализа возможностей, рисков и угроз интеграции (реинтеграции) политических макросообществ, не дают концептуального понимания факторов и моделей социально-политической активности молодежи в условиях трансформации социально-политического пространства. необходимо восполнение существующего дефицита знаний о возможностях, ресурсах и технологиях формирования гражданской идентичности молодых людей,

влекущих за собой трансформацию моделей политического участия, в этих условиях.

Степень изученности проблемы в современной науке. Политическое участие как категория политической науки традиционно привлекает внимание исследователей. Политическое участие в его современном понимании рассматривали следующие авторы Д.В. Гончаров [10], Е.В. Зозуля [18], Э.А. Ключенко [21], М.Р. Холмская [48], А.В. Ключев [20], Д.В. Ольшанский [32].

В современном научном дискурсе представлены следующие аспекты политического участия. Современные практики политической активности общества изучает В.В. Петухов [36], А.Е. Коньков [22]. Практики взаимодействия государства и молодёжи, а также молодёжных и общественных структур изучают такие авторы как Е.В. Семочкина [42], Г.А. Абрамов [1], А.А. Алексеенок [4], О.Ю. Отроков [34], Н.Н. Пшеничная [39], А.И. Кугай [24].

Факторы, формы и стратегии политического участия молодёжи исследует Е.В. Махмутова [28], И.С. Шаповалова [49], Р.И. Зинурова [17], П.В. Попов [38], А.В. Лаврикова [26], И.С. Сазонов [40], С.Д. Щеголев [52]. Влияние гражданского самосознания, политической субъектности и молодёжной политики на политическое участие молодёжи изучают такие авторы как М.В. Григорьева [11], Т.Н. Самсонова [41], А.А. Алексеенок [3].

Политическую культуру и практики политического участия в студенческой молодёжной среде изучает О.Ю. Кузнецова [25], Т.В. Евгеньева [14], А.В. Матюхин [27], Д.В. Алексеев [2]. Влияние социально-политических ценностей и образа будущего на политическое участие молодёжи изучают такие авторы как А.М. Гатиева [9], А.А. Вилков [7], Н.И. Шестов [51].

Неинституциональные формы участия молодёжи в протестной активности изучают такие авторы как Е.И. Васильева [6]. Особенности практик политического протеста в контексте развития цифровой среды изучает Э.Н. Гаекулов [8], А.В. Шентякова [50].

Активно изучается влияние современных ИКТ на политические практики. Общественная активность граждан в онлайн- и офлайн-средах изучают такие авторы как Р.В. Парма [35], А.С. Ахременко [5], А.В. Соколов [43], А.П. Кочетков [23]. Практик политического участия молодёжи в цифровой среде изучают такие авторы как С.А. Гришаева [12], Е.А. Иваненко [19]. Влияние цифровой среды на поведенческие паттерны в

офлайн-пространстве изучает Л.Н. Тимофеева [45], В.М. Захаров [16], Н.В. Гришин [13]. Политические процессы в контексте электронного голосования в России изучают О.В. Ерохина [15], В.И. Фёдоров [47].

Несмотря на значительный интерес к исследованиям политического участия молодежи, в современной отечественной науке политическое участие молодежи в условиях расширения и трансформации политического пространства России, в особенности – тенденции политического участия молодежи новых субъектов РФ пока остаются малоизученным полем, требующим пристального внимания политологов.

В качестве оснований методологической конструкции в данном исследовании выступает идентитарный подход. Гражданская идентичность предполагает самоидентификацию индивида с его политической культурой и институтами, в особенности с определяющим индивидуальный политико-правовой статус институтом гражданства, отражающем общественно-политическую активность граждан. В основании гражданской идентичности лежит усвоение человеком ценностей конструктивного участия в социальных взаимодействиях, демократических свобод и политической гражданской солидарности (Л.М. Дробижева, И.С. Семененко).

Политико-психологический подход (Е.Б. Шестопал, А.В. Селезнева, Т.В. Евгеньева, А.Л. Зверев, Т.Н. Пищева и др.) в контексте исследования необходим для понимания институтов, механизмов и факторов формирования политической активности в процессе политической социализации исследуемой группы в ситуации динамического изменения всей модели политической социализации и формирования нового политического пространства. Формы политического участия в работе описаны с опорой на классическую типологию, предложенную М. Каззе и А. Машем.

Отношение молодежи к проблеме политической активности, оценка уровня общественно-политического участия молодежи отражена в ряде общероссийских исследований молодежи: «Участие молодежи в политической жизни страны» (ФОМ) [46], «Молодежь и политика: точки соприкосновения» (ВЦИОМ) [29]; «Общественная активность молодежи» (ВЦИОМ) [31]; «Социальная и политическая активность молодежи» (ФОМ) [44] и другие. В них отражен противоречивый характер практик политического участия и дифференцированное отношение к ним в молодёжной среде. Так больше половины молодёжи отмечают, что «скорее не интересуется» политикой (57% против 37%). При этом только 10% отметило, что среди моло-

дэжи сегодня нет людей, которые интересуются политикой. Молодежь считает, что у нее сегодня нет возможности влиять на политическую жизнь в стране (51% против 40% взрослых) и не верит, что в будущем, по мере взросления, ситуация изменится (58%). При этом около 44,5% респондентов замечают общественную активность молодёжи и считают её полезной для общества, страны, а примерно 41,5% не замечают данную активность.

Молодёжь отмечает социальную дифференциацию в обществе, обусловленную ценностными различиями молодой когорты и управленческой элиты: 36% молодых респондентов отметило значительную разницу ценностей молодёжи и людей, «принимающих решения на государственном уровне». При этом посчитали данную разницу незначительной 29%, совпадение данных ценностей отметили 23%. Около 50% молодёжи считает, что при поддержке властью молодёжных инициатив данными проектами должны руководить люди среднего возраста, а примерно 27,5% отметили представителей молодёжи в данной роли. Людей старшего возраста выбрали 16,5% молодёжи. При этом около 27% молодёжи считает, что сегодня «власть действует преимущественно» в интересах молодёжи. Около 59,5% молодёжи отмечают, что власть действует в интересах групп среднего возраста и старше. Вариант «в интересах всех возрастных групп в равной степени» выбрали 29,5%, а вариант «власть действует в интересах не возрастных, а иных групп» выбрали 21,5% молодёжи.

Молодежь осознает имеющийся у нее потенциал, 87% респондентов считают, что молодёжь надо привлекать к участию в политической и общественной жизни страны, чаще всего указывают конвенциональные формы участия: голосование на выборах, участие в деятельности общественных организаций, связанных с политикой и участие в митингах и демонстрациях. Реже выбирали такие формы как: подписание коллективных обращений, участие в качестве кандидата на выборные посты или в деятельности политической партии.

Практики массового политического участия не распространены в молодежной среде: 74% молодёжи отмечают, что не принимали участие в массовых мероприятиях, 65% не обсуждали в интернете о новостях, а также не подписывали петиций. Половина молодежи не смотрит политические новости по телевизору и не обсуждает их с друзьями и 45% этой практикой пользуются. Наиболее же распространена практика чтения новостей в интернете, об этом сказали 65% респондентов.

Подавляющее число молодежи (84%) отмечают, им не приходилось участвовать в акциях протеста, и 16% отметили, что такой опыт у них есть. Потенциально готовы участвовать в протестных акциях 36% молодёжи, если бы они были связаны с проблемами, которые волнуют их самих или близких, а 62% исключают данную возможность.

В целом, по результатам немногочисленных общероссийских исследований, можно сделать вывод о том, что для большей части российской молодежи политика и общественно-политическая деятельность не являются сферой жизненных приоритетов; вместе с тем, российская молодежь обладает значительным потенциалом вовлечения в общественно-политические практики, как конвенциональные, так и протестные.

Целью проведенного авторами разведывательного исследования было выявление форм и тенденций политического участия молодежи в условиях динамичной трансформации социально-политического пространства России на основе эмпирических данных, полученных методом массового онлайн опроса представителей студенческой молодежи Луганской народной республики и Краснодарского края.

Эмпирическую базу исследования составили результаты разведывательного исследования, проведенного в марте-апреле 2023 года методом онлайн анкетирования студентов, представляющих вузы двух субъектов России: Кубанского государственного университета (Краснодарский край), Луганского национального университета им. Т. Шевченко и Луганской академии внутренних дел им. Э. Дидоренко (Луганская народная республика). Всего было опрошено 105 респондентов, в том числе 54,3% (57 человек) – жителей Краснодарского края и 45,7% (48 человек) – жителей Луганской Народной Республики.

Отношение респондентов к общественно-политической активности отражено на рисунке 1. Доминирующей тенденцией в ответах респондентов обоих регионов является их неверие в свои возможности повлиять на политическую жизнь: 27% респондентов ЛНР и 25% респондентов из Краснодарского края считают, что у них нет возможности повлиять на политическую жизнь, несмотря на разницу существующих институтов и практик. При этом показания «разочарованности» в политике у опрошенных также практически равные: 16,7% опрошенных студентов из ЛНР и 17,9% опрошенных студентов Краснодарского края выбрали этот ответ. При этом

политикой не интересуются 12,4% респондентов из ЛНР и 10,7% респондентов из Краснодарского края.

Важно обратить внимание на разницу мнений респондентов об «актуальной реальной возможности участия в политической жизни»: только 6,3% респондентов из ЛНР считают, что такая возможность у них есть; в Краснодарском крае доля ответивших так вдвое больше – 14,3%. Однако, реальный опыт участия в общественной жизни, наоборот в два раза больше у респондентов ЛНР (20,8% против 10,7%). Думается, что мы наблюдаем тенденцию сужения поля общественно-политической активности молодежи ЛНР и горизонта видения будущего в силу чрезвычайных обстоятельств, в которых в настоящее время живут молодые люди.

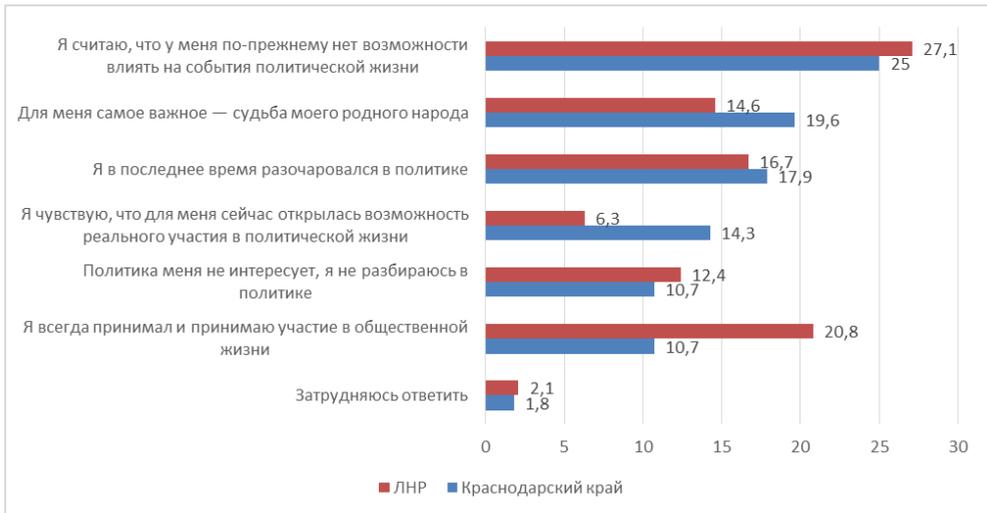

Рисунок 1 – Отношение респондентов к политической активности

Отношение респондентов к инструментам влияния на политику отражено на рисунке 2. Респонденты, представлявшие Краснодарский край чаще отмечают институциональные инструменты влияния, непосредственно связанные с системой государственного и муниципального управления (участие в выборах представительных органов – 18,18%; участие в местном самоуправлении и органах государственной власти – 18,18%), а представители ЛНР – менее формальные инструменты (поддержку талантливого политика – 15,93%; участие в деятельности молодежных организаций, фо-

румах, движениях – 15,93%, создание молодежных организаций, форумов, движений – 10,62%).

Рисунок 2 – Инструменты влияния на политику

Потенциал социального протеста молодежи исследуемых регионов не велик. Социальный протест как инструмент влияния на политику чаще отмечают представители молодежи Краснодарского края – 14,55% и реже – представители ЛНР – 10,62%. В качестве объяснительной гипотезы для этих данных видится влияние фактора стабильности внутривнутриполитической ситуации и обоснованность постановки вопроса о протесте, поскольку адресатом протестных действий всегда выступает власть.

Еще меньшее количество опрошенных (менее 10%) отмечают невозможность и отсутствие необходимости влиять на политику: так сказали 7,03% опрошенных из Луганской народной республики и 3,03% опрошенных их Краснодарского края. Необходимо отметить, что уточнение масштабов описанных тенденций и выявление причин и факторов, объясняющих эти тенденции должно стать задачами более масштабных исследований, в

том числе, выполненных с использованием качественных методов и стратегии исследования.

Мотивы поддержки политиков в ответах респондентов представлены на рисунке 3. Они выявлялись с помощью открытого вопроса с последующей группировкой типичных ответов. Выявлены три доминирующих мотива поддержки политиков, обусловленные экзистенциальными потребностями молодежи, прежде всего потребности в безопасности.

Рисунок 3 – Мотивы поддержки политиков

Для молодежи Луганской народной республики доминирующий мотив поддержки политика – обеспечение мира и порядка в стране любыми средствами (27,08%), соблюдение прав человека и сокращение разрыва в доходах между представителями разных социальных групп (по 18,75%).

Для молодежи Краснодарского края эти же мотивы поддержки входят в тройку лидеров, но в другой последовательности. Первое место занимают ответы опрошенных, отражающие запрос на политика, который сам не будет нарушать закон и обеспечит соблюдение прав человека (28,07%), на втором месте запрос на сокращение значительного разрыва

в доходах граждан (26,32%) и на третьем месте – запрос на обеспечение безопасности (21,05%). Думается, что фактор территориальной близости к зоне конфликта играет важную роль в запросе молодежи на политиков, которые смогут обеспечить удовлетворение жизненно важных, базовых потребностей.

Проявление потенциального политического абсентеизма более характерно для респондентов из ЛНР: 14,58% опрошенных отметили, что никакого политика они не поддержат (для сравнения среди опрошенных из Краснодарского края их оказалось 8,77%). В Луганской народной республике ярче выражен запрос на политика, который будет отстаивать интересы именно русской нации – 12,05% (для сравнения среди опрошенных из Краснодарского края их оказалось 7,02%).

Анализируя уровень общественно-политического участия молодежи следует отметить тенденцию максимального участия молодежи в мероприятиях, проектах и событиях вузовского, регионального и федерального уровней, и невысокий уровень включенности в форматы международного взаимодействия (таблица 1). Очевидно, это обусловлено особенностями текущей внешнеполитической ситуации и сменой вектора молодежной политики.

Таблица 1. На каком уровне Вы осуществляли свое участие в политике? (закрытый вопрос, % от общего количества ответов)

Варианты ответов	Краснодарский край	ЛНР
Международный уровень	1,75	4,17
Федеральный уровень	12,28	6,25
Региональный уровень	24,56	18,75
Городской уровень	21,05	27,08
Уровень внутригородского округа	8,77	27,08
Уровень вуза	31,58	16,67

Вместе с тем, важно отметить, что среди молодёжи ЛНР общественно-политические практики участия на международном уровне встречаются

чаще почти в 2 раза (4,17% против 1,75%), что, возможно, связано с особым положением государственной системы данного региона, переходившего из состава Украины в положение независимой республики, затем вошедшей в состав Российской Федерации, поскольку в данные периоды статус «международности» тех или иных практик мог быть крайне вариативным, и, например, мог быть связан как с участием в политической жизни Украины, так и Российской Федерации или любых других субъектов международного поля.

Практики общественно-политического участия молодёжи на региональном и федеральном уровнях значительно более распространены среди респондентов Краснодарского края (24,56% и 12,28% против 18,75% и 6,25%). При этом данные практики значительно более распространены на городском и районном уровнях среди молодёжи ЛНР (по 27,08% против 21,05% и 8,77% соответственно), что может быть связано с разницей политико-государственных устройств России и Украины в период до 2014 года, и особого положения территории ЛНР с 2014 года, установивших особые территориальные и институциональные основы управленческой системы в ЛНР из-за чего в молодёжной среде данного региона роль «города», превалирует. Также в данном контексте, интересно отметить значительное превышение распространённости общественно-политических практик на уровне вуза среди респондентов Краснодарского края, что также может быть связано с особенностью функционирующей системы высшего образования и её взаимодействия с субъектами политической жизни региона и страны.

Анализ форм политического участия отражен на рисунке 4. Выявлены отличия в преобладающих формах политического участия молодежи двух регионов. Но при этом минимальные различия, выявлены в доле тех, кто принимал участие в различных форматах социального протеста, данные практики примерно одинаково отмечают по 14% молодёжи.

Интересно отметить, что в контексте анализа инструментов влияния на политику образ «эффективности» практик социального протеста был заметно более распространён среди молодёжи Краснодарского края, что, возможно, говорит об разнице «форм и результатов» данных практик в молодёжной среде ЛНР и Краснодарского края.

Рисунок 4 – Формы политического участия

В целом, представители молодежи Краснодарского края, судя по результатам опроса более активны в различных формах общественно-политического участия. Очевидно, это связано со сложной ситуацией в ЛНР после 2014 года и с нынешними условиями специальной военной операции. Так, доля отметивших, что не считают нужным проявлять участие или не проявлявших никакой активности среди молодежи ЛНР более чем в два раза выше, чем среди молодежи Краснодарского края (12,87% против 5,04%).

Наиболее распространенными формами общественно-политической активности молодежи Краснодарского края является участие в выборах в органы представительной власти (21,58%), участие в деятельности молодежных организаций, форумов и движений (20,14%) и на третьем месте участие в различных формах социального протеста (14,39%).

Такая же последовательность, но менее выраженная отражает наиболее распространенные среди молодежи ЛНР формы общественной активности: участие в выборах в органы представительной власти (16,83%), уча-

стие в деятельности молодежных организаций, форумов и движений (13,86%), участие в различных формах социального протеста (13,86%), участие в деятельности политических партий (13,86%). Важно отметить, что среди молодёжи ЛНР эта форма общественно-политического участия более распространена, чем в Краснодарском крае, хотя, как было указано выше этот инструмент влияния на политику молодежь ЛНР указывала реже, чем жители Кубани.

Причины политического абсентеизма молодежи исследуемых регионов представлены на рисунке 5.

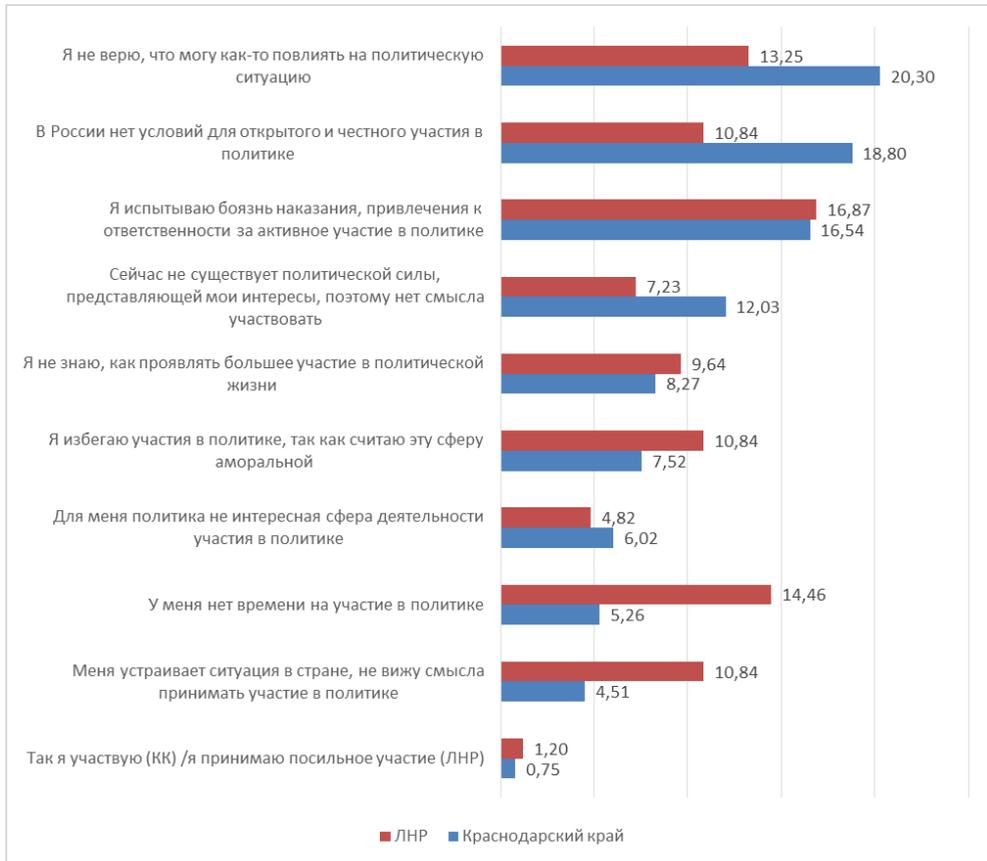

Рисунок 5 – Причины политического абсентеизма респондентов

Для молодежи Краснодарского края наиболее распространенными причинами являются неверие в то, что можно повлиять на общественно-политическую ситуацию (20,3%), убежденность в том, что в стране нет условий для открытого и честного влияния на политику (18,8%), боязнь наказания за активное участие в политике (очевидно, речь идет о протесте) (16,54%), отсутствие политической силы, представляющей интересы молодежи (12,03%), незнание институциональных форматов участия (8,27%), ценностные несовпадения – представления о том, что политика аморальна (7,52%), отсутствие интереса к сфере политики (6,02%), отсутствие времени (5,26%). 4,51% опрошенных жителей Краснодарского края отметили, что не участвуют в политике, потому что их все устраивает.

Для молодежи Луганской народной республики основной причиной отказа от участия является боязнь наказания за активность (16,87%). Кроме этого, наиболее распространенными причинами отказа от политического участия являются отсутствие времени (10,84%) и неверие в собственные возможности повлиять на политику (13,15%). Также в качестве причин абсентеизма опрошенные из ЛНР отметили отсутствие в стране условий для честного и открытого участия в политике, ценностные несовпадения – представления о том, что политика аморальна (10,84%), столько же респондентов отметили, что не участвуют в политике, потому что их все устраивает.

Выявлена общая тенденция, характерная для молодежи обоих субъектов – отсутствие знаний о возможностях участия: примерно одинаковое число респондентов обеих групп отмечает, что «не знает, как проявлять большее участие в политической жизни» (9,64% респондентов из ЛНР и 8,27% респондентов из Краснодарского края).

Вместе с тем, выявлены существенные расхождения в мнениях опрошенных относительно двух мотивов политического абсентеизма. Молодёжь ЛНР более чем в 2 раза чаще отмечает отсутствие времени как причину отказа от участия в политике (14,46% опрошенных из ЛНР отметили эту причину и 10,84% опрошенных из Краснодарского края). Также существенно отличается взгляд молодежи на удовлетворенность ситуацией в стране как причину отказа от участия (10,84% респондентов из ЛНР указали эту причину и 4,51% опрошенных из Краснодарского края).

Анализ форм политического участия и абсентеизма молодёжи ЛНР и Краснодарского края показывает, что существует взаимосвязь между соци-

ально-политической спецификой региона и степенью включенности молодежи в общественно-политические практики. Степень политического участия молодежи зависит от того, насколько данная группа способна удовлетворить свои базовые и социальные потребности. Так, особенно в кризисных ситуациях, распространённость социально-бытовых практик преобладает над политическими, что отрицательно сказывается на степени вовлеченности молодежи в сферу политического участия.

Доминирующие мотивы поддержки политиков обусловлены экзистенциальными потребностями молодежи – прежде всего потребностью в безопасности и не значительно отличаются в исследуемых регионах.

Институциональные изменения (встраивание региона в систему территориально-административного устройства страны) оказывают влияние на уровни проявления общественно-политического участия молодежи и ведет к концентрации участия на локальном уровне. Вместе с тем молодежь новых субъектов более оптимистично оценивает политическую систему и в то же время ориентирована на менее формальные форматы политического участия.

Тревожным показателем, требующим не только осмысления, но и конкретных действий институтов государственной молодежной политики является распространенность среди части молодежи представлений об отсутствии возможности влиять на политику и страх наказания за активную политическую деятельность.

Дальнейшие исследования политического участия и других установок политической культуры новых граждан России видятся крайне актуальными в научном плане и востребованным в контексте принятия политических решений.

Литература

1. Абрамов Г.А. Молодежные политические организации и движения как акторы политического процесса современной России // Общество: политика, экономика, право. 2022. №7(108). С. 13-16.

2. Алексеев Д.В., Копылова П.С., Помигуев И.А. Восприятие политики сообществом молодых политологов: опыт эмпирического анализа // PolitBook. 2022. №1. С. 158-177.

3. Алексеенок А.А. Основные направления совершенствования молодежной политики: социологический анализ результатов всероссийского ис-

следования // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. №5. С. 30-40.

4. Алексеенок А.А., Ворбьева А.В., Алексеенок Е.А. Молодежь современной России как ключевой ресурс модернизации социума // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. №2. С. 79-89.

5. Ахременко А.С., Бродовская Е.В. Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №6(166). С. 4-27.

6. Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е., Никитина А.С. Протестная активность молодежи: опыт сравнительного анализа возрастных групп // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. №90. С. 172-182.

7. Вилков А.А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. №1. С. 101-107.

8. Гаекулов Э.Н. Политический протест в цифровую эпоху: основные способы самоорганизации граждан // Общество: политика, экономика, право. 2021. №7(96). С. 27-30.

9. Гатиева А.М. Специфика формирования социально-политических ориентаций российской молодежи в современных условиях // Перспективы науки. 2022. №2(149). С. 60-63.

10. Гончаров Д.В. Теория политического участия. Москва: Юрист, 1997. 205 с.

11. Григорьева М.В., Шаров А.А., Заграничный А.И. Структура и мотивация социальной активности и ее соотношение с гражданским самосознанием молодежи // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. №1. С. 142-158.

12. Гришаева С.А., Шамаев П.А. Политическое участие молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2022. Т. 5. №1. С. 25-35.

13. Гришин Н.В. «Теория подкрепления» и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. №1. С. 47-59.

14. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и

поведенческие аспекты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. №2. С. 63-71.

15. Ерохина О.В. Электронное голосование в России: технологический и политический аспекты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. №3. С. 55-61.

16. Захаров В.М., Комков К.А., Пастюк М.В., Сапрыка В.А. Отношение населения к цифровым технологиям общественно-политического участия и взаимодействия с властью // Власть. 2021. Т. 29. №2. С. 199-205.

17. Зинурова Р.И. Формы гражданской активности молодого поколения // Управление устойчивым развитием. 2021. №6(37). С. 45-49.

18. Зозуля Е.В. Участие молодежи в политическом процессе России: современная теория и практика // Социально-гуманитарные знания. 2011. №12. С. 275-280.

19. Иваненко Е.А. Change.org как форма «случайной политики»: анализ русскоязычных петиций // Полис. Политические исследования. 2022. №2. С. 52-67.

20. Ключев А.В. Политическое участие: состояние и тенденции развития в условиях современного российского общества // Управленческое консультирование. 2005. №5. С. 69-77.

21. Ключенко Э.А. Политическое участие, теории, методология и измерение с применением метода шкалограммирования по Гуттману // Социология: теории методы, маркетинг. 2005. №4. С. 46-72.

22. Коньков А.Е., Батоврина Е.В., Михайлова О.В. Государство и общество в поисках солидарности: вместе или рядом? // Общественные науки и современность. 2021. №1. С. 29-47.

23. Кочетков А.П., Василенко И.А., Коваленко В.И. Концепция цифрового правительства как политический проект для России: перспективы реализации в условиях вызовов и рисков цифровизации общества // Власть. 2021. Т. 29. №1. С. 317-331.

24. Кугай А.И. Русская православная церковь как институт гражданского общества (философско-методологический аспект) // Власть. 2021. Т. 29. №3. С. 217-225.

25. Кузнецова О.Ю., Шляпников В.В. Исследование политической активности студенческой молодежи // Гуманитарные исследования Центральной России. 2021. №3(20). С. 85-94.

26. Лаврикова А.А. Политическое участие молодежи в условиях неопределенности: тенденции и перспективы развития // Управление устойчивым развитием. 2021. №2(33). С. 63-68.

27. Матюхин А.В., Давыдова Ю.А. Политический абсентеизм как часть мировоззрения студенческой молодежи города Москвы // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. №3. С. 91-105.

28. Махмутова Е.В. Политическая самоидентификация молодежи: параметры формирования // Власть. 2022. Т. 30. №5. С. 124-128.

29. Молодежь и политика: точки соприкосновения // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-i-politika-tochki-soprikosnoveniya> (дата обращения 14.05.2023).

30. Молодежь ЛНР: 2022 год в цифрах // Лента новостей ЛНР. URL: <https://lnr-news.ru/society/2023/01/26/126834.html> (дата обращения 14.06.2023).

31. Общественная активность молодежи // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi> (дата обращения 14.06.2023).

32. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Москва: Академический проект, 2001. 481 с.

33. Основные сведения о республиках Донбасса, Запорожской и Херсонской областях // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/15842977> (дата обращения 14.06.2023).

34. Отроков О.Ю. Специфика деятельности некоммерческих организаций России в направлении политической социализации молодежи // Власть. 2021. Т. 29. №2. С. 212-217.

35. Парма Р.В. Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №6(166). С. 145-170.

36. Петухов В.В., Петухов Р.В. Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. №1. С. 16-38.

37. Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения 14.06.2023).

38. Попов П.В. Политическая активность молодежи в современной России // Проблемы национальной стратегии. 2022. №3(72). С. 28-46.
39. Пшеничная Н.Н., Коврижных Ю.В. Роль общественных объединений в формировании активной гражданской позиции молодёжи // Теория и практика общественного развития. 2022. №3(169). С. 33-39.
40. Сазонов И.С. Молодежный парламентаризм как форма политического участия молодежи (на примере молодежного парламента Новосибирской области) // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. №2(164). С. 52-58.
41. Самсонова Т.Н., Зиненко В.Е. Формирование политической субъектности молодежи в современной России: критерии, условия, проблемы // Общество: политика, экономика, право. 2021. №3(92). С. 17-24.
42. Семочкина Е.В., Сковиков А.К. Взаимодействие государства с молодежными структурами: Самарский кейс // PolitBook. 2022. №3. С. 34-48.
43. Соколов А.В., Барский Я.В. Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. №2. С. 68-74.
44. Социальная и политическая активность молодежи // ФОМ. URL: <https://fom.ru/TSennosti/13286> (дата обращения 14.06.2023).
45. Тимофеева Л.Н., Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии // Полис. Политические исследования. 2022. №2. С. 37-51.
46. Участие молодежи в политической жизни страны // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Politika/14842> (дата обращения 14.05.2023).
47. Федоров В.И., Ежов Д.А. Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. №1. С. 146-162.
48. Холмская М.Р. Политическое участие как объект исследования // Политические исследования. 1999. №5. С.170-175.
49. Шаповалова И.С. Политические стратегии молодежи: будет ли наша политика молодой? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. №1. С. 39-45.
50. Шентякова А.В., Гришин Н.В. Мобилизация политического протеста молодежи и российские видеоблогеры: результаты когнитивного картирования // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. №2. С. 88-109.

51. Шестов Н.И. Представления молодежи о будущем России: провинциальное измерение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. №1. С. 108-113.

52. Щеголев С.Д., Исаев А.В. Молодежный парламентаризм как форма политического участия молодежи: зарубежные практики // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. №6. С. 32-47.

References

1. Abramov G.A. Molodezhnye politicheskie organizatsii i dvizheniya kak aktory politicheskogo protsessa sovremennoi Rossii. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2022. №7(108). S. 13-16.

2. Alekseev D.V., Kopylova P.S., Pomiguyev I.A. Vospriyatie politiki soobshchestvom molodykh politologov: opyt empiricheskogo analiza. PolitBook. 2022. №1. S. 158-177.

3. Alekseenok A.A. Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya molodezhnoi politiki: sotsiologicheskii analiz rezul'tatov vserossiiskogo is-sledovaniya. Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk. 2021. Т. 16. №5. S. 30-40.

4. Alekseenok A.A., Vorb'eva A.V., Alekseenok E.A. Molodezh' sovremennoi Rossii kak klyuchevoi resurs modernizatsii sotsiuma. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2022. №2. S. 79-89.

5. Akhremenko A.S., Brodovskaya E.V. Vliyanie novykh informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii na grazhdanskii i politicheskii aktivizm: «linii napryazheniya» diskussionnogo polya. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2021. №6(166). S. 4-27.

6. Vasil'eva E.I., Zerchaninova T.E., Nikitina A.S. Protestnaya aktivnost' molodezhi: opyt sravnitel'nogo analiza vozzrastnykh grupp. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. 2022. №90. S. 172-182.

7. Vilkov A.A. Tsennostno-ideologicheskii faktor formirovaniya u sovremennoi molodezhi obraza budushchego Rossii (regional'nyi keis). Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya. 2022. Т. 22. №1. S. 101-107.

8. Gaetkulov E.N. Politicheskii protest v tsifrovuyu epokhu: osnovnye sposoby samoorganizatsii grazhdan. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2021. №7(96). S. 27-30.

9. Gatieva A.M. Spetsifika formirovaniya sotsial'no-politicheskikh orientatsii rossiiskoi molodezhi v sovremennykh usloviyakh. Perspektivy nauki. 2022. №2(149). S. 60-63.

10. Goncharov D.V. Teoriya politicheskogo uchastiya. Moskva: Yurist, 1997. 205 s.

11. Grigor'eva M.V., Sharov A.A., Zagranichnyi A.I. Struktura i motivatsiya sotsial'noi aktivnosti i ee sootnoshenie s grazhdanskim samosoznaniem

molodezhi. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2022. T. 13. №1. S. 142-158.

12. Grishaeva S.A., Shamaev P.A. Politicheskoe uchastie molodezhi v tsifrovoi srede. Tsifrovaya sotsiologiya. 2022. T. 5. №1. S. 25-35.

13. Grishin N.V. «Teoriya podkrepleniya» i izuchenie vliyaniya inter-net-tehnologii na politicheskoe uchastie sovremennoi molodezhi. Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya. 2021. T. 23. №1. S. 47-59.

14. Evgen'eva T.V., Selezneva A.V., Antonov D.E. Politicheskaya kul'tu-ra rossiiskoi studencheskoi molodezhi: tsennostnye, obrazno-simvolicheskie i povedencheskie aspekty. Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2021. T. 11. №2. S. 63-71.

15. Erokhina O.V. Elektronnoe golosovanie v Rossii: tekhnologicheskii i politicheskii aspekty. Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo uni-versiteta. 2021. T. 11. №3. S. 55-61.

16. Zakharov V.M., Komkov K.A., Pastyuk M.V., Sapryka V.A. Otnoshenie naseleniya k tsifrovym tekhnologiyam obshchestvenno-politicheskogo uchastiya i vzaimodeistviya s vlast'yu. Vlast'. 2021. T. 29. №2. S. 199-205.

17. Zinurova R.I. Formy grazhdanskoj aktivnosti molodogo pokoleniya. Upravlenie ustoichivym razvitiem. 2021. №6(37). S. 45-49.

18. Zozulya E.V. Uchastie molodezhi v politicheskom protsesse Rossii: so-vremennaya teoriya i praktika. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2011. №12. S. 275-280.

19. Ivanenko E.A. Change.org kak forma «sluchainoi politiki»: ana-liz russkoyazychnykh petsitii. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2022. №2. S. 52-67.

20. Klyuev A.V. Politicheskoe uchastie: sostoyanie i tendentsii razvitiya v usloviyakh sovremenno go rossiiskogo obshchestva. Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2005. №5. S. 69-77.

21. Klyuenko E.A. Politicheskoe uchastie, teorii, metodologiya i izme-renie s primeneniem metoda shkalogrammirovaniya po Guttmanu. Sotsiolo-giya: teorii metody, marketing. 2005. №4. S. 46-72.

22. Kon'kov A.E., Batovrina E.V., Mikhailova O.V. Gosudarstvo i obshche-stvo v poiskakh solidarnosti: vmeste ili ryadom? Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2021. №1. S. 29-47.

23. Kochetkov A.P., Vasilenko I.A., Kovalenko V.I. Kontseptsiya tsifrovo-go pravitel'stva kak politicheskii proekt dlya Rossii: perspektivy reali-zatsii v usloviyakh vyzovov i riskov tsifrovizatsii obshchestva. Vlast'. 2021. T. 29. №1. S. 317-331.

24. Kugai A.I. Russkaya pravoslavnaya tserkov' kak institut grazhdansko-go obshchestva (filosofsko-metodologicheskii aspekt). Vlast'. 2021. T. 29. №3. S. 217-225.

25. Kuznetsova O.Yu., Shlyapnikov V.V. Issledovanie politicheskoi aktivnosti studencheskoi molodezhi. Gumanitarnye issledovaniya Tsentral'-noi Rossii. 2021. №3(20). S. 85-94.
26. Lavrikova A.A. Politicheskoe uchastie molodezhi v usloviyakh neopredelennosti: tendentsii i perspektivy razvitiya. Upravlenie ustoychivym razvitiem. 2021. №2(33). S. 63-68.
27. Matyukhin A.V., Davydova Yu.A. Politicheskii absenteizm kak chast' mirovozzreniya studencheskoi molodezhi goroda Moskvy. Zhurnal politicheskih issledovaniy. 2022. T. 6. №3. S. 91-105.
28. Makhmutova E.V. Politicheskaya samoidentifikatsiya molodezhi: parametry formirovaniya. Vlast'. 2022. T. 30. №5. S. 124-128.
29. Molodezh' i politika: tochki soprikosnoveniya. VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-i-politika-tochki-soprikosnoveniya> (data obrashcheniya 14.05.2023).
30. Molodezh' LNR: 2022 god v tsifrakh. Lenta novosti LNR. URL: <https://lnr-news.ru/society/2023/01/26/126834.html> (data obrashcheniya 14.06.2023).
31. Obshchestvennaya aktivnost' molodezhi. VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaya-aktivnost-molodezhi> (data obrashcheniya 14.06.2023).
32. Ol'shanskii D.V. Osnovy politicheskoi psikhologii. Moskva: Akademicheskii proekt, 2001. 481 s.
33. Osnovnye svedeniya o respublikakh Donbassa, Zaporozhskoi i Khersonskoi oblasti. TASS. URL: <https://tass.ru/info/15842977> (data obrashcheniya 14.06.2023).
34. Otrokov O.Yu. Spetsifika deyatel'nosti nekommercheskikh organiza-tsii Rossii v napravlenii politicheskoi sotsializatsii molodezhi. Vlast'. 2021. T. 29. №2. S. 212-217.
35. Parma R.V. Obshchestvennyi aktivizm rossiiskikh grazhdan v oflain- i onlain-prostranstvakh. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2021. №6(166). S. 145-170.
36. Petukhov V.V., Petukhov R.V. Sotsial'no aktivnye gruppy rossiiskogo obshchestva: formirovanie zaprosa na demokraticeskoe uchastie. Vestnik Instituta sotsiologii. 2021. T. 12. №1. S. 16-38.
37. Podpisanie dogovorov o prinyatii DNR, LNR, Zaporozhskoi i Khersonskoi oblasti v sostav Rossii. Prezident Rossii. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465> (data obrashcheniya 14.06.2023).
38. Popov P.V. Politicheskaya aktivnost' molodezhi v sovremennoi Rossii. Problemy natsional'noi strategii. 2022. №3(72). S. 28-46.
39. Pshenichnaya N.N., Kovrizhnykh Yu.V. Rol' obshchestvennykh ob"edinenii v formirovanii aktivnoi grazhdanskoi pozitsii molodezhi. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2022. №3(169). S. 33-39.

40. Sazonov I.S. Molodezhnyi parlamentarizm kak forma politicheskogo uchastiya molodezhi (na primere molodezhnogo parlamenta Novosibirskoi oblasti). *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*. 2022. №2(164). S. 52-58.
41. Samsonova T.N., Zinenko V.E. Formirovanie politicheskoi sub"ektnosti molodezhi v sovremennoi Rossii: kriterii, usloviya, problemy. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2021. №3(92). S. 17-24.
42. Semochkina E.V., Skovikov A.K. Vzaimodeistvie gosudarstva s molodezhnymi strukturami: Samarskii keis. *PolitBook*. 2022. №3. S. 34-48.
43. Sokolov A.V., Barskii Ya.V. Razvitie grazhdanskoi aktivnosti v Ros-sii v usloviyakh tsifrovoi transformatsii. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 2021. №2. S. 68-74.
44. Sotsial'naya i politicheskaya aktivnost' molodezhi. *FOM*. URL: <https://fom.ru/TSennosti/13286> (data obrashcheniya 14.06.2023).
45. Timofeeva L.N., Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., Gnedash A.A. Tsifrovaya sotsial'no-politicheskaya povestka dnya i ee osmyslenie v usloviyakh novoi mediaekologii. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2022. №2. S. 37-51.
46. Uchastie molodezhi v politicheskoi zhizni strany. *FOM*. URL: <https://fom.ru/Politika/14842> (data obrashcheniya 14.05.2023).
47. Fedorov V.I., Ezhov D.A. Evolyutsiya elektronnoho golosovaniya v Ros-sii: problemy klassifikatsii i periodizatsii. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 2021. №1. S. 146-162.
48. Kholmanskaya M.R. Politicheskoe uchastie kak ob"ekt issledovaniya. *Politicheskie issledovaniya*. 1999. №5. S.170-175.
49. Shapovalova I.S. Politicheskie strategii molodezhi: budet li nasha politika molodoi?. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2022. T. 22. №1. S. 39-45.
50. Shentyakova A.V., Grishin N.V. Mobilizatsiya politicheskogo protesta molodezhi i rossiiskie videoblogery: rezul'taty kognitivnogo kartirovaniya. *Galectica Media: Journal of Media Studies*. 2021. T. 3. №2. S. 88-109.
51. Shestov N.I. Predstavleniya molodezhi o budushchem Rossii: provincial'noe izmerenie. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2022. T. 22. №1. S. 108-113.
52. Shchegolev S.D., Isaev A.V. Molodezhnyi parlamentarizm kak forma politicheskogo uchastiya molodezhi: zarubezhnye praktiki. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. 2021. T. 16. №6. S. 32-47.

Г.А. Аббасов

**ФОРМИРОВАНИЕ И
РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖНОЙ
ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССОВ:
ВОЗМОЖНОСТИ
И ВЫЗОВЫ**

Аннотация

В статье рассматривается институциональное измерение транснациональных молодежных движений в контексте развития молодежной политики на примере России и трех постсоветских стран - Беларуси, Казахстана и Азербайджана, которые имеют различный уровень институциональных отношений с Россией. Интенсивность этих отношений проявляется в членстве этих стран в различных гуманитарных, политических и экономических организациях. Изучение данных примеров способствует пониманию взаимосвязи между молодежной политикой, транснациональными процессами, интеграцией и уровнем институционального сотрудничества на постсоветском пространстве.

Показана роль государственных институтов в регулировании молодежной политики, которая оказывает прямое влияние на интенсивность транснациональных процессов в национальном контексте. Анализируется функционирование государственных и международных организаций в формировании и развитии политических и социальных структур, способствующих молодежному участию и активизации.

Институциональное измерение транснациональных молодежных движений представлено как сложный и многогранный процесс, который требует взаимодействия и сотрудничества между различными акторами на международном уровне. Показаны возможности и вызовы, с которыми сталкиваются государства в контексте формирования и развития молодежной политики в условиях транснациональных процессов.

Делается вывод о том, что государства и

H. Abbasov

**FORMATION AND
DEVELOPMENT OF YOUTH
POLICY IN THE CONTEXT
OF TRANSNATIONAL
PROCESSES:
OPPORTUNITIES AND
CHALLENGES**

Abstract

The article explores the institutional dimensions of transnational youth movements within the context of youth policy development, focusing on Russia and three post-Soviet countries: Belarus, Kazakhstan, and Azerbaijan. These countries maintain varying levels of institutional relations with Russia, which are reflected in their memberships within diverse humanitarian, political, and economic organizations. Through an exploration of these instances, the article aims to enhance comprehension of the interconnectedness among youth policy, transnational processes, integration, and the extent of institutional cooperation within the post-Soviet sphere. The article demonstrates how state institutions play a pivotal role in shaping and directing youth policy, thereby exerting a direct influence on the vigor of transnational processes within a national framework. Additionally, it delves into the functioning of both domestic and international organizations in the establishment and advancement of political and social structures that facilitate youth engagement and mobilization. The institutional dimensions of transnational youth movements are depicted as intricate and multifaceted processes that necessitate collaboration and cooperation among diverse stakeholders at the global level. The article explores the opportunities and challenges faced by states in the realm of forming and developing youth policies within the context of transnational processes. As transnational dynamics call for a more flexible and coordinated approach to youth policy, it is under-

международные организации вынуждены адаптироваться к новым вызовам, поскольку транснациональные процессы требуют более гибкого и координированного подхода к молодежной политике. Рассмотрены роли различных институций, международных договоров и программ, а также проанализирована эффективность применяемых стратегий и их влияние на молодежное участие и развитие молодежных движений.

scored that both states and international organizations are compelled to recalibrate their strategies to address emerging challenges effectively. The article thoroughly examines the roles of various institutions, international agreements, and programs. It evaluates the efficacy of the implemented strategies and their impact on youth participation and the evolution of youth movements.

Ключевые слова:

транснационализация, молодежная политика, институциональные акторы, межгосударственное сотрудничество, интеграционные процессы, политическая социализация, Россия, Беларусь, Казахстан, Азербайджан.

Key words:

transnationalization, youth policy, institutional actors, interstate cooperation, integration processes, political socialization, Russia, Belarus, Kazakhstan, Azerbaijan.

Результаты исследований в сфере политического участия подтверждают [1, с. 250; 29, с. 148], что молодежь все меньше ориентируется на традиционные политические формы выражения своей воли, включая вступление в политические партии. Одновременно, наблюдается растущий интерес к альтернативным способам выражения своей общественной и политической позиции, проявляющийся в активном присоединении к молодежным, студенческим и неправительственным организациям, участию в онлайн-сообществах и принятии активной роли в активистских группах.

Увеличение доли молодежных движений и организаций на постсоветском пространстве отражает стремление молодежи влиять на политические процессы. Молодежные движения играют важную роль в мобилизации и организации активной молодежи, предоставляя площадку для обмена идеями, развития лидерских навыков и создания сетей молодых граждан. Конфигурация молодежного поля на постсоветском пространстве отличается разнообразием и динамикой [39, с. 58].

В поле транснациональных молодежных движений на постсоветском пространстве действуют различные акторы. Государственные институты играют важную роль в формировании молодежной политики и регулировании молодежной активности. Политические партии и активистские группы мобилизуют молодежь и выражают ее интересы. Неправительственные организации и общественные движения способствуют развитию инициатив и содействуют участию молодежи [2, с. 156–157]. Международные молодеж-

ные организации и наднациональные организации обеспечивают глобальное взаимодействие и партнерство. Виртуальные сообщества молодежи становятся площадкой для общения, обмена идеями и организации активностей. Все эти акторы взаимодействуют в поле транснациональных молодежных движений, внося свой вклад в развитие молодежной сферы на постсоветском пространстве.

В большинстве государств постсоветского пространства, таких как Россия, Беларусь, Казахстан и Азербайджан, национальные особенности которых будут подробно проанализированы в данной статье, партисипативная культура находится на стадии развития [10, с. 119]. Следовательно, общественно-политическая деятельность молодежи имеет ограниченный характер и координируется органами государственной власти. Инициативы по развитию потенциала молодежи и ее поддержке (такие как образовательные программы, социальные программы и т.д.) также осуществляются преимущественно на уровне государственных инициатив [21, с. 21].

Законодательное регулирование молодежной активности также осуществляется властями. Однако в некоторых случаях стратегии работы с молодежью и нормативные акты могут разрабатываться с участием самой молодежи. Например, в Российской Федерации Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [18] был разработан с участием молодежи через проведение различных мероприятий, таких как форсайт-сессии [14, с. 183], круглые столы и конференции, чтобы определить потребности и запросы целевой группы в отношении данного нормативного акта [10, с. 124].

Процесс развития партисипативной культуры в обществе приводит к увеличению роли неправительственных организаций (НПО) в работе с молодежью в контексте транснациональных процессов. НПО становятся платформой для осуществления молодежных инициатив, однако при этом взаимодействие с государством остается неотъемлемой частью этого процесса [10, с. 94]. Вопросы привлечения финансирования для реализации молодежных инициатив и создания инфраструктуры развития молодежи, таких как образовательные площадки, коворкинги, технопарки и образовательные центры, решаются главным образом через государственные программы. Грантовые конкурсы и программы премирования являются инструментами государственной поддержки. Кроме того, корпорации, транснациональные компании, лоббистские группы и другие негосударственные ор-

ганизации также могут инвестировать в молодежный человеческий капитал с целью подготовки потенциальных специалистов, соответствующих их бизнес-потребностям [26, с. 11].

Роль государственных институтов в регулировании молодежной политики оказывает прямое влияние на интенсивность транснациональных процессов в национальном контексте [39]. Смягчение регулирования молодежной политики имеет двойственное воздействие: с одной стороны, оно может укрепить транснациональные связи, но с другой стороны, может привести к нежелательному вмешательству внешних акторов в вопросы, связанные с национальными особенностями молодежных движений [40, с. 62]. Однако следует отметить, что смягчение регулирования молодежной политики также может способствовать укреплению интеграционных связей на постсоветском пространстве и способствовать «формированию и развитию общего культурного пространства» [6].

В статье рассмотрены примеры России и трех постсоветских стран - Беларуси, Казахстана и Азербайджана, которые имеют различный уровень институциональных отношений с Россией. Интенсивность этих отношений проявляется в членстве этих стран в различных гуманитарных, политических и экономических организациях. Изучение данных примеров способствует пониманию взаимосвязи между молодежной политикой, транснациональными процессами, интеграцией и уровнем институционального сотрудничества на постсоветском пространстве. Следовательно, для выявления тенденций и закономерностей участия государственных органов в регулировании молодежной политики необходимо изучить особенности национальной конфигурации транснациональных движений. Это требует проведения структурного и функционального анализа как уполномоченных органов молодежной политики, так и неправительственных организаций.

Анализ структуры и функционирования молодежного поля в Российской Федерации

После распада СССР стало очевидным, что российскому обществу необходимо формировать новые идеологические ориентиры для молодежи на федеральном уровне [21, с. 19]. Возникший идеологический вакуум требовал не только разработки руководящих принципов, но и создания инструментов для их ретрансляции и интеграции в массовую молодежную культуру. Следовательно, правительством были предприняты меры для

стимулирования общественно-политических процессов, создавших условия для возникновения молодежных организаций и движений.

Развитие государственной молодежной политики в России в постсоветский период включает ее развитие по трем основным направлениям:

1. Формирование нормативно-правовой базы государственной молодежной политики и программ.

2. Институциональная эволюция государственных органов, ответственных за реализацию молодежных программ.

3. Внедрение содержательных инструментов, направленных на привлечение и активное участие молодежи в развитии современного российского общества.

Впоследствии эти указания были реализованы на законодательном и административном уровнях путем:

Принятия нормативной базы, включающей распоряжение Правительства «Об утверждении основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [13], которое определяет стратегию внедрения ГМП в России до указанного года;

Формирования Федерального агентства по делам молодежи, которое является ключевым учреждением в Российской Федерации, ответственным за реализацию молодежной политики.

В Российской Федерации неправительственные организации (НПО) играют важную роль в качестве посредников для реализации социальных и политических программ государства [17]. Российские НПО поддерживают постоянный диалог не только с национальными акторами молодежного поля, но и с международными организациями (рис. 1).

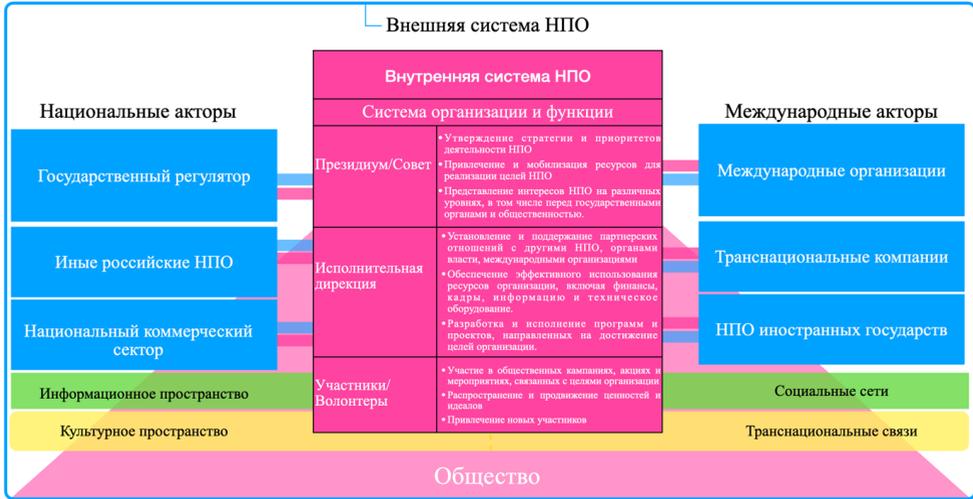

Рисунок 1 – Системный анализ функционирования НПО в Российской Федерации [12]

На национальном уровне российские НПО тесно сотрудничают с государственными регулирующими органами, другими российскими НПО и представителями местного бизнеса. Они представляют отчеты, доклады, статистику и другую информацию, которая используется государственными органами при разработке программ и политик, направленных на молодежь. НПО активно участвуют в партнерстве с государственными органами, обмениваясь опытом и экспертизой. Кроме того, НПО устанавливают партнерские отношения с бизнесом, особенно в области корпоративной социальной ответственности, для совместной реализации проектов и программ.

Также НПО могут сотрудничать с транснациональными компаниями в рамках проектов или программ, связанных с социальной ответственностью и устойчивым развитием. Все эти взаимодействия НПО с различными акторами способствуют социальным изменениям и развитию общества в целом. На Рисунке 1 иллюстрируется, как социальные сети и транснациональные связи молодежи способствуют трансграничному взаимодействию и формируют единое культурное и информационное пространство. Они обеспечивают непрерывную коммуникацию и обмен идеями, опытом и культурными ценностями между молодыми людьми из разных стран и регионов [30, с. 595]. Это создает возможность для формирования глобальных сообществ

и сетей, где молодежь может обсуждать важные темы, сотрудничать в проектах и инициативах, а также развивать свои навыки и способности.

Федеральное агентство по делам молодежи играет ключевую роль в регулировании молодежной политики в Российской Федерации. Оно осуществляет контроль над деятельностью профильных государственных институтов, национальных неправительственных организаций (НПО) и влиянием международных организаций на поле национальной молодежной политики. В контексте обеспечения национальной безопасности Россия принимает меры для ограничения влияния иностранных организаций, особенно тех, которые занимаются работой с молодежью [27, с. 449]. Росмолодежь контролирует финансирование национальных НПО, молодежных организаций и общественных движений, осуществляемое иностранными НПО, международными организациями, фандрайзингом [3, с. 25] и транснациональными корпорациями (рис. 2).

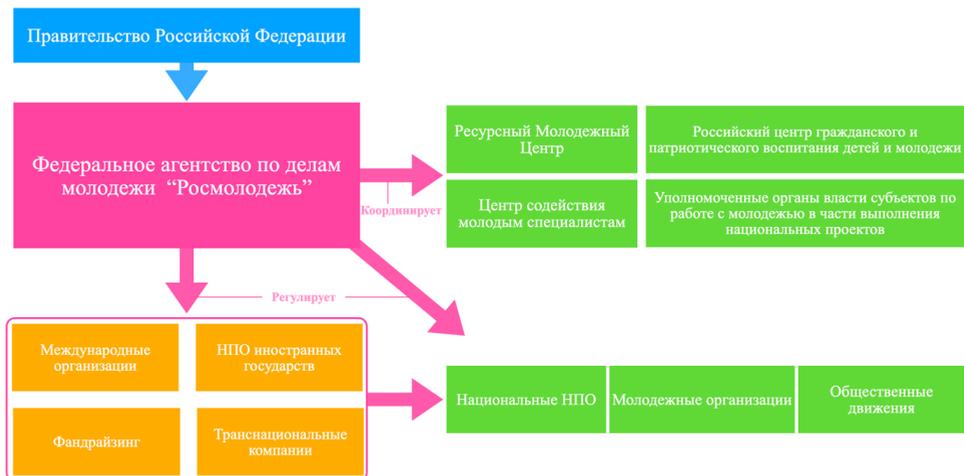

Рисунок 2 – Функциональная схема государственного регулирования сферы молодежных движений [12]

Правительство Российской Федерации подчеркивает важность активного участия молодежи в политической жизни страны. Оно признает, что молодежь должна быть не только членом молодежных организаций и неправительственных организаций, но также иметь возможность проявить себя в органах государственной власти и местном самоуправлении.

Внедрение молодежи в государственные структуры позволяет учесть и отразить интересы и потребности молодого поколения при формировании и принятии решений, способствуя развитию молодежной политики и обеспечению ее эффективности. В этом контексте, Росмолодежь инициировала ряд мер, в том числе исполнение Поручения Президента РФ Пр-173 п.3 [11], чтобы обеспечить активное участие молодежи в политической жизни. Программы, осуществляемые для активного участия молодежи в политической жизни, включают:

Программа «ГосСтарт» - центральная платформа для молодых людей, желающих работать в государственной и муниципальной службе. Цель программы - привлечение и профессиональное развитие молодежи в органах власти и местном самоуправлении.

«ГосСтарт. Стажировки» предлагает студентам возможность пройти стажировку в органах местного самоуправления, региональных и федеральных органах исполнительной власти.

«ГосСтарт. Диалог» является инструментом профориентации для молодежи и предлагает знакомство с государственной и муниципальной службой через взаимодействие с руководителями органов исполнительной власти.

«Мастерская государственной службы» - образовательная программа с онлайн-курсами, выездными проектными сессиями и модулями для молодежных лидеров.

Молодежная политика на пространстве СНГ: межгосударственное взаимодействие и транснациональные вызовы

Еще одним важным стратегическим направлением российского правительства в постсоветский период было поддержание влияния в регионе постсоветского пространства, которое часто называется «традиционной зоной сферы интересов» [23]. Одной из основных платформ для поддержания этого влияния стало Содружество Независимых Государств (СНГ), созданное в 1991 году после распада Советского Союза. СНГ считается одной из крупнейших межправительственных организаций в Европе и играет значительную роль в укреплении связей и сотрудничестве между постсоветскими государствами. Несмотря на критику, адресуемую организации из-за недостаточной эффективности ее механизмов, Содружество Независимых Государств (СНГ) остается основной платформой в регионе, которая

объединяет большинство бывших членов Советского Союза. СНГ также служит базой для трех других организаций, сформировавшихся на ее основе, включая Организацию договора о коллективной безопасности, Евразийский экономический союз (с его подразделениями, Евразийским таможенным союзом и Евразийским экономическим пространством), а также Союзное государство [21, с. 22; 20, с. 8]. В то время как эти организации имеют более специфическую направленность в своем сотрудничестве, СНГ остается платформой для культурного и гуманитарного диалога.

СНГ стало основным направлением деятельности российских ведомств по молодежным программам. 25 ноября 2005 года правительства семи стран подписали Соглашение о сотрудничестве в области работы с молодежью. В 2009 году Республика Молдова присоединилась к Соглашению.

Аналогично процессу развития молодежной политики и программ в России, были предприняты следующие шаги на законодательном и административном уровнях для реализации соглашений в рамках СНГ:

Принятие ключевого документа – «Стратегия международного молодежного сотрудничества государств-участников СНГ» [15];

Создание Совета по делам молодежи государств-участников СНГ для координации взаимодействия и реализации молодежной политики.

Стратегия развития молодежных отношений на пространстве СНГ представляет собой согласованный набор целей, задач, принципов, направлений, форм и механизмов, которые определяют развитие молодежной сферы в странах-участниках. Стратегия регулярно обновляется и способствует укреплению взаимодействия между молодежными общественными объединениями и представителями молодежных групп стран СНГ.

В развитии институтов советов СНГ по работе с молодежью важную роль сыграло создание базовых организаций. Цель базовых организаций СНГ заключается в усовершенствовании поддержки специалистов для эффективной молодежной политики. Московскому технологическому университету (ныне РТУ МИРЭА) присвоен статус базовой организации по работе с молодежью в СНГ. Федеральный центр содействия молодежному предпринимательству стал базовой организацией по развитию молодежного предпринимательства в рамках СНГ.

С закреплением основных принципов защиты прав молодежи в нормативно-правовых документах стран-участниц СНГ создавалась среда возможностей для дальнейшего расширения сотрудничества между государ-

ствами в культурной, гуманитарной и экономической сферах, стимулируя транснациональные потоки в регионе [21, с. 28].

В контексте транснациональных процессов молодежная политика на пространстве СНГ получает новые возможности для взаимодействия и сотрудничества между молодежными организациями и инициативами из разных стран. Это открывает перспективы для обмена опытом, реализации совместных проектов и укрепления взаимопонимания между молодыми людьми из различных культур и национальностей. Транснациональные потоки в молодежной сфере способствуют формированию позитивного образа СНГ, расширению горизонтов и развитию молодежного потенциала в регионе [35, с. 488]. Одновременно с этим, такие процессы также представляют вызовы, требующие разработки совместных стратегий и механизмов для преодоления преград и решения общих проблем.

Анализ структуры и функционирования молодежного поля в Республики Беларусь

Беларусь, как член Союзного государства России и Беларуси, является моделью страны с самыми тесными и всесторонними отношениями с Россией. Союзное государство играет важную роль в тестировании различных вариантов региональной экономической интеграции через политический диалог и гармонизацию норм и стандартов в соответствии с международными стандартами. Однако, сложность международных отношений требует комплексного процесса политической интеграции, который включает несколько этапов. Эти этапы региональной интеграции, предложенные Белой Балашем [22, с. 182] в 1962 году, включают:

1. Зона свободной торговли - отмена таможенных пошлин и квот внутри государств-членов.
2. Таможенный союз - установление единого таможенного тарифа и единой торговой политики для третьих стран.
3. Общий внутренний рынок - свободное перемещение товаров, услуг, капитала и людей.
4. Экономический и валютный союз - общая экономическая политика и введение единой валюты.
5. Политический союз - объединение внешней и внутренней политики, приближение к конфедерации или федерации.

В этой связи стоит отметить, что примером единственной организации в современных международных отношениях, достигшей четвертой степени региональной интеграции, является Европейский союз. Однако, несмотря на существующие связи и сходство политических культур, страны Европейского союза не согласованы в отношении общего политического пространства и внешнеполитической ориентации. Это подчеркивает сложность достижения политического согласия, несмотря на их сотрудничество в других областях. Следовательно, хотя российско-белорусское Союзное государство имеет высокий уровень сотрудничества по многим глобальным вопросам, оно не регулирует политические связи между этими странами и не может быть классифицировано как организация, осуществляющая политическую интеграцию.

В Республике Беларусь молодежная политика представляет собой систему мер, включающих социально-экономические, политические, организационные и правовые меры, направленные на поддержку молодых граждан в возрасте до 31 года [7]. Она осуществляется государством с целью обеспечения социального становления, развития молодежи и полной реализации ее потенциала в интересах всего общества.

Специфика государственной молодежной политики Беларуси выражена в ключевой роли Министерства образования, как центрального государственного органа по работе с молодежью. Этот подход отражает особенности стратегии белорусского правительства, которое принимает патерналистский подход в отношении своей молодежи. В Республике Беларусь, в результате событий 2020 года, внешняя система неправительственных организаций ограничена в отношении иностранного влияния и финансирования (рис. 3).

Рисунок 3 – Функциональная схема государственного регулирования сферы молодежных движений в Республике Беларусь [37]

Транснациональные процессы представляют вызов [38, с. 96] для государственной молодежной политики. Мобильность и доступ к информации открывают новые возможности для молодежи взаимодействовать и обмениваться опытом за пределами национальных границ. Эти процессы могут привести к изменениям в представлениях и ожиданиях молодежи, требуя гибкости и адаптации государственной политики в ответ на новые вызовы.

Наличие у молодежи консолидированного культурного и информационного пространства [29, с. 146] обеспечивает свободное передвижение информации, знаний и культурных явлений через социальные сети и транснациональные связи. Даже при ограничениях, существующих на институциональном уровне [38, с. 109], молодежь активно взаимодействует и обменивается важной информацией и идеями.

Молодежные НПО в Беларуси также активно используют информационные и коммуникационные технологии для установления связей с молодежными организациями за пределами страны. Они проводят онлайн-мероприятия, вебинары, форумы и обмены молодежными делегациями, что способствует обмену идеями и созданию межкультурного диалога. Однако, в контексте транснациональных процессов, молодежные НПО в Беларуси сталкиваются с определенными вызовами. Ограничения внешнего влияния

и финансирования, а также политические и правовые ограничения могут затруднять их деятельность. Несмотря на это, они продолжают активно работать, стремясь к укреплению молодежных связей и сотрудничеству на международном уровне.

Анализ структуры и функционирования молодежного поля в Республики Казахстан

Казахстан, как член двух значимых платформ сотрудничества, представляет интересную модель сотрудничества для России в постсоветском и евразийском регионах. Географическое положение и устойчивые позиции Казахстана в Центральной Азии, как наиболее экономически развитого и стабильного государства в регионе, подтверждают его роль в качестве политического и экономического центра.

Казахстан, как один из основателей Евразийского экономического союза (ЕАЭС), играет важную роль в содействии экономической интеграции и развития региона. Его членство в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) способствует представлению стратегических интересов России в регионе. Таким образом, Казахстан подчеркивает свою значимость и вклад в устойчивое политическое и экономическое развитие региона. Поэтому Россия придает большое значение сотрудничеству с Казахстаном, рассматривая его как важное направление не только для развития двустороннего сотрудничества, но и для определения политических, экономических и социальных тенденций в регионе [31, с. 33].

Правительство Казахстана акцентирует внимание на молодежи, определяя казахстанцев как динамичную и молодую нацию, где каждый второй житель моложе 30 лет [34, с. 1424]. Это подтверждает связь между будущим Казахстана, его развитием и интеграцией молодежи в общество. В Республике Казахстан молодежная политика признается государственной деятельностью, направленной на создание правовых, социально-экономических условий и гарантий для воспитания, социального становления, развития и самореализации молодежи и подростков в общественной жизни, а также защиты их прав и законных интересов [5].

Казахстанская модель молодежной политики представляет уникальное сочетание социал-демократического и либерального подходов. В её основе лежат несколько концепций [34, с. 1432], которые влияют на подходы к разработке молодежной политики в Казахстане:

1. Первая концепция заключается в предположении о том, что молодежь имеет потенциал изменить мир. Казахстан признает значимость молодежи и её способность вносить положительные изменения в общество и экономику.

2. Вторая концепция подчеркивает уязвимость и незащищенность молодежи. Казахстан придает особое внимание социальной защите и поддержке молодых людей, признавая их особые потребности и вызовы, с которыми они сталкиваются.

3. Третья концепция рассматривает молодежь в качестве активного партнера государства в реализации стратегических планов страны. Казахстан ставит перед собой задачу вовлечения молодежи в принятие решений, формирование политики и влияние на общественные процессы.

Этот симбиоз социал-демократического и либерального подходов отражает фундаментальные принципы, которыми руководствуется Казахстан в разработке и реализации молодежной политики. Он стремится создать благоприятную среду для развития и самореализации молодежи, а также обеспечить её активное участие в формировании будущего страны [9].

Молодежные неправительственные организации (НПО) в Казахстане активно развивают свою деятельность в контексте транснациональных процессов, что способствует созданию сильной и активной молодежной сети. Они налаживают партнерские связи с молодежными организациями из разных стран, что способствует обмену знаниями, опытом и передаче передовых практик. Кроме того, молодежные НПО Казахстана устанавливают партнерские отношения с бизнесом с целью совместной реализации проектов и программ, особенно в области корпоративной социальной ответственности. Бизнес может предоставлять финансовую или материальную поддержку НПО, что способствует эффективному осуществлению их деятельности (рис. 4).

Также в Казахстане значительная часть финансирования молодежных неправительственных организаций поступает из-за рубежа. Например, в феврале 2022 года американским фондом NED была опубликована финансовая отчетность [8] за 2021 год, в которой указывается, что около 1,3 млн долларов США было выделено на поддержку работы молодежных правозащитных организаций.

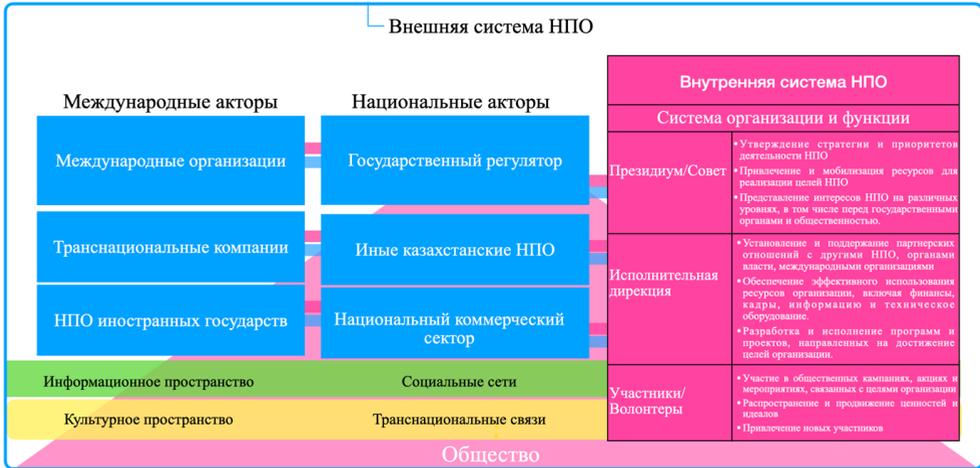

Рисунок 4 – Системный анализ функционирования НПО в Республике Казахстан [16]

Деятельность молодежных НПО Казахстана непосредственно координируется Министерством информационного и общественного развития Республики Казахстан. Эти организации имеют возможность претендовать на грантовую поддержку для реализации проектов и социально значимых молодежных инициатив. Комитет по делам молодежи и семьи в Казахстане реализует государственную молодежную политику на основе соответствующего закона. В стратегии Казахстана в отношении молодежи признается, что инвестиции и вовлечение молодежи, особенно в период кризиса, являются ключевыми для обеспечения стабильности. Недостаток защиты и поддержки молодежи приводит к потере человеческого капитала, а слабая и непатриотичная молодежь ослабляет государство и общество. Комитет осуществляет программы и инициативы, направленные на развитие молодежной сферы и успешную интеграцию молодежи в общество. Его деятельность основывается на законодательной базе и способствует созданию благоприятных условий для молодежи, обеспечивая будущее развитие страны.

Анализ структуры и функционирования молодежного поля в Азербайджанской Республике

Азербайджан, как страна с уникальным географическим положением и стабильным экономическим развитием, представляет интересную модель сотрудничества в регионе. Страна играет важную роль в политической и экономической сферах, а ее географическое положение на перекрестке Европы и Азии является стратегическим преимуществом. Азербайджан активно участвует в региональных и международных инициативах, а также председательствует в Движении неприсоединения. Это движение объединяет 120 стран-членов, не связанных формально ни с одним крупным блоком сил, и является второй по величине организацией в мире после Организации Объединенных Наций. Устойчивые позиции Азербайджана на международной арене и развитая экономика определяют его значимость и роль в международных отношениях и глобальной экономике [25, с. 24].

Важно отметить, что за последние два года Азербайджан подписал два важных документа, закрепляющих его союзнические отношения:

1. Шушинская декларация о союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой (2021) [20];
2. Декларация о союзническом взаимодействии между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией (2022) [4].

Азербайджан, как сильный актор на международной арене, демонстрирует свою способность вести диалог и строить взаимовыгодные отношения с различными государствами и региональными блоками, подтверждая свою важность и влияние в глобальной политике. Балансирование между двумя центрами силы позволяет Азербайджану создавать условия для стимулирования культурных, экономических и социальных потоков, а также для процесса интеграции в регионе.

Азербайджан предлагает свое видение, основанное на значимости экономических связей и интеграции в создании мирных и процветающих условий в регионе [33, с. 418]. Это видение стимулирует государства региона к поиску политических компромиссов, улучшению международного сотрудничества и созданию благоприятной среды для развития стран [32, с. 125]. Таким образом, Азербайджан играет важную роль в формировании политической стабильности и сотрудничества в регионе, демонстрируя готовность быть активным участником международного сообщества и способствуя укреплению мира и сотрудничества в глобальном масштабе.

Подписание декларации подчеркивает особые отношения между Баку и Москвой. Азербайджан, не являясь членом других стратегических институтов, таких как ЕАЭС и ОДКБ, поддерживает прочные отношения со странами ЕврАзЭС как на двусторонней, так и на многосторонней основе [6]. Декларация о союзническом взаимодействии демонстрирует системный подход к формированию стратегического видения развития отношений между двумя странами [41, с. 154]. Наличие этого фундаментального документа стимулирует и укрепляет коммуникацию и реализацию совместных межгосударственных проектов в области гуманитарных и молодежных вопросов.

Азербайджанская Республика определяет молодежную политику как систему мер, направленных на создание условий и гарантий со стороны государства для всестороннего развития молодежи и их активного участия в общественной жизни. Она придает особое значение развитию молодежных инициатив, поскольку эти усилия воспитания высокоинтеллектуальной и талантливой молодежи предоставляют выдающиеся перспективы для развития всего общества [36, с. 292].

Развитие институтов гражданского общества является приоритетным направлением социальной политики Азербайджана. Государство активно использует механизмы нормативного регулирования для усиления экосистемы неправительственных организаций (НПО). Согласно исследованию И.А. Зейналовой, проведенному в 2021 году, примерно 22% зарегистрированных НПО в Азербайджане занимаются работой с молодежью [19, с. 28]. НПО в Азербайджане активно используют информационные технологии и социальные медиа для своей работы и коммуникации с международным сообществом. Они осуществляют информационное взаимодействие, привлекают внимание к важным социальным проблемам и продвигают свои инициативы на глобальном уровне. Кроме того, НПО организуют совместные проекты и программы, направленные на развитие молодежи, защиту прав женщин, устойчивое развитие и другие социально значимые инициативы.

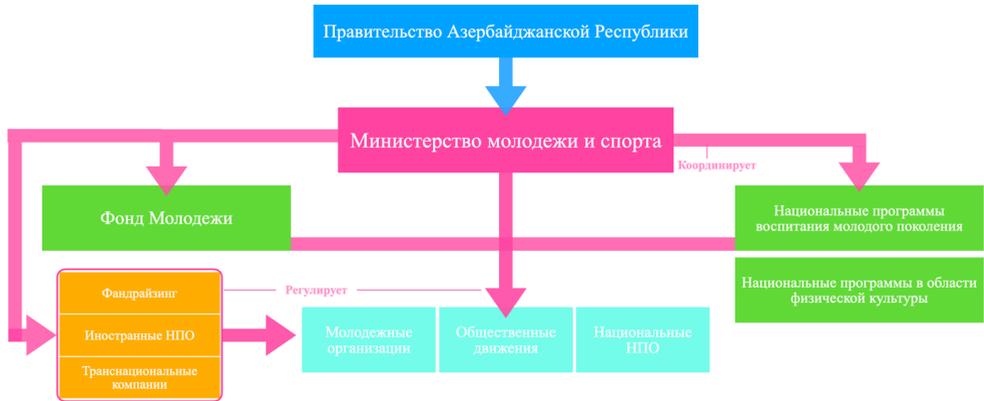

Рисунок 5 – Функциональная схема государственного регулирования сферы молодежных движений в Азербайджанской Республике [19]

Уполномоченные органы по работе с молодежью в Азербайджане имеют важное значение в контексте транснациональных процессов. Они представляют государственный сектор и занимаются разработкой и реализацией политик и программ, направленных на поддержку и развитие молодежи (рис. 5). Особенностью их работы является активное участие в международных форумах и инициативах. Они сотрудничают с международными организациями, такими как ООН и Совет Европы, для обмена опытом, передачи передовых практик и участия в разработке международных стандартов и политик в области молодежи. Один из ключевых участников работы с молодежью в Азербайджане - Фонд Молодежи Азербайджана, который играет важную роль в финансовой поддержке и консультировании молодых людей [28, с. 19]. Фонд предоставляет конкурсные программы, гранты и стипендии для реализации их идей и проектов. Он активно содействует развитию талантливой молодежи и их участию в социально значимых инициативах.

Таким образом, анализ национальных особенностей молодежной политики России, Беларуси, Казахстана и Азербайджана в контексте транснациональных процессов выявляет различия в нескольких аспектах. В национальном поле молодежных движений можно наблюдать различия в структуре и активности. В России и Азербайджане существует развитая система молодежных политических организаций, которые активно участвуют в политической жизни и оказывают влияние на транснациональные процессы. В Казах-

стане и Беларуси в основном действуют молодежные движения, ориентированные на социально-экономическое развитие и культурную сферу.

В деятельности национальных неправительственных организаций (НПО) также присутствуют различия. В России и Азербайджане НПО активно занимаются защитой прав молодежи, социальными и экологическими инициативами, а также участвуют в международных проектах и программах. В Казахстане и Беларуси НПО активно развивают молодежное предпринимательство, образовательные программы и содействуют социальной адаптации молодежи.

Уполномоченные органы по вопросам молодежи также имеют свои национальные особенности. В России и Беларуси они играют важную роль в разработке и реализации государственной молодежной политики, организации образовательных программ и поддержке молодежных инициатив. В Казахстане и Азербайджане уполномоченные органы активно сотрудничают с международными организациями и участвуют в разработке международных стандартов и политик в области молодежи.

В данном исследовании были исследованы модели деятельности уполномоченных органов по работе с молодежью и НПО в России, Беларуси, Казахстане и Азербайджане, что позволило выявить особенности молодежных движений в контексте транснационализации. Анализ основан на институциональном подходе, который раскрывает возможности и вызовы перед институциональными акторами в разработке и реализации молодежной политики.

Исследование также использовало нормативно-правовой метод, чтобы оценить уровень защиты прав молодежи, гарантированный нормативными документами СНГ. Была оценена роль нормативной базы в расширении сотрудничества между государствами в культурной, гуманитарной и экономической сферах. Такое сотрудничество стимулирует транснациональные потоки в регионе и способствует развитию молодежных инициатив. Таким образом, исследование предоставляет более глубокое понимание особенностей формирования и развития молодежных движений в контексте транснационализации, а также подчеркивает важность институционального подхода и нормативно-правового регулирования в обеспечении защиты прав молодежи и стимулировании сотрудничества между государствами. Эти выводы являются значимыми для дальнейшего совершенствования молодежной политики в рассматриваемых странах и в рамках транснациональных процессов.

Литература

1. Аббасов Г.А. Интеграция транснациональной молодежи в социальное поле принимающей страны: пример студенческой молодежи из Центральной Азии, обучающейся в Российской Федерации // Евразийский союз. Вопросы международных отношений. 2023. №3(49)(12). С. 248–257.
2. Аббасов Г.А. Цифровая диаспора как одна из коллективных идентичностей транснациональной молодежи // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. №4(97) С. 156–157.
3. Девятов А.Н., Третьяков А.С. Фандрайзинг. Как Способ Привлечения Инвестиций в НКО // Менеджмент: теория и практика. 2019. №1–3. С. 23–28.
4. Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5777> (дата обращения 23.03.2023).
5. Закон Казахской Республики от 09.04.2015 г. №285-V ЗПК «О государственной молодежной политике». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=73163 (дата обращения 05.09.2022).
6. Заседание Высшего Евразийского экономического совета // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71204#sel=20:1:HTK,20:90:hed> (дата обращения 26.05.2023).
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями от 27 февраля 2022 г.). URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения 12.09.2022).
8. Национальный фонд поддержки демократии (NED). URL: <https://qazpolit.org/ru/ned-kazakhstan> (дата обращения 30.03.2023).
9. О Концепции государственной молодежной политики Республики Казахстан до 2020 года «Казахстан 2020: путь в будущее» - ИПС «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000191#z6> (дата обращения 18.10.2022).
10. Окшин В.В. Партиципативное управление в развитии социально ориентированной конкуренции: региональный аспект: дисс. ... канд. соц. наук. Н. Новгород, 2022. С. 89-127.
11. Перечень поручений по итогам заседания Госсовета. Президент России // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421> (дата обращения 27.05.2023).
12. Пилипенко А.Д. Институциональная роль СО НКО в развитии социального государства в России // Социально-гуманитарные знания. 2021. №3. С. 286–291.

13. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. №2403-р «Об утверждении основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420237592> (дата обращения: 21.09.2022).

14. Скобелина Н.А. Форсайт в региональной молодежной политике // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи. М.: ООО «Издательско-торговый Дом «Перспектива», 2020. С. 180–185.

15. Совет по делам молодежи государств – участников СНГ к 15-летию своей деятельности проводит анализ итогов работы // Портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3690/90296/> (дата обращения 20.02.2023).

16. Тюхов Д.С. Развитие некоммерческого сектора: опыт России и Казахстана // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. №5(69). С. 365–371.

17. Федеральный закон от 28 июня 1995 г. №98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 июля 1995 г. №27 ст. 2503. URL: <http://base.garant.ru/103544/> (дата обращения 02.10.2022).

18. Федеральный закон от 30.12.2020 №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (дата обращения: 30.05.2023).

19. Шукюрова М.Г., Зейналова И.А. Формирование и развитие неправительственных организаций в Азербайджане // Вестник экспертного совета. 2021. №1(24). С. 27–32.

20. Шушинская декларация о союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой // Официальный сайт президента Азербайджанской Республики. URL: <https://president.az/ru/articles/view/52122> (дата обращения 23.02.2023).

21. Abbasov H.A., Nesterchuk O.A. Development and Implementation of State Youth Policies in the Post-Soviet Region: Soviet Heritage and Achievements During the Period of Independence // Politbook. 2022. №3. С. 6–33.

22. Balassa B. The Theory of Economic Integration (Routledge Revivals) / B. Balassa, London: Routledge, 1962. С. 173-185.

23. Charap S. A Consensus Proposal for a Revised Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia. URL: https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF410.html (дата обращения 18.08.2022).

24. Cheskin A., Kachuyevski A. The Russian-Speaking Populations in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity // *Europe-Asia Studies*. 2019. №1(71). С. 1–23.

25. Dadparvar S., Azizi S. Geo-Economics of the Republic of Azerbaijan and Its Economic Security // *Open Journal of Political Science*. 2021. №1(12). С. 14–27.

26. Dash A. K. Does foreign aid influence economic growth? Evidence from South Asian countries // *Transnational Corporations Review*. 2021. №9. С. 1–14.

27. Dyrness A. Rethinking global citizenship education with/for transnational youth // *Globalisation, Societies and Education*. 2021. №4(19). С. 443–455.

28. Hampel-Milagrosa A. Azerbaijan’s Ecosystem for Technology Startups — Baku, Ganja, and Shamakhi / A. Hampel-Milagrosa, Asian Development Bank, 2022. С. 12-29.

29. Kaskazi A., Kitzie V. Engagement at the margins: Investigating how marginalized teens use digital media for political participation // *New Media & Society*. 2021. С. 146–182.

30. Kligler-Vilenchik N. Youth Political Talk in the Changing Media Environment: A Cross-National Typology // *The International Journal of Press / Politics*. 2022. №3(27). С. 589–608.

31. Maximova S. Youth exchange programs in the SCO countries and their integrative potential: Russia’s vantage point // *SHS Web of Conferences*. 2018. №55. С. 30–35.

32. Miskovic D. K. Geopolitics and the Second Karabakh War // *The Silk Road*. 2021. №1(65). С. 118–135.

33. Mukhtarov S. The Relationship between Renewable Energy Consumption and Economic Growth in Azerbaijan // *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2022. №1(12). С. 416–419.

34. Mürsepp P., Ramzanova A. K., Dussipova A. S. Philosophical analysis of the formation of the spirituality of modern Kazakh youth // *Opción: Revista de Ciencias Humanas y Sociales*. 2020. №91 (Abril). С. 1422–1439.

35. Pietilä I. Understanding youths’ needs for digital societal participation: towards an inclusive Virtual Council // *Behaviour & Information Technology*. 2021. №5(40). С. 483–496.

36. Rzayev A., Dönmez Kara C.Ö. Education as a Social Policy Tool and Educational Policies of Azerbaijan for Youth: под ред. B. Akkaya, K. Jermsittiparsert, A. Gonsel, IGI Global, 2022. С. 283–295.

37. Silvan K. Policy subjects or objects? Paradigm shift in the youth policy of Belarus // Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 5. Economics. Sociology. Biology. 2018. №2(8). С. 161–171.

38. Silvan K. Legacies of the Komsomol: Afterlife of the Leninist Communist Youth League and Contemporary State-Affiliated Youth Activism in Post-Soviet Belarus and Russia. 2022. С. 80-116.

39. Skovikov A., Prezarova V., Shumilov A. State sovereignty in the context of globalization, networking and digitalization // PolitBook. 2023. № 1. С. 58-69.

40. Tsyunik D.A. Youth and youth policy in the post-soviet states // Post-Soviet Issues. 2017. №1(4). С. 57–64.

41. Valiyev A., Babayev A. Azerbaijani youth in transition: Is the state youth policy effective enough? // Journal of Eurasian Studies. 2021. №2(12). С. 145–154.

References

1. Abbasov G.A. Integratsiya transnatsional'noi molodezhi v sotsial'noe pole prinyimayushchei strany: primer studencheskoi molodezhi iz Tsen-tral'noi Azii, obuchayushcheysya v Rossiiskoi Federatsii. Evrazijskij Soyuz: voprosy mezhdunarodnykh otnoshenij. 2023. №3(49)(12). С. 248–257.

2. Abbasov G.A. Tsifrovaya diaspora kak odna iz kollektivnykh identichnostei transnatsional'noi molodezhi. Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii. 2023. №4(97) С. 156–157.

3. Devyatov A.N., Tret'yakov A.S. Fandraizing. Kak Sposob Privlecheniya Investitsii v NKO. Menedzhment: teoriya i praktika. 2019. №1–3. S. 23–28.

4. Deklaratsiya o soyuznicheskom vzaimodeistvii mezhdru Rossiiskoi Federatsiei i Azerbaidzhanskoj Respublikoi. Prezident Rossii. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5777> (data obrashcheniya 23.03.2023).

5. Zakon Kazakhstanskoi Respubliki ot 09.04.2015 g. №285-V ZRK «O gosudarstvennoi molodezhnoi politike». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=73163 (data obrashcheniya 05.09.2022).

6. Zasedanie Vysshego Evrazijskogo ekonomicheskogo soveta. Prezident Rossii. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71204#sel=20:1:HTk,20:90:hed> (data obrashcheniya 26.05.2023).

7. Konstitutsiya Respubliki Belarus' 1994 goda (s izmeneniyami ot 27 fevralya 2022 g.). URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyedokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (data obrashcheniya 12.09.2022).

8. Natsional'nyi fond podderzhki demokratii (NED). URL: <https://qazpolit.org/ru/ned-kazakhstan> (data obrashcheniya 30.03.2023).

9. O Kontseptsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki Respubliki Kazakhstan do 2020 goda «Kazakhstan 2020: put' v budushchee» - IPS «Әdiilet». URL:

<https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000191#z6> (data obrashcheniya 18.10.2022).

10. Okshin V.V. Partisipativnoe upravlenie v razvitii sotsial'no orientirovannoi konkurentssii: regional'nyi aspekt: diss. ... kand. sots. nauk. N. Novgorod, 2022. C. 89-127.

11. Perechen' poruchenii po itogam zasedaniya Gossoveta. Prezident Rossii. Prezident Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421> (data obrashcheniya 27.05.2023).

12. Pilipenko A.D. Institutsional'naya rol' SO NKO v razvitii sotsial'nogo gosudarstva v Rossii. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2021. №3. C. 286–291.

13. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 29 noyabrya 2014 g. №2403-r «Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoi molodezhnoi po-litiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420237592> (data obrashcheniya: 21.09.2022).

14. Skobelina N.A. Forsait v regional'noi molodezhnoi politike. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: natsional'nye proekty 2019–2024 gg. v sotsial'nom razvitii molodezhi. M.: OOO «Izdatel'sko-torgovyi Dom «Perspektiva», 2020. C. 180–185.

15. Sovet po delam molodezhi gosudarstv – uchastnikov SNG k 15-letiyu svoei deyatel'nosti provodit analiz itogov raboty. Portal SNG. URL: <https://ecis.info/cooperation/3690/90296/> (data obrashcheniya 20.02.2023).

16. Tyukhov D.S. Razvitie nekommercheskogo sektora: opyt Rossii i Kazakhstana. Skif. Voprosy studencheskoi nauki. 2022. №5(69). C. 365–371.

17. Federal'nyi zakon ot 28 iyunya 1995 g. №98-FZ «O gosudarstvennoi podderzhke molodezhnykh i detskikh obshchestvennykh ob"edinenii» (s izmeneniyami i dopolneniyami). Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 3 iyulya 1995 g. №27 st. 2503. URL: <http://base.garant.ru/103544/> (data obrashcheniya 02.10.2022).

18. Federal'nyi zakon ot 30.12.2020 №489-FZ «O molodezhnoi politike v Rossiiskoi Federatsii». Ofitsial'noe opublikovanie pravovykh aktov. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (data obrashcheniya: 30.05.2023).

19. Shukyurova M.G., Zeinalova I.A. Formirovanie i razvitie nepravitel'stvennykh organizatsii v Azerbaidzhane. Vestnik ekspertnogo soveta. 2021. №1(24). C. 27–32.

20. Shushinskaya deklaratsiya o soyuznicheskikh otnosheniyakh mezhdru Azerbaidzhanskoi Respublikoi i Turetskoi Respublikoi». Ofitsial'nyi sait prezidenta Azerbaidzhanskoi Respubliki. URL: <https://president.az/ru/articles/view/52122> (data obrashcheniya 23.02.2023).

21. Abbasov H.A., Nesterchuk O.A. Development and Implementation of State Youth Policies in the Post-Soviet Region: Soviet Heritage and Achievements During the Period of Independence. Politbook. 2022. №3. C. 6–33.

22. Balassa B. The Theory of Economic Integration (Routledge Revivals) / B. Balassa, London: Routledge, 1962. S. 173-185.

23. Charap S. Europe and Eurasia. URL: https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF410.html (data obrashcheniya 18.08.2022).

24. Cheskin A., Kachuyevski A. The Russian-Speaking Populations in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity. Europe-Asia Studies. 2019. №1(71). C. 1–23.

25. Dadparvar S., Azizi S. Geo-Economics of the Republic of Azerbaijan and Its Economic Security. *Open Journal of Political Science*. 2021. №1(12). C. 14–27.
26. Dash A.K. Does foreign aid influence economic growth? Evidence from South Asian countries. *Transnational Corporations Review*. 2021. №9. C. 1–14.
27. Dyrness A. Rethinking global citizenship education with/for transnational youth. *Globalisation, Societies and Education*. 2021. №4(19). C. 443–455.
28. Hampel-Milagrosa A. Azerbaijan’s Ecosystem for Technology Startups –Baku, Ganja, and Shamakhi / A. Hampel-Milagrosa, Asian Development Bank, 2022. C. 12-29.
29. Kaskazi A., Kitzie V. Engagement at the margins: Investigating how marginalized teens use digital media for political participation. *New Media & Society*. 2021. C.146–182.
30. Kligler-Vilenchik N. Youth Political Talk in the Changing Media Environment: A Cross-National Typology. *The International Journal of Press / Politics*. 2022. №3(27). C. 589–608.
31. Maximova S. Youth exchange programs in the SCO countries and their integrative potential: Russia’s vantage point. *SHS Web of Confer-ences*. 2018. №55. C. 30–35.
32. Miskovic D. K. Geopolitics and the Second Karabakh War. *The Silk Road*. 2021. №1(65). C. 118–135.
33. Mukhtarov S. The Relationship between Renewable Energy Consumption and Economic Growth in Azerbaijan. *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2022. №1(12). C. 416–419.
34. Mürsepp P., Ramazanova A. K., Dussipova A. S. Philosophical analysis of the formation of the spirituality of modern Kazakh youth. *Opción: Revista de Ciencias Humanas y Sociales*. 2020. №91 (Abril). C. 1422–1439.
35. Pietilä I. Understanding youths’ needs for digital societal participation: towards an inclusive Virtual Council. *Behaviour & Information Technology*. 2021. №5(40). C. 483–496.
36. Rzayev A., Dönmez Kara C.Ö. Education as a Social Policy Tool and Educational Policies of Azerbaijan for Youth: pod red. B. Akkaya, K. Jermsittiparsert, A. Gunsel, IGI Global, 2022. C. 283–295.
37. Silvan K. Policy subjects or objects? Paradigm shift in the youth policy of Belarus. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 5. Economics. Sociology. Biology*. 2018. №2(8). C. 161–171.
38. Silvan K. Legacies of the Komsomol: Afterlife of the Leninist Communist Youth League and Contemporary State-Affiliated Youth Activism in Post-Soviet Belarus and Russia. 2022. C. 80-116.
39. Skovikov A., Prezarova V., Shumilov A. State sovereignty in the context of globalization, networking and digitalization. *PolitBook*. 2023. №1. C. 58-69.
40. Tsyunik D.A. Youth and youth policy in the post-soviet stated. *Post-Soviet Issues*. 2017. №1(4). C. 57–64.
41. Valiyev A., Babayev A. Azerbaijani youth in transition: Is the state youth policy effective enough? *Journal of Eurasian Studies*. 2021. №2(12). C. 145–154.

**П.А. Меркулов,
Е.А. Тюрин,
Е.Н. Савинова**

**P. Merkulov,
E. Turin,
E. Savinova**

**ПОЛИТИКА
ФОРМИРОВАНИЯ
ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ
МОЛОДЕЖИ
В ШОТЛАНДИИ:
СТРАТЕГИИ, РЕАЛИИ,
ОЦЕНКИ**

**FORMATION POLICY
DIGITAL CULTURE OF
YOUTH IN SCOTLAND:
STRATEGIES, REALITIES,
ASSESSMENTS**

Аннотация

В статье затрагивается проблема влияния цифровизации на современную молодежь. Конкретизируя, авторы обращаются к примеру Шотландии, на территории которой в рамках государственной политики реализуется Национальная цифровая стратегия и развивается система неформального проектного обучения шотландской молодежи с целью формирования у нее современной цифровой культуры. Данный вектор рассмотрения проблемы обусловил цель статьи – анализ особенностей политики формирования цифровой культуры молодежи в Шотландии. В результате проведенного анализа авторы приходят к выводу, что понимание социокультурного воздействия процесса цифровизации на молодых шотландцев на уровне официально проводимой политики в значительной степени зависит от динамики целеполагающих установок самих властей Шотландии. С другой стороны, необходимо ориентироваться на исходящую от специалистов по работе с молодежью профессиональную интерпретацию реальной ценности изменений, связанных с воздействием цифровых технологий на молодое поколение. Авторы подчеркивают междисциплинарный характер области изучения рассматриваемой проблематики. Методологической основой проведенного в статье анализа стала Grounded theory,

Abstract

The article touches upon the problem of the impact of digitalization on modern youth. Concretizing, the authors turn to the example of Scotland, on the territory of which, within the framework of state policy, the National Digital Strategy is being implemented and a system of informal project-based training of Scottish youth is being developed in order to form a modern digital culture among them. This vector of consideration of the problem determined the purpose of the article – the analysis of the features of the policy of formation of digital culture of youth in Scotland. As a result of the analysis, the authors conclude that the understanding of the socio-cultural impact of the digitalization process on young Scots at the level of officially implemented policy largely depends on the dynamics of the goal-setting attitudes of the Scottish authorities themselves. On the other hand, it is necessary to focus on the professional interpretation of the real value of changes associated with the impact of digital technologies on the younger generation coming from specialists in youth work. The authors emphasize the interdisciplinary nature of the field of study of the issues under consideration. The methodological basis of the analysis carried out in the article was Grounded theory, as well as meta-analysis and metasynthesis aimed at quantitative generalization and integra-

а также применялись метаанализ и метасинтез, направленные на количественное обобщение и интеграцию подходов и результатов предыдущих исследований по теме.

tion of approaches and results of previous research on the topic.

Ключевые слова:

Шотландия, молодежь, государственная политика, цифровое участие, цифровая вовлеченность, цифровая интеграция, цифровая грамотность.

Key words:

Scotland, youth, public policy, digital participation, digital engagement, digital integration, digital literacy.

Сегодня в рамках научного дискурса и в масс-медиа довольно часто затрагиваются различные аспекты проблемы влияния цифровизации на общество. Одним из популярных сегментов данной проблематики является спектр вопросов, касающихся воздействия цифровых технологий на молодежную среду. Авторы данной статьи решили затронуть данную тему на примере Шотландии, на территории которой в последние годы стало популярным неформальное проектное обучение молодого поколения с целью формирования у него современной цифровой культуры [45].

Важность цифрового образования для молодых шотландцев признается на уровне государственной политики, что обозначено в Национальной цифровой стратегии Шотландии, опубликованной в 2017 году. В документе особо подчеркивается, что цель Правительства Шотландии состоит в том, чтобы вооружить детей и юношество сложными цифровыми навыками, которые им необходимы для благополучного существования в современном обществе и процветания в рамках личной трудовой деятельности [39, р. 24]. Отметим, что власти Шотландии не только декларируют свои намерения. Так, некоторое время назад специалисты по работе с молодежью получили дополнительное финансирование на развитие цифровой культуры у молодого поколения. Кроме того, государство обеспечило необходимый цифровой инструментарий для улучшения качества деятельности молодежных работников в части решения задач продвижения цифровизации среди молодых шотландцев. Данные факты свидетельствуют о наличии реальных шагов, предпринимаемых Правительством Шотландии в рамках реализации государственной политики в данной стране. Тем не менее, для исследователя, все же, существуют определенные проблемы с объективностью оценок эффективности политики формирования цифровой культуры молодежи в Шотландии.

В британской научной литературе на сегодняшний день представлены некоторые исследования о цифровом обучении молодежи, а также о развитии у нее цифровой культуры, цифровой грамотности и цифровых навыков. Тем не менее, круг вопросов, касающихся практического применения цифровых знаний, умений и навыков молодых шотландцев, в значительной степени не изучен. Неудивительно, что и ученые [28], и практики в сфере реализации шотландской молодежной политики [16; 41] призывают к дальнейшим исследованиям в части объективизации оценочного осмысления взаимодействия молодежи с цифровыми технологиями и общего социокультурного воздействия цифровизации на молодое поколение Шотландии.

Впрочем, академическая дискуссия о социокультурной ценности цифрового воздействия на шотландскую молодежь сложна и порой противоречива. Междисциплинарный характер изучения данной проблематики свидетельствует о том, что цифровой опыт молодых шотландцев измеряется и анализируется через различные теоретические призмы [25, р. 2].

По сути, существующие исследования, хотя и дают важные сведения об отношениях молодых людей с цифровыми технологиями, но, при этом, редко сосредотачиваются на оценках процесса формирования и развития цифровой молодежной культуры, а также на оценках содержания и проявлений самой этой культуры в шотландском социокультурном пространстве. Кроме того, в научной литературе существует различие между оценкой, ориентированной на технологию HCI, и оценкой цифровых проектов (ориентированной на человека). Оставляют желать лучшего и методики оценки воздействия цифровых проектов на молодежь (при том, что в исследованиях, учитываются результаты, ориентированные как на человека, так и на технологии). В итоге несмотря на то, что появляется все больше информации о способах вовлечения молодых людей в цифровые проекты, информация о методах оценки участия молодежи в процессе освоения цифровой культуры крайне скудна. По сути, в настоящее время существует также и пробел в знаниях о том, как молодое поколение само оценивает свой опыт приобщения к цифровым молодежным проектам. Таким образом, очевидно, что необходимы дальнейшие исследования, чтобы осмыслить роль молодежных работников как фасилитаторов цифровых молодежных проектов; чтобы понять субъектно-объектные характеристики цифрового участия са-

мой молодежи; чтобы выработать систему оценки социокультурного воздействия процесса цифровизации на молодое поколение.

Выше отмечалось, что заявленная в данной статье проблематика находится в рамках междисциплинарной области изучения. Поэтому принятая авторами попытка научного осмысления вовлеченности шотландской молодежи в процесс цифровизации опирается главным образом на эмпирические данные соответствующих британских академических исследований (например, в рамках проблем взаимодействия человека с компьютером (HCI)), а также на данные смежных исследований, касающихся социального воздействия цифровых технологий на развитие современного общества в целом. Конкретной же методологической основой проведенного анализа стала Grounded theory (GT) – обоснованная теория, которая, на наш взгляд, обеспечивает возможность применения гибкой стратегии подбора, систематизации и анализа доступных эмпирических данных и, следовательно, позволяет делать объективные выводы [9]. Обоснованная теория была выбрана еще и потому, что она позволяет с достаточной степенью эффективности достигать опеределенной тщательности при анализе малоизученных проблем [21, р. 95-114; 18, р. 188-203]. Кроме того, в контексте избранной нами для данной статьи тематики, обоснованная теория дает возможность приблизиться к необходимому охвату проблемы и аналитическому пониманию сложности государственно-управленческих и социокультурных процессов [21, р. 95-114], таких как формирование цифровой культуры. Наконец, следует отметить, что обоснованная теория способствует развитию междисциплинарных знаний и целостному пониманию взаимосвязи между цифровыми технологиями и обществом [33, р. 11-43]. Однако еще раз подчеркнем, что для научного осмысления социального воздействия формирования молодежной цифровой культуры в Шотландии мы прибегли к эмпирическим данным, полученным шотландскими коллегами в рамках различных исследований и содержащим оценки опыта специалистов по работе с молодежью (включая материалы интервью, фокус-групп, молодежных семинаров и т.п.).

Междисциплинарный характер рассматриваемой проблематики обусловил тот факт, что большая часть соответствующей академической литературы, на которую мы опирались при написании данной статьи, взята из различных областей знания, начиная от сферы изучения вычислительной техники и информатики, заканчивая молодежными исследованиями и экс-

пертными оценками. Соответственно, для интерпретации и обобщения результатов многочисленных данных мы были вынуждены прибегнуть к обзору доступной литературы на основе метаанализа и метасинтеза. Метасинтез был направлен на интеграцию результатов ряда различных (но взаимосвязанных) качественных исследований, проведенных нашими коллегами. Метаанализ же мы использовали для количественного обобщения разнообразных подходов и результатов разных исследований по рассматриваемой теме. Впрочем, применение данного метода имело скорее интерпретирующую, чем агрегирующую цель [40, р. 204-211].

Также был проведен анализ неакадемических источников (например, отраслевых отчетов, программных документов и записей в блогах). Это позволило лучше понять нынешнее восприятие профессиональными экспертами процесса формирования цифровой молодежной культуры и социокультурного воздействия цифровизации на молодое поколение в контексте реалий Шотландии.

Доступ к соответствующим материалам был получен из печатных источников, баз данных и поисковых систем.

Молодежь и цифровые технологии

В современном мире проекты с участием молодежи различаются по своим целям, задачам и результатам. Примерами участия представителей молодого поколения в жизни общества могут быть волонтерство, деятельность различных клубов, политическая деятельность, членство в студенческих советах и т.п. Благодаря своей активности молодые люди нацелены на развитие собственных знаний и навыков в самых разных сферах. Исходя из данного факта, участие молодежи можно охарактеризовать как активное вовлечение в жизнь общества, влияние на которое со стороны молодого поколения носит характер реального воздействия, а не пассивного присутствия с символическими ролями в рамках социальных институтов, созданных и контролируемых старшим поколением [10, р. 341].

Иными словами, молодежь реально вовлечена в общественную жизнедеятельность, что показывает готовность молодых людей жертвовать своим временем и применять имеющиеся знания и навыки для пользы общества. Впрочем, современные реалии вносят свои коррективы в характер молодежной активности.

В XXI веке молодым людям предоставлены цифровые инструменты не только для обмена идеями, но и потенциального усиления своего голоса в общей повестке. Мгновенная передача информации через социальные сети и онлайн-трансляции стала важным элементом эффективности тех проектов, которые генерирует сама молодежь, и тех, которые ориентированы на нее [16]. Иными словами, в условиях информатизации и цифровизации участие молодежи в жизни общества получило импульс для дальнейшего развития.

С начала 2000-х гг. повседневная жизнь молодых людей стала в большей степени зависеть от мультимодальных, интерактивных, конвергентных и сетевых средств массовой информации [26, р. 1]. Экспертное сообщество констатирует, что молодые люди в современную цифровую эпоху – это не только пассивные потребители информации, но и активные цифровые участники [19, р. 6], которые весьма заметно присутствуют в среде, где цифровые навыки стали необходимостью.

Неудивительно, что зарождающаяся динамика взаимоотношений между молодежью и цифровыми технологиями обеспечивает поток соответствующих исследований [7; 8; 19]. Научный анализ участия молодежи в цифровых технологиях неуклонно расширяется. Поиск термина «цифровое участие молодежи» в Web of Science показывает, что первое академическое исследование, касающееся цифрового участия молодежи, было опубликовано в 2003 году [37, р. 875-880]. С 2003 года количество публикаций по данной проблематике заметно возросло и уже исчисляется многими сотнями [3].

Безусловно, рост количества исследований обусловлен реалиями жизни. Так, относительно недавний британский отчет показал, что 99% молодых людей в Соединенном Королевстве в возрасте от 14 до 34 лет описаны как «недавние пользователи интернета» [34, р. 8]. Что же касается Шотландии, то и там можно наблюдать расширение доступа молодежи к цифровым технологиям и участию в них. Так в 2016 году исследование домашних хозяйств Шотландии показало, что только 1% молодых шотландцев в возрасте от 16 до 24 лет не пользуются интернетом [39], и это в условиях, когда охват домовладений сверхбыстрым интернетом был ниже 80%. Интересно, что в 2017 году названный показатель достиг уже 87%, а в 2018 году увеличился до 92% [34].

Постоянно развивающаяся связь между молодежью и цифровыми технологиями стала центральной темой исследований шотландских ученых, политиков и практиков молодежной работы. Неудивительно, что в контек-

сте рассматриваемой проблематики некоторые научные публикации представляют молодежь как наиболее разнообразную, динамичную и технологически осведомленную группу пользователей [24].

В Соединенном Королевстве цифровой интеграции молодежи был посвящен Отчет Уилсона и Гранта от 2017 года, в котором представлены проблемы, связанные с базовыми цифровыми навыками молодых людей (такими как общение по электронной почте, подача заявлений на работу онлайн и онлайн-безопасность) [41]. В данном Отчете оспаривается достоверность тезиса о, так называемых, «цифровых аборигенах» [35, р. 1], который предполагает, что молодые люди, родившиеся в цифровую эпоху, естественным образом перенимают «цифровую мудрость». Уилсон и Грант констатируют, что многие молодые люди по-прежнему нуждаются в поддержке для развития своих базовых знаний в области цифровых технологий и цифровой грамотности [41].

О неоднозначности толкований роли и способностей молодых людей в эпоху развития цифровых технологий пишут также Ливингстон и Терд, которые утверждают, что в эпоху цифровизации молодых людей одновременно приветствуют как пионеров цифровой эры и критикуют как ее невинных жертв [25, р. 658].

Такие нарративы, на наш взгляд, обусловлены существованием двух противоречащих друг другу мифов. Первый миф изображает молодое поколение как сообщество прирожденных адептов цифровых технологий, в то время как второй рассматривает молодых людей как «уязвимых невинных», страдающих от влияния сомнительного цифрового контента.

Действительно, в литературе спектр участия молодежи в цифровом мире варьируется от ее соавторства и роли активного агента цифровых изменений [19] до статуса уязвимого и апатичного пользователя [15]. По мнению некоторых ученых, важно сформулировать эти дуалистические представления о цифровом участии молодежи в более широком контексте молодежного цифрового разрыва и признать, что важнейшие проблемы этого разрыва являются не только технологическими, но и социальными, экономическими, культурными, политическими [36, р. 357].

Как утверждают Ливингстон и Терд, целостный анализ цифрового участия молодежи (или его отсутствия) должен исследовать причины и последствия вовлечения молодежи в цифровые технологии. На наш взгляд, это логично, поскольку цифровое вовлечение молодежи – это поэтапный

процесс, в котором преимущества использования интернета зависят не только от возраста и пола, но и от объема такого использования, а также от навыков и самооэффективности [26, р. 691].

В Отчете Уилсона и Гранта о цифровой интеграции молодежи показано, что многие уязвимые молодые люди в Великобритании (в том числе, в Шотландии) нуждаются в дополнительной поддержке для овладения базовыми цифровыми навыками. Уилсон и Грант указали на то, что цифровое отчуждение может привести к социальной изоляции молодых людей и, следовательно, к снижению их долгосрочного благосостояния. Чтобы улучшить цифровую интеграцию молодежи, названные авторы предлагают общенациональное внедрение ориентированных на молодежь практических инициатив и инновационные вмешательства в рамках различных госстратегий [41].

Интересно, что для понимания вызовов и возможностей цифрового будущего молодого поколения, а также учета взглядов молодежи на цифровую культуру британские эксперты рекомендуют прилагать совместные усилия в сферах образования и разработки соответствующих отраслевых политик. Примеры такого междисциплинарного сотрудничества отмечены, как раз, в Шотландии [1].

В европейском же контексте цифровое участие молодежи отмечается в Декларации 2-й Европейской конвенции по работе с молодежью и стратегии «Большая Европа-2020» [16]. В документе подчеркивается необходимость новой гибкой поддержки молодежи в области цифрового образования, а также в части предоставления молодым людям возможности справляться с некоторыми сопутствующими рисками [12].

На самом деле, развивающиеся технологии стали неотъемлемыми элементами формирования цифровой культуры молодежи по всей Европе [16]. Внешкольные цифровые проекты предоставляют молодым людям возможности осваивать новые навыки и использовать цифровые технологии в качестве инструментов самовыражения и расширения прав и возможностей [19]. Примером цифровых инициатив, ориентированных на молодежь, являются социальные сети, которые зарекомендовали себя как мощный инструмент для молодых активистов. Молодые люди могут извлечь выгоду из цифровой среды, где можно найти новые возможности для обучения и самореализации [5; 19].

Ученые сходятся во мнении, что «цифровая молодежь» уже способна самостоятельно приобретать и развивать новые социальные и технологиче-

ские навыки, которые, в частности, помогают молодым членам общества социализироваться и формировать коллективные действия для социокультурных изменений [8; 19]. «Цифровая молодежь» характеризуется нестандартным инновационным поведением, включая деятельность, связанную с творческим производством и обменом информацией [22; р. 1827]. Тем не менее, по мере того как онлайн и цифровые инструменты стали ключевыми аспектами жизни молодых людей, появились и новые проблемы.

Появление таких проблем, как киберзапугивание, секстинг и зависимость от технологий, привело к формированию более скептического взгляда на влияние цифровизации на самостоятельность и активность молодежи. Исследуя эти негативные социальные последствия, специалисты предупреждают, что жизненно важно не романтизировать качества цифрового мира, который предоставляет молодым людям иллюзорную свободу и автономию [17, р. 73]. Нужно отдавать себе отчет в том, что и в кибермире более опытное и изощренное старшее поколение управляет цифровым участием молодежи, извлекая из него свою выгоду.

Исследователи обращают внимание и на другие проблемы, такие как давление со стороны сверстников и самопрезентация [2; 14, р. 38-45]. Например, Эйкен утверждает, что кибер-одержимость собой и связанные с ней проявления, включая постоянное обновление друзей, установление связей, привлечение подписчиков и получение одобрения в виде лайков [2, р. 174], могут привести к путанице в подростковой идентичности.

Влияние цифровизации на молодежь в Шотландии

Переходя к заявленному в названии статьи шотландскому кейсу, отметим, что количество научных публикаций, непосредственно изучающих влияние цифровизации на молодежь в Шотландии, весьма ограничено. Обзор цифрового сегмента в молодежном ландшафте означенной части Соединенного Королевства представлен очень фрагментарно [11; 31; 32], в том числе, и на уровне отраслевых отчетов [1; 41].

Впрочем, имеющаяся литература раскрывает отдельные аспекты рассматриваемой проблематики. Разные авторы осмысливают цифровое участие молодых шотландцев в общественно-политической жизни [30, р. 1-31]; их информационное поведение и цифровую грамотность [11; 31, р. 89-91; 32, р. 239-253]; цифровую вовлеченность молодежи [41]; цифровые особенности молодежной культуры [27]; влияние цифровых технологий на молодое поколение [30, р. 1-31; 32, р. 239-253; 42, р. 41-49].

Отдельно отметим исследования участия молодежи в цифровых технологиях во время референдума о независимости Шотландии, которые показали, что юные избиратели использовали социальные сети для поиска и обмена политической информацией [30, р. 1-31]. Кстати, эксперты отмечают и признаки того, что молодые шотландцы используют социальные сети при поиске работы [32, р. 239-253].

В ответ на растущее значение цифровых технологий в жизни молодежи многие шотландские организации, ориентированные на молодое поколение, внедрили в свою работу цифровые коммуникационные решения. Например, Young Scot – национальная информационная и гражданская организация, поддерживаемая правительством Шотландии – использует цифровое приложение для обмена информацией со своими молодыми членами [43].

Связь между шотландской молодежью и цифровыми технологиями также анализируется не только представителями научного сообщества, но также политиками Шотландии [13], местными специалистами по работе с молодежью [45] и самими молодыми шотландцами [1]. Следует отметить существенную экспертно-аналитическую роль шотландской цифровой молодежной сети [45]. Данная сеть объединяет специалистов-практиков, использующих цифровые технологии в своей работе с молодежью, цель которой – содействовать изучению новых и инновационных подходов к цифровым технологиям и разработкам в рамках отраслевых политик [45]. В 2018 году члены шотландской цифровой молодежной сети [45] внесли свой вклад в разработку рекомендаций для Европейской комиссии (ЕК) в части развития цифрового сегмента в молодежной работе [13].

Со своей стороны, власти Шотландии так же стараются быть в курсе ситуации по развитию цифровых процессов в молодежной среде. Так, еще в 2016 году шотландское Правительство поручило группе экспертов в рамках проекта 5Rights провести исследование по проблеме соблюдения прав человека в условиях цифровизации. Данные, полученные по результатам проведенной работы (сохраняющие свою актуальность и сегодня), позволяют судить о цифровых потребностях молодых шотландцев, их устремлениях в части освоения и использования цифровых технологий, а также о тех барьерах, которые появляются на пути к цифровому участию [1, р. 9].

В целом, имеющиеся данные свидетельствуют о нехватке цифровой грамотности среди молодых шотландцев [11; 41]. Так, неблагополучная молодежь из южной Шотландии сталкивается с более серьезными препят-

ствиями для доступа к информации из-за плохих навыков работы с цифровыми технологиями и общим невысоким уровнем информационной грамотности [11]. Подобные проблемы были отмечены в отчете Глазго за 2017 год, в котором говорилось, что в названном городе каждый десятый (10%) безработный молодой человек не может отправить свое резюме онлайн. Кроме того, 17% молодых жителей Глазго уверены, что они нашли бы работу, если бы лучше владели компьютером [41, р. 31].

Вопросы у молодых шотландцев вызывают и проблемные моменты, связанные с онлайн-безопасностью, конфиденциальностью, контролем данных и осведомленностью о цифровых технологиях [1]. По данным Комиссии 5Rights, 52,1% молодых людей в Шотландии полагают, что самые большие угрозы в цифровом мире связаны с проблемой анонимности, влекущей за собой возможности безнаказанного запугивания в интернете, троллинга, груминга и других целенаправленных действий негативного психологического воздействия, вызванных анонимным характером информационно-цифрового взаимодействия [1, р. 39].

Исходя из имеющихся тенденций, ученые [29, р. 721], специалисты по работе с молодежью [41], политики [43] и сами молодые шотландцы [1] склоняются к идее о том, что не только следует интегрировать цифровую грамотность в шотландские образовательные программы, но необходимо учитывать такие аспекты молодежной политики, как карьера и благополучие молодых граждан. Правда, при этом, отдельные шотландские исследователи отмечают важность критического подхода к проблеме цифровой вовлеченности молодежи в образовательных учреждениях [29, р. 721]. В целом же, анализируя шотландский контекст цифровизации в молодежной среде, можно говорить, что онлайн-доступность и вовлечение молодых шотландцев в процесс цифрового участия, становятся в Шотландии важнейшими элементами государственной политики.

Чтобы удовлетворить потребности общества в цифровой грамотности и решить проблему нехватки цифровых навыков у молодых граждан, молодежным и образовательным организациям Шотландии было предложено обратить пристальное внимание на индивидуальные потребности и стремления молодых людей в области цифровой грамотности, а также учесть качество доступного цифрового инструментария [38; 41].

Означенные выше моменты, подвергнутые научному осмыслению шотландскими исследователями проблематики «цифровой молодежи» и

вовлеченности последней в цифровые процессы, обусловили появление в экспертном поле ряда соответствующих рекомендаций, наиболее значимыми из которых являются следующие:

- отказ от использования модели категоризации цифровых способностей молодых людей как «цифровых аборигенов» [38; 41] и акцент на их индивидуальных потребностях;

- использование инновационных методологий и цифровых экспериментов в формальном и неформальном образовании для поощрения цифрового обучения среди молодых шотландцев [1; 43];

- критический подход к проблеме цифровой помощи молодежи, и рассмотрение как положительного, так и отрицательного воздействия цифровых технологий в молодежных проектах [29];

- внедрение бесплатного Wi-Fi в общественных местах и на открытом пространстве по всей Шотландии [1].

В целом же можно констатировать, что на уровне шотландских властей и различных институтов гражданского общества довольно отчетливо проявляется понимание того, что цифровые компетенции и креативность становятся ключевыми навыками 21 века [20]. В этой связи особая роль возлагается на структуры, осуществляющие свою деятельность в сфере работы с молодежью. Поэтому Правительство Шотландии, научно-исследовательские учреждения, а также некоторые коммерческие структуры все больше вовлекаются в цифровое образование молодого поколения [23], предлагая финансирование тем молодежным организациям, которые содействуют генерированию и реализации различных цифровых молодежных проектов [13].

Уместным даже будет сказать о том, что сегодня в Шотландии специалисты по работе с молодежью играют решающую роль как модераторы в части взаимодействия между молодым поколением, обществом (в целом) и цифровыми технологиями. В связи с чем, напрашивается вывод, что сфера молодежной политики и, конкретно, работа с молодежью могут удовлетворить потребности юных шотландцев в цифровой грамотности (что, к сожалению, часто упускается из виду в школах или в семьях) [16, р. 13].

Действительно, чтобы представители молодого поколения могли извлечь пользу из собственного опыта, молодежные работники стремятся направлять свою деятельность на формирование среды, способствующей обмену информацией, самовыражению, сотрудничеству и обучению на ос-

нове интересов [19]. Применительно к функциям специалистов по работе с молодежью в условиях цифровизации, можно даже сказать, что появилась соответствующая специализированная категория – цифровые молодежные работники, которые осуществляют свою деятельность в рамках разнообразного спектра обязательств [6, р. 319]. Кроме того, для эффективной координации усилий, направленных на формирование у молодых граждан цифровой вовлеченности, молодежным работникам требуется гибкое мышление, готовность к апробации новых методов и умение самим учиться как на успехах, так и на неудачах [13].

В конце концов, если работа с молодежью не включает в свой инструментарий современные технологии, то существует риск устаревания и неактуальности такой работы для молодых людей, пользующихся соответствующими услугами. Поэтому шотландские специалисты по работе с молодежью стараются изыскивать возможность заполнять пробелы, иногда возникающие дома и в школе, помогая молодым людям понять цифровые технологии и возможные риски, с ними связанные. Эти усилия отмечают и исследователи, утверждающие, что сфера работы с молодежью может удовлетворить потребности (которые часто упускаются из виду в школах или дома) юных членов шотландского общества в цифровой грамотности [16, р. 13].

Следует отметить, что в последнее десятилетие было много успешных примеров цифровых молодежных проектов в Европе [16]. Однако в то же время появились определенный скептицизм и неуверенность в цифровых технологиях. Например, европейское исследование цифровой молодежной работы (охватывающее Австрию, Данию, Финляндию, Северную Ирландию и Республику Ирландия) показало, что, хотя 77% молодежных работников в собственной деятельности используют социальные и цифровые медиа, 48% из них указывают на недостатки цифровой экспертизы результатов своей работы [16].

Аналогичные данные были получены и в Шотландии, где молодежные работники описывают проблему ограниченности навыков цифровой грамотности и цифрового обучения. Шотландские специалисты по работе с молодежью констатируют еще и, так называемую, цифровую усталость от применения собственных цифровых навыков в рамках выполнения своей работы. Они указывают на присутствие желания «цифрового простоя» [16].

Отдельный интерес представляет наличие существующего противоречия между декларируемыми шотландскими властями ориентирами на

цифровое обучение молодежи и реальной картиной, отмечаемой шотландскими молодежными работниками. Поэтому в Шотландии текущая политика скорее препятствует, чем позволяет организациям и практикам догнать новейшие технологические достижения. Есть также проблемы, связанные с наличием/доступностью служебного цифрового оборудования, в результате чего некоторым молодежным работникам приходится использовать свои собственные цифровые устройства. Имеются и иные проблемы, возникающие в рамках реализации политики формирования цифровой культуры молодежи в Шотландии.

Результаты различных исследований показывают, что вопрос о социальной ценности современных цифровых разработок становится все более дискуссионным не только для ученых, но и для молодежных работников, занимающихся вопросами цифровой вовлеченности молодого поколения. Более сложный характер стала носить и сама деятельность специалистов по работе с молодежью, т.к. быстро меняющаяся практика века цифровизации требует от них непрерывного анализа, выбора и принятия решений [4, р. 5]. Молодежные работники не чувствуют себя уверенно в предпринимаемых попытках определить и сформулировать возможные социальные последствия цифрового сегмента своих молодежных проектов. Кроме того, есть и очевидные проблемы с критериями эффективности работы с молодежью в части оценки цифровой грамотности, уровня цифровой культуры и т.п.

Специалисты постоянно задаются вопросами: 1) каков порог для того, чтобы молодой человек был классифицирован как грамотный в части наличия у него цифровых знаний; 2) как выглядит цифровой успех и правильно ли это стремление; 3) являются ли цифровые навыки целью и результатом обучения сами по себе или они – просто средство для достижения иных целей или инструмент процесса приобретения других навыков или личностных характеристик? [41, р. 57].

Кстати, исследования шотландских коллег свидетельствуют также о том, что разные толкования термина «цифровой(ая/ое)» значительно различаются в молодежном контексте. Поскольку использование технологий является ожидаемым в работе с молодежью, некоторые молодежные проекты маркируют себя как цифровые, не предоставляя молодым людям реальных цифровых навыков и соответствующего опыта. Цифровая составляющая, подчас, сводится к предоставлению X-box или компьютеров, а какой-либо реальной работы по развитию у юных граждан специальных навыков,

не наблюдается. Зачастую цифровые технологии используются исключительно для общения между специалистами по работе с молодежью и молодыми людьми, что не приносит в процесс цифрового обучения юношества ничего инновационного и результативного. Иными словами, в то время как государственное финансирование цифрового участия молодежи стало в Шотландии более распространенным, многие молодежные проекты, при этом, не добавляют практической ценности этим финансовым вложениям. Подобное положение дел породило в шотландском экспертном сообществе дискуссию по поиску решения проблемы постоянного недооценивания влияния цифровых технологий. В рамках данной дискуссии специалисты по работе с молодежью призывают к выработке единого подхода в части критериев оценки цифровых молодежных проектов в Шотландии. Эти призывы вписываются в более широкую дискуссию о необходимости создания стандартизированного, многомерного набора показателей цифровой грамотности в стране.

На первый взгляд может показаться, что шотландские специалисты по работе с молодежью используют в своей деятельности категории цифровой грамотности, базовых цифровых навыков, цифровой компетентности и т.п. Однако результаты более глубокого анализа свидетельствуют о том, что молодежные работники в Шотландии осознают ограниченность практического применения подобных понятий [16; 41; 23], отдавая себе отчет в наличии проблемы объективной оценки социального эффекта от реализации цифровых молодежных проектов.

Таким образом, анализ данных показывает, что понимание социокультурного воздействия процесса цифровизации на молодых шотландцев на уровне официально проводимой политики в значительной степени зависит от динамики целеполагающих установок самих властей Шотландии. С другой стороны, есть профессиональная интерпретация реальной ценности изменений, связанных с воздействием цифровых технологий на молодое поколение. Такую интерпретацию транслируют шотландские специалисты по работе с молодежью, которые, скорее, находятся в замешательстве и разочаровании в цифровом сегменте собственной деятельности.

В итоге, когда исследователь пытается понять, каким образом оценить влияние цифровизации на шотландскую молодежь, он сталкивается с двумя основными оценочными парадигмами. В рамках первой положительная оценка социокультурного воздействия цифровых технологий на молодежь обусловле-

на официально заявляемой декларативной позицией властей Шотландии. Вторая же парадигма (с отрицательной оценкой) порождена обеспокоенностью молодежных работников по поводу негативного и часто неучтенного воздействия различных цифровых проектов на молодое поколение.

Тем не менее, справедливости ради, следует отметить, что сами молодые участники цифровых проектов чаще оценивают социокультурные последствия цифровизации как положительные. Впрочем, по их мнению, социокультурное воздействие и соответствующие последствия – это то, что определяется старшим поколением в лице молодежных работников, учителей, спонсоров или представителей государственных органов.

Противоречие между декларируемыми целями и реалиями их практического воплощения в цифровом сегменте политики формирования цифровой культуры у шотландской молодежи может привести к отсутствию критического понимания реальных социальных последствий и, следовательно, недостаточности объективных цифровых потребностей, стремлений и навыков молодых шотландцев. Это важно иметь в виду при реализации национальной цифровой стратегии Шотландии, опубликованной еще в 2017 году. В ней подчеркивается необходимость выработки прогностического подхода к обучению молодежи, который бы давал возможность формировать у молодых граждан готовность осваивать в недалекой перспективе пока еще несуществующие профессии, появление которых станет следствием развития цифровых технологий [39, р. 24]. Сказанное означает, что отсутствие критического и достоверного анализа социокультурного воздействия цифровых технологий на молодое поколение Шотландии ведет к ошибочным оценкам этого воздействия, что, в свою очередь, может лишить управленческие структуры возможности принимать необходимые стратегические решения, направленные на проблемы, наличие которых нужно учиться прогнозировать [39, р. 24].

Таким образом, чтобы удовлетворить цифровые потребности молодых шотландцев в XXI веке, важно получить критическое и целостное понимание социокультурного воздействия (положительного и отрицательного) современной цифровой культуры на молодежь и всё шотландское общество.

В любом случае, необходимы дополнительные исследования, чтобы проанализировать широкий спектр социокультурных воздействий, которые могут возникнуть в рамках цифровых проектов при работе с молодежью. Исследователи должны принять идею возможности выхода за рамки своих

дисциплин, чтобы получить доступ к междисциплинарному инструментарию научного осмысления мультимодального человеческого опыта вовлеченности в современную цифровую культуру.

Еще раз отметим, что исследования в сфере осмысления цифровой культуры молодежи и цифрового сегмента в молодежной работе проводятся к северу от английской границы уже много лет [45]. Поэтому, на наш взгляд, кейс Шотландии не только возможно, но и полезно изучать для осмысления цифрового опыта в собственной стране. Однако, при этом, более важным для всех заинтересованных сторон должно стать понимание разных аспектов воздействия цифровых технологий на молодое поколение как целостного процесса, в ходе которого могут возникать как положительные, так и отрицательные социокультурные последствия.

References

1. 5Rights Youth Commision. Our Digital Rights. Edinburgh. Retrieved 10 May 2018. URL: https://5rightsfoundation.com/static/Five_Rights_Report_2017_May.pdf (20.06.2023).
2. Aiken M. The cyber effect: A pioneering cyber-psychologist explains how human behavior changes online. London: John Murray (Publishers). 2017. 400 p.
3. Anderson M., Jiang J. Teens, social media & technology 2018. Pew Research Center, 31, 2018. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2018/05/31/teens-social-media-technology-2018> (20.06.2023).
4. Batsleer J.R., Davies B. What is youth work? Exeter: Learning Matters. 2010. 192 p.
5. Black J., Castro J., Lin C. Youth practices in digital arts and new media: Learning in formal and informal settings. Springer. 2015. 127 p.
6. Blum-Ross A. Filmmakers/educators/facilitators? Understanding the role of adult intermediaries in youth media production in the UK and the USA. Journal of Children and Media. 2015. Vol. 9. №3. P. 308-324.
7. Boyd D. It's complicated: The social lives of networked teens. London: Yale University Press. 2014. 390 p.
8. Buckingham D. Youth, Identity, and Digital Media. Cambridge, MA: MIT Press. 2008. 206 p.
9. Charmaz K. Constructing Grounded Theory. SAGE, 2014. 416 p.
10. Checkoway B. What is youth participation? Children and Youth Services Review. 2011. Vol. 33. №2. P. 340-345.
11. Coates H.L. Disadvantaged youth in Southern Scotland experience greater barriers to information access resulting from poor technology skills, information literacy, and social structures and norms. Evidence Based Library and Information Practice. 2016. Vol. 11. №4. P. 75-78.

12. Declaration of the 2nd European Youth Work Convention, Brussels. 2015. 10 p.
13. European Commission. Developing digital youth work Policy recommendations, training needs and good practice examples. Brussels. Retrieved 10 May 2018. URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/fbc18822-07cb-11e8-b8f5-01aa75ed71a1> (20.06.2023).
14. Fardouly J., Diedrichs P., Vartanian L., Halliwell E. Social comparisons on social media. The impact of Facebook on young women's body image concerns and mood. 2015. Vol. 13. P. 38-45.
15. Hargittai E., Marwick, A. "What Can I Really Do?": Explaining Online Apathy and the Privacy Paradox. *International Journal of Communication*. 2015. Vol. 10. №2016. P. 3737-3757.
16. Harvey C. Using ICT, digital and social media in youth work. National Youth Council of Ireland 2016. Retrieved 11 April 2018. URL: <https://www.youth.ie/wp-content/uploads/2019/02/Screenagers-rapport-2016-1.pdf> (20.06.2023).
17. Herring S.C. "Questioning the Generational Divide: Technological Exoticism and Adult Constructions of Online Youth Identity". *Youth, Identity, and Digital Media*. Edited by David Buckingham. The John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Series on Digital Media and Learning. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. P. 71-92.
18. Idrees I., Vasconcelos A., Cox A. The use of Grounded Theory in PhD research in knowledge management: a model four stage research design. *Aslib Proceedings*. 2011. Vol. 63. №3. P. 188-203.
19. Ito M. *Living and learning with new media: Summary of findings from the digital youth project*. Cambridge, MA: MIT Press. 2009. 124 p.
20. Ito M., Gutiérrez K., Livingstone S., Penuel B., Rhodes J., Salen K., Watkins S. *Connected learning: An agenda for research and design*. Digital Media and Learning Research Hub. Retrieved 10 June 2016. URL: https://dmlhub.net/wp-content/uploads/files/Connected_Learning_report.pdf (20.06.2023).
21. Jones M., Alony I. Guiding the Use of Grounded Theory in Doctoral Theses. *International Journal of Doctoral Studies*. 2011. Vol. 6. P. 95-114.
22. Koh K. Adolescents' information-creating behavior embedded in digital Media practice using scratch. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2013. Vol. 64. №9. P. 1826-1841.
23. Lemke J. *Documenting and assessing learning in informal and media-rich environments*. Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press. 2015. 162 p.
24. Little L., Fitton D., Bell B., Toth, N. *Perspectives on HCI Research with Teenagers*. Springer Cham. 2018. 278 p.
25. Livingstone S. Digital learning and participation among youth: critical reflections on future research priorities. *International journal of learning and media*. 2010. Vol. 2. №2-3. P. 1-13.

26. Livingstone S., Third A. Children and young people's rights in the digital age: An emerging agenda. *New Media and Society*. 2017. Vol. 19. №5. P. 657-670.
27. Lyons A., McCreanor T., Goodwin I., Barnes H. Youth drinking cultures in a digital world: Alcohol, social media and cultures of intoxication. Routledge. London, New York. 2017.
28. Mackrill T., Ebsen F. Key misconceptions when assessing digital technology for municipal youth social work. *European Journal of Social Work*. 2018. Vol. 21. №6. P. 942-953.
29. McGillivray D., McPherson G., Jones J., McCandlish A. Young people, digital media making and critical digital citizenship. *Leisure Studies*. 2016. Vol. 35. №6. P. 724-738.
30. Mclaverty P., Baxter G., MacLeod I., Tait E., Göker A., Heron M. New Radicals: Digital Political Engagement in Post-Referendum Scotland. Final Report on Pilot Project to the Communities and Culture Network. 2015. P. 1-31.
31. Miller L.N. Evidence Based Library and Information Practice. *Evidence Based Library and Information Practice*. 2015. Vol. 10. №1. P. 89-91.
32. Mowbray J., Hall H., Raeside R., Robertson P. Job search information behaviours: An ego-net study of networking amongst young job-seekers. *Journal of Librarianship and Information Science*. 2018. Vol. 50. №3. P. 239-253.
33. Neff J., Potts L., Whithaus C. Collaborative Methodologies for New Media Research. *Collaborative Approaches to the Digital in English*. 2009. 43 p. URL: https://ccdigitalpress.org/book/cad/Ch1_Neff_Potts_Whithaus.pdf (24.07.2023).
34. Ofcom. Internet users, UK: 2018. Office for National Statistics, 8. Retrieved on 20 September 2018. URL: <https://www.ons.gov.uk/businessindustryandtrade/itandinternetindustry/bulletins/internetusers/2018> (20.06.2023).
35. Prensky M. H. sapiens digital: From digital immigrants and digital natives to digital wisdom. *Innovate: Journal of Online Education*. 2009. Vol. 5. №3. P. 1-11.
36. Selwyn N. Looking beyond learning: Notes towards the critical study of educational technology. *Journal of computer assisted learning*. 2010. Vol. 26. №1. P. 65-73.
37. Skinner H., Biscope S., Poland B. Quality of internet access: barrier behind internet use statistics. *Social Science & Medicine*. 2003. Vol. 57. №5. P. 875-880.
38. STEP. Mobile Children, Young People and Technology Project. An exploratory study of mobile cultures' use of digital technology and new media for living and learning. Retrieved on 3 September 2017. URL: <http://www.step.education.ed.ac.uk/wp-content/uploads/2015/08/YPTech-Report-.pdf> (20.06.2023).
39. The Scottish Government. Scottish household survey 2016: annual report. Retrieved 11 October 2017. URL:

<https://www.gov.scot/publications/scotlands-people-annual-report-results-2016-scottish-household-survey/> (20.06.2023).

40. Walsh D., Downe S. Meta-synthesis method for qualitative research: a literature review. *Journal of advanced nursing*. 2005. Vol. 50. №2. P. 204-211.

41. Wilson G., Grant A. A digital world for all?. Findings from a programme of digital inclusion for vulnerable young people across the UK. Retrieved 11 April 2018. URL: <https://www.carnegieuktrust.org.uk/publications/digitalworld> (20.06.2023).

42. Woods H., Scott H. #Sleepyteens: Social media use in adolescence is associated with poor sleep quality, anxiety, depression and low self-esteem. *Journal of Adolescence*. 2016. Vol. 51. June. P. 41-49.

43. Wright S. Digital chief: We need to bridge the skills gap. *The Herald*. Retrieved 10 December 2018. URL: https://www.heraldsotland.com/business_hq/17214763.digital-chief-we-need-to-bridge-the-skills-gap/ (20.06.2023).

44. Young S. Get Informed. Retrieved 10 May 2018. URL: <https://young.scot/get-informed> (20.06.2023).

45. Youth Link Scotland. Digital Youth Work. Retrieved 10 May 2018. URL: <https://www.youthlinkscotland.org/develop/developing-knowledge/digital-youth-work/> (20.06.2023).

СТАТЬИ

О.Г. Щенина

O. Shchenina

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СОСТАВЛЯЮЩУЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE EDUCATIONAL COMPONENT OF THE STATE YOUTH POLICY

Аннотация

В статье представлены результаты исследования цифровой трансформации образования в ракурсе государственной молодежной политики. Статья посвящена изучению прикладных аспектов цифровой трансформации общества в области государственной молодежной политики.

Цифровая трансформация образовательного пространства связана не только с технологическими инновациями, она имеет значительные социальные последствия, поскольку под влиянием процесса цифровизации возрастают требования к компетенциям современного человека. Обращение к анализу молодежной политики в сфере образования обусловлено теми вызовами и рисками, которые проявляются в процессе цифровизации.

Методологической основой исследования выступает совокупность методов: контент-анализ, дискурс-анализ, системный метод. Обращение к характеристике процессов становления сетевого общества, одним из проявлений которого является цифровизация, обусловило применение сетевого подхода в ходе исследования. В качестве теоретико-методологических подходов к исследованию цифровизации в частности и сетевого общества в целом следует выделить сетевой подход, который позволяет на основе использования количественных и качественных методов анализировать многоуровневую структуру

Abstract

The article presents the results of a study of the digital transformation of education from the perspective of state youth policy. The article is devoted to the study of applied aspects of the digital transformation of society in the field of state youth policy.

The digital transformation of the educational space is connected not only with technological innovations, it has significant social consequences, since under the influence of the digitalization process, the requirements for the competencies of a modern person are increasing. The appeal to the analysis of youth policy in the field of education is due to the challenges and risks that manifest themselves in the process of digitalization.

The methodological basis of the research is a set of methods: content analysis, discourse analysis, system method. The appeal to the characteristic of the processes of formation of a network society, one of the manifestations of which is digitalization, led to the use of a network approach in the course of the study. As theoretical and methodological approaches to the study of digitalization in particular and the network society as a whole, a network approach should be singled out, which allows, based on the use of quantitative and qualitative methods, to analyze the multilevel structure of connections and relations of subjects of socio-political and economic processes.

Digitalization as a global trend of moder-

связей и отношений субъектов социально-политических и экономических процессов.

Цифровизация как глобальный тренд современности видоизменяет социальные институты и социальные отношения, а также предъявляет новые требования к навыкам и компетенциям человека. Государственная молодежная политика в условиях цифровизации приобретает новые формы и модели на основе расширения использования цифровых платформ.

В процессе анализа цифровизации сделан вывод о том, что ее образовательная составляющая претерпевает существенные изменения под влиянием динамики общественного развития. Государственная молодежная политика в сфере образования направлена прежде всего на подготовку подрастающего поколения к жизни в условиях цифрового общества и формирования навыков XXI века.

Ключевые слова:

социальная реальность, сетевое общество, цифровизация, государственное управление, государственная молодежная политика, молодежь, система образования, цифровые навыки.

nity is changing social institutions and social relations, as well as making new demands on human skills and competencies. State youth policy in the context of digitalization is acquiring new forms and models based on the expansion of the use of digital platforms.

In the process of analyzing digitalization, it is concluded that its educational component is undergoing significant changes under the influence of the dynamics of social development. The state youth policy in the field of education is aimed primarily at preparing the younger generation for life in a digital-network society and the formation of skills of the XXI century.

Key words:

social reality, network society, digitalization, public administration, state youth policy, youth, education system, digital skills.

Вопросы реализации молодежной политики в условиях информационного, сетевого общества приобретают особое значение в контексте государственного управления и принятия управленческих решений. Пристальное внимание государства к социализации, обучению и воспитанию молодежи детерминировано ускоряющимися темпами общественного развития, переходом к новому технологическому укладу, трансформацией системы международных отношений в условиях глобальной турбулентности современного мира. Сложность, неопределенность протекания и перспектив развития политических, экономических, социальных процессов в социуме приводят к пониманию необходимости пересмотра подходов к формированию государственной политики.

Целью статьи является исследование влияния цифровизации на реализацию государственной молодежной политики в контексте ее образовательной составляющей. Статья посвящена изучению прикладных аспектов цифровой трансформации общества в области государственной молодежной

политики. Обращение к анализу молодежной политики в сфере образования обусловлено теми вызовами и рисками, которые проявляются в процессе цифровизации [20]. «Каскадные эффекты» [46, с. 12] динамики развития современного общества свидетельствуют о взаимосвязях и взаимозависимостях элементов социально-политических процессов, о нарастании вызовов и рисков в условиях новой социальной реальности [22].

Антропологическое измерение цифровизации на примере анализа ее влияния на социально-демографическую группу молодежи (возраст от 14 до 35 лет) позволяет сделать вывод о востребованности формирования цифровых навыков у населения в целом и молодежи в частности. Цифровая трансформация образовательного пространства связана не только с технологическими инновациями, она имеет значительные социальные последствия, поскольку под влиянием процесса цифровизации возрастают требования к компетенциям современного человека. Социальный запрос к системе образования постоянно расширяется и видоизменяется под влиянием процессов модернизации современного российского общества.

Определяющим фактором общественного развития в современном динамично развивающемся мире становится человек, поэтому возрастает значимость вложений общества и государства в человеческий капитал. Отсюда и внимание к антропологическим эффектам цифровизации, ведь она изменяет формы и виды общественных отношений практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Таким образом осуществляется конструирование новой социальной реальности в процессе становления сетевого общества.

Методологической основой исследования выступает совокупность методов: контент-анализ, дискурс-анализ, системный метод. Кроме того, обращение к характеристике процессов становления сетевого общества, одним из проявлений которого является цифровизация, обусловило применение сетевого подхода в ходе исследования.

В качестве теоретико-методологических подходов к исследованию цифровизации в частности и сетевого общества в целом следует выделить сетевой подход, который позволяет на основе использования количественных и качественных методов анализировать многоуровневую структуру связей и отношений субъектов социально-политических и экономических процессов. Кроме того, в настоящее время в социально-гуманитарном знании активно применяется междисциплинарный подход,

например исследование социальных взаимодействий и коммуникаций на основе применения топологического подхода.

Перейдем к краткому обзору литературы по теме исследования, которая представляет собой большой массив источников по государственному управлению в условиях цифровизации, а также цифровизации образования в том числе и в контексте молодежной политики. Следует выделить несколько направлений анализа используемой литературы. Во-первых, это нормативные документы по цифровой трансформации современной России, которые создают нормативно-правовую базу цифровизации, их перечень весьма обширен и представляет собой совокупность законодательных актов и программ в этой сфере [33]. Во-вторых, это исследования цифрового общества и процесса цифровизации в разных ракурсах. Так, С.В. Тихонова, С.М. Фролова проводят анализ цифрового общества на основе методов цифровой антропологии и предлагают методологию его изучения в контексте философского взгляда на цифровизацию [32]. И.И. Смотрицкая рассматривает государственное управление и его цифровую трансформацию в ракурсе цифровой экономики [30] на основе анализа современных теорий государственного управления. В.К. Левашов, О.В. Гребняк предлагают анализ цифровой трансформации общества в социокультурном аспекте в контексте изучения цифровой культуры [19]. Д.С. Артамонов характеризует новые формы социальных практик цифровой солидарности в цифровом пространстве [4]. Анализируют цифровое пространство молодежной политики в региональном контексте О.А. Бориско и К.В. Ячменник [5]. Ряд зарубежных исследователей предлагают методологические подходы к изучению вопросов электронного правительства и цифрового правительства [39; 41; 42; 43; 45; 47].

В-третьих, это исследования большого числа авторов по государственной молодежной политике и ее реализации в современных условиях. Специалисты предлагают анализ разных аспектов молодежной политики: в рамках проектного подхода [1; 21; 24], даются характеристики системы институтов молодежной политики [14], проблем и методов реализации молодежной политики и т.д. В-четвертых, это исследования эффектов цифровизации в контексте вызовов и рисков [22].

В-пятых, это исследования молодежи как социальной группы в условиях цифровизации: пристальное внимание уделяется рядом исследователей изучению ценностей молодого поколения [6], анализу комму-

никаций и каналов коммуникаций молодого поколения (прежде всего сетевых коммуникаций) [12], различным моделям работы с информацией и вопросам информационной грамотности молодого поколения [44], вопросам цифрового гражданства [7; 28] и политической деятельности в цифровом пространстве [40; 45] и т.д.

Существенное влияние на систему государственного управления оказывают цифровизация и сетевизация общества, преобразующие систему социальных взаимодействий, социальных отношений, их коммуникативную и коммуникационную составляющие. Ведь цифровые технологии «опосредуют весь комплекс социальных отношений, связывая государство, организации, индивидов» [32, с. 287]. Таким образом, в процессе цифровизации происходит формирование цифрового государства и осуществляется цифровизация государственного управления [11, с. 253].

Представляется возможным предположить, что цифровизация может выступить драйвером для эффективной реализации политики целого ряда направлений государственного управления, прежде всего в сфере молодежной политики [13]. Ведь цифровизация влечет за собой не только инновации в области внедрения в повседневность цифровых технологий, ее социальные последствия весьма значительны [3]. Прежде всего становятся востребованы инвестиции в человеческий капитал как определяющий фактор общественного развития. Поэтому вложения государства и общества в разных формах и проявлениях в молодое поколение посредством реализации государственной молодежной политики представляют собой оптимальные инвестиции в будущее страны.

Широкий спектр литературы по государственному управлению в контексте цифровизации [31] посвящен прежде всего вопросам предоставления государственных услуг на основе использования цифровых технологий и платформ. Высказываются идеи о новом качестве государственного управления на основе цифровизации, которая способствует повышению эффективности деятельности органов государственной власти [30]. Следует отметить, что цифровая трансформация государства обозначена как одна из приоритетных национальных целей развития страны в Указе Президента РФ В.В. Путина [33].

Вместе с тем осуществляется не только технологическая модернизация взаимодействий государства и граждан, цифровизация привносит в повестку дня вопросы качественных преобразований политических, соци-

альных, экономических институтов [9; 10]. То есть цифровизация как глобальный тренд современности видоизменяет социальные институты и социальные отношения, а также предъявляет новые требования к навыкам и компетенциям человека.

Специалисты отмечают «гуманитарно-технический характер» процесса цифровизации, тем самым подчеркивая значимость ее антропологической составляющей [29, с. 16]. Таким образом, еще одной стороной анализа процесса цифровизации становится ее гуманитарная экспертиза в контексте не только ее технологической, но и социальной составляющих. Востребованность в современном мире гуманитарной экспертизы обусловлена нарастанием по экспоненте вызовов и рисков в современном мире и поисками путей их преодоления.

Как известно, к одной из наиболее мобильных социальных групп, которые быстрее других адаптируются к социальным инновациям, относится молодежь. Государственная молодежная политика в условиях цифровизации приобретает новые формы и модели на основе расширения использования цифровых платформ. Они обеспечивают увеличение возможностей участия молодых людей практически во всех сферах жизнедеятельности общества [8; 18; 27; 38]. Очевидно, что государственная молодежная политика реализуется в самых разных областях: в образовании, здравоохранении, спорте и других сферах, предоставляя молодежи широкие возможности для самореализации и саморазвития.

Одним из важнейших элементов государственной молодежной политики является образовательная политика, которая прежде всего ориентирована на молодое поколение, его образование и воспитание. Деятельность системы российского образования направлена на осуществление широкого спектра функций: культурно-мировоззренческой, социально-политической, нравственного развития молодого поколения, социализации личности и др. На основе реализации системного-деятельностного подхода как парадигмы современного российского образования формируются необходимые для жизни в цифровом, сетевом обществе компетенции и навыки.

Кроме того, перед системой образования сегодня стоят задачи формирования российской гражданской идентичности, патриотизма, ценностных ориентаций, мировоззрения молодых людей, развитие их личности. Это по сути «вечные задачи» для образования в любой стране, однако

они приобретают особые смыслы в условиях стремительно изменяющейся реальности. При этом следует отметить, что процессы цифровизации и сетевизации оказывают значительное влияние на воплощение этих задач в жизнь в условиях новой социальной реальности.

Для современного человека становятся все более востребованными навыки работы с информационными потоками в изменяющейся внешней среде. Их значимость для жизни современного человека подтверждают и результаты опроса ВЦИОМ 22 февраля 2022 года «Жить полной жизнью: как и с кем?» - 20% опрошенных, то есть каждый пятый, указали на то, что не представляют свою жизнь без информации и новых знаний [2].

Навыки работы с информацией в настоящее время становятся одними из важнейших характеристик компетенций современного человека. В российской системе образования их формированию уделяется особое внимание на основе системно – деятельностного подхода, который делает акцент на результатах образовательной деятельности. Например, на уровне общего и среднего общего образования к ним относятся личностные, предметные и метапредметные результаты. В условиях цифровизации образования трансформируются методики преподавания, происходит обновление содержания образования. И ответы на «вечные вопросы» образования: зачем учить? чему учить? Как учить? приобретают новые смыслы [23].

Современные образовательные технологии изменяют формы взаимодействия по линии учитель-ученик, происходит переход от субъект-объектных отношений к субъект-субъектным отношениям. Таким образом, организация образовательного процесса направлена на сотрудничество учителя и ученика, сотворчество и поиск знаний во взаимодействии на основе организации самостоятельной деятельности учеников, поскольку обучение носит лично – ориентированный характер.

Многообразные формы интерактивных технологий и методик в образовании позволяют сформировать универсальные учебные действия (УУД) у учащихся: познавательные, коммуникативные, регулятивные. УУД относятся к метапредметным результатам обучения и формируются на разных предметах в школе. Остановимся на познавательных действиях, которые включают базовые логические действия, исследовательские действия и работу с информацией. Как упоминалось выше, умение работать с информационными источниками, анализировать информацию, находить

ее в огромных информационных потоках, то есть осуществлять информационный поиск, умение ее интерпретировать относится к наиболее востребованным навыкам современного человека.

Обратимся к характеристике не менее значимого понятия при анализе компетенций современного человека – это вопросы его грамотности в самых разных областях. Специалисты выделяют около сотни видов грамотности: информационная, цифровая, сетевая, медиаграмотность, финансовая, читательская, функциональная и т.д. В рамках рассматриваемой темы обратимся к определению новой грамотности – это «способность общаться с миром, понимать его сигналы, обрабатывать информацию» [34, с. 38].

Что же касается цифровой грамотности, то она рассматривается как «набор знаний, умений и навыков, которые необходимы для жизни в современном мире, для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов интернета» [15]. В соответствии с Паспортом федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» 38% населения нашей страны обладают цифровой грамотностью [25]. Поэтому одна из задач, которая стоит в настоящее время перед системой образования – это увеличение доли населения, обладающего цифровой грамотностью. Следует отметить, что она реализуется в образовательной политике государства, в том числе и посредством образовательной составляющей государственной молодежной политики.

Тем самым в повестке дня сетевого общества для системы образования насущным является вопрос формирования в том числе и цифровых навыков молодежи. ««Цифровые навыки — компетенции населения в области применения персональных компьютеров, интернета» [35]. Таким образом, задача формирования и развития цифровых навыков молодого поколения на основе компетентностного подхода становится одной из составляющих государственной молодежной политики в области образования. Ведь они необходимы для трудоустройства, участия в политической жизни, самореализации и т.д., Сложно назвать сферу деятельности современного человека, в которой эти навыки и компетенции не были бы востребованы.

Об уровне цифровых компетенций россиян позволяют судить результаты еще одного опроса ВЦИОМ «Цифровая грамотность и удаленная работа в условиях пандемии» [36]. Какие же цифровые компетенции ока-

зались по мнению россиян наиболее развитыми? Наиболее высоко россияне оценили следующие цифровые навыки, которыми они обладают: умение фотографировать на телефон или гаджет; умение искать информацию в интернете; умение снимать видео на телефон; умение совершать звонки и переписываться в мессенджерах; умение пользоваться электронной почтой.

К наименее сформированным цифровым навыкам по мнению россиян относятся: умение устанавливать и настраивать программное обеспечение; умение редактировать фотографии; умение готовить презентации; умение делать монтаж видео [36].

Доля опрошенных с высоким уровнем цифровых навыков составила 32% от числа всех респондентов. Эти данные коррелируют с результатами опроса исследовательского центра НАФИ «Цифровая грамотность россиян: исследование 2020» [37], который проводился в период с 2018 по 2020 годы – высоким уровнем цифровой грамотности обладает около трети населения страны 27%. Таким образом, задача формирования цифровых компетенций россиян и прежде всего молодого поколения [17] является одной из важнейших для системы образования.

По данным исследований ВШЭ «Индикаторы цифровой экономики 2021» [16] россияне преимущественно использовали интернет для коммуникации, звонков, общались в социальных сетях. Следовательно, цифровизация, изменяя каналы коммуникаций, не только переформатирует систему коммуникаций, но и ставит в повестку дня вопросы формирования цифровых навыков и цифровой грамотности.

Государственная молодежная политика в пространстве становления сетевого, цифрового общества приобретает новые формы, появляются инновационные модели и практики. В области реализации государственной молодежной политики все чаще используется проектный подход, реализуемый в том числе и посредством государственных программ и проектов. Например, проекты «Социальная активность», «Цифровая культура», национальная программа «Цифровая экономика РФ».

Цифровизация становится неотъемлемой частью жизни практически каждого современного человека, однако для молодых людей она имеет особый смысл, поскольку она создает новую реальность – виртуальную. Новая социальная реальность представляет собой дуализм социальной и виртуальной реальностей, которые в равной мере важны для молодого

поколения. То есть реальная и «цифровая» жизнь в сознании молодежи неразделимы и составляют единое целое. Следовательно, повседневность молодежи представляет собой симбиоз реальных и виртуальных, в том числе и цифровых, социальных практик.

Формирующаяся на наших глазах новая социальная реальность воплощается в «новой нормальности», которая фактически является средой жизнедеятельности для молодого поколения.

В процессе анализа цифровизации можно сделать вывод о том, что ее образовательная составляющая претерпевает существенные изменения под влиянием динамики общественного развития. Государственная молодежная политика в сфере образования направлена прежде всего на подготовку подрастающего поколения к жизни в условиях цифро-сетевого общества и формирования навыков XXI века.

Литература

1. Авдеева А.В. Проектный подход как способ государственного управления, нацеленного на результат // International Journal of Humanities and Natural Sciences. Vol. 10-1 (61). 2021. P. 190-193.

2. Аналитический обзор «Жить полной жизнью: как и с кем?» // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-polnoi-zhiznju-kak-i-s-kem> (дата обращения 19.06.2023).

3. Аптекман А., Калабин В., Клинцов В., Кузнецова Е., Кулагин В., Ясеновец И. Цифровая Россия: новая реальность // McKinsey Россия. Июль 2017. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/locations/europe20and%20middle20east/russia/our20insights/digital20russia/digital-russia-report.ashx> (дата обращения 19.06.2023).

4. Артамонов Д.С. Новая цифровая солидарность и «реабилитация» толпы // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 124–129.

5. Бориско О.А., Ячменник К.В. Цифровое пространство молодежной политики (кейс Краснодарского края) // Социально-политические исследования. 2022. №3(16). С. 47-64.

6. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Синяков А.В., Азаров А.А. Взаимосвязь ценностного и компетентностного выбора молодежи в условиях цифровизации: результаты всероссийского исследования (2018 г.) // Ценности и смыслы. 2019. №2(60). С. 76-104.

7. Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. 2019. №4. 65-69.

8. Бронников И.А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. №2. С. 269-285.

9. Володенков С.В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №5. С. 341-364.

10. Володенков С.В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. №2. С. 6-24.

11. Гаман-Голутвина О.В., Сморгун Л.В., Тимофеева Л.Н. Траектории политического развития России // Власть. 2020. №4. С. 253-258.

12. Гужова И.В. Культура сетевых коммуникаций цифрового поколения в контексте современных концепций цифровой грамотности (на материалах онлайн-фокус-группы со студентами) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. №1(31). С. 30-39.

13. Драйверы роста экономики: человеческий капитал, наука, технологии // Вольное экономическое общество России. URL: <https://www.veorus.ru/события/хроника-мероприятий/drayvery-rosta-ekonomiki-chelovecheskiy-kapital-nauka-tekhnologii/> (дата обращения 19.06.2023).

14. Зуляр Р.Ю. Основные институты постсоветской государственной молодежной политики // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2012. №2(9), ч. 1. С. 96-105.

15. Индекс цифровой грамотности граждан РФ // Фонд президентских грантов. 2017. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=0c6bb104-f0f4-4a5c-86e3-49c405af9940> (дата обращения 19.06.2023).

16. Индикаторы цифровой экономики: 2021: статистический сборник / Г. И. Абдрахманова Москва: НИУ ВШЭ, 2021. - 380 с.

17. Ишмуратова Д.Ф. Цифровая грамотность молодежи: анализ отдельных элементов // Теория и практика общественного развития. 2022. №1. С. 83-86.

18. Козлов С.Е. Интернет-активизм как форма политического участия в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. Вып. 79. С. 154-169.

19. Левашов В.К., Гребняк О.В. Цифровая культура российского общества и государства // Социологические исследования. 2020. №5. С. 79-89.

20. Малинецкий Г.Г. Риски цифрового мира // Проектирование цифрового будущего. Научные подходы. Москва: Техносферв, 2020. С. 214-238.

21. Мирошниченко И.В., Шпиро Л.А., Федоренко К.А. Проектный подход в государственной молодежной политике РФ: институциональные практики и потенциал развития // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. №1. С. 26-47.

22. Михайленок О. М., Малышева Г. А. Пандемия COVID-19 – новый этап цифровой трансформации общества // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7. №1. С. 28-39.

23. Михайленок О.М., Щенина О.Г. Образование в сетевом обществе: навыки XXI века // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 19 / М.К. Горшков. Москва: Новый Хронограф, 2021. С. 199-218.

24. Османова М.А. Государственная молодежная политика: проектный подход // Journal of Economy and Business. Vol. 2-1 (84). 2022. P. 140-143.

25. Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» от 04.06. 2019 года. // Методические материалы национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации. URL: <https://digital.ac.gov.ru/materials/passport/> (дата обращения 19.06.2023).

26. Путин В.В. Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» 21 июля 2020 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 19.06.2023).

27. Пырма Р.В. Концепция гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. 2020. №2. С. 74-81.

28. Пырма Р.В. Политические грани цифрового гражданства // Власть. 2019. №4. С. 69-78.

29. Сморгун Л.В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. 2021. №3. С. 13-36.

30. Смотрицкая И.И. Государственное управление в условиях развития цифровой экономики: стратегические вызовы и риски // Этап: Экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 4. С. 60-72.

31. Современная политическая реальность государство: сложные методы исследований: монография / Л.В. Сморгун, Е.В. Морозова, А.И. Кольба. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. 260 с.

32. Тихонова С.В., Фролова С.М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 287–290.

33. Указ Президента РФ от 09.05.2017 №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. №20.

34. Универсальные компетентности и новая грамотность: от лозунгов к реальности / под ред. М.С. Добряковой, И.Д. Фрумина. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 472 с.

35. Цифровые навыки населения. // Институт стратегических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. 2017. URL: <https://issek.hse.ru/news/207284687.html> (дата обращения 19.06.2023).

36. Цифровая грамотность и удаленная работа в условиях пандемии. // ВЦИОМ. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10280> (дата обращения 19.06.2023).

37. Цифровая грамотность россиян: исследование 2020 // НАФИ. Аналитический центр. 2020. URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения 19.06.2023).

38. Электронное участие: концептуализация и практика реализации в России / А.В. Чугунов, О.Г. Филатова. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. 254 с.

39. Benay A. Government Digital: The Quest to Regain Public Trust. Toronto: Dundurn Press. 2018. 224 p.

40. Bimber B. Digital Media and Citizenship. – The SAGE Handbook of Political Communication (ed. by H.A. Semetko, M. Scammell). London: SAGE Publications Ltd. 2012. P. 115-126.

41. Clarke A. Digital Government Units: What Are They, and What Do They Mean for Digital Era Public Management Renewal? International Public Management Journal. Vol. 23. Is. 3. P. 358–379.

42. Delcambre L., Giuliano G. Digital Government Research in Academia. Computer. 2005. Vol. 38. No.12. P. 33–39.
43. Garson G. David. Public Information Technology and E-Governance: Managing the Virtual State. Sudbury, MA: Jones and Bartlett Publisherst, 2006. 541 p.
44. Huvila I. The Complete Information Literacy? Unforgetting Creation and Organisation of Information. Journal of Librarianship and Information Science. 43 (4). 2011. P. 237–245.
45. Jorba L., Bimber B. The Impact of Digital Media on Citizenship from a Global Perspective. Digital Media and Political Engagement Worldwide: A Comparative Study (Communication, Society and Politics). Cambridge: Cambridge University Press. 2012. P. 16-38.
46. Schwab K., Malleret T. COVID-19: the great reset. World Economic Forum. Geneva, 2020. 212 p.
47. West Darrell M. Digital Government: Technology and Public Sector Performance. New Jersey: Princeton University Press, 2005. 256 p.

References

1. Avdeeva A.V. Proektnyi podkhod kak sposob gosudarstvennogo upravleniya, natselennogo na rezul'tat. International Journal of Humanities and Natural Sciences. Vol. 10-1 (61). 2021. R. 190-193.
2. Analiticheskii obzor «Zhit' polnoi zhizn'yu: kak i s kem?». VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-polnoi-zhiznju-kak-i-s-kem> (data obrashcheniya 19.06.2023).
3. Aptekman A., Kalabin V., Klintsov V., Kuznetsova E., Kulagin V., Yasenovets I. Tsifrovaya Rossiya: novaya real'nost'. McKinsey Rossiya. Iyul' 2017. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/locations/europe20and%20middle20east/russia/our20insights/digital20russia/digital-russia-report.ashx> (data obrashcheniya 19.06.2023).
4. Artamonov D.S. Novaya tsifrovaya solidarnost' i «reabilitatsiya» tolpy. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2019. T. 19. Vyp. 2. S. 124–129.
5. Borisko O.A., Yachmennik K.V. Tsifrovoe prostranstvo molodezhnoi politiki (keis Krasnodarskogo kraja). Sotsial'no-politicheskie issledovaniya. 2022. №3(16). S. 47-64.
6. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Pyrma R.V., Sinyakov A.V., Azarov A. A. Vzaimosvyaz' tsennostnogo i kompetentnostnogo vybora molodezhi v usloviyakh tsifrovizatsii: rezul'taty vserossiiskogo issledovaniya (2018 g.). Tsennosti i smysly. 2019. №2 (60). S. 76-104.

7. Brodovskaya E.V. Tsifrovye grazhdane, tsifrovoe grazhdanstvo i tsifrovaya grazhdanstvennost'. Vlast'. 2019. №4. 65-69.

8. Bronnikov I.A. Samoorganizatsiya grazhdan v epokhu tsifrovyykh kommunikatsii. Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pra-vo. 2020. T. 13. №2. S. 269-285.

9. Volodenkov S.V. Vliyanie tekhnologii internet-kommunikatsii na sovremennye obshchestvenno-politicheskie protsessy: stsenarii, vyzovy i akto-ry. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye pe-remeny. 2019. №5. S. 341-364.

10. Volodenkov S.V. Transformatsiya sovremennykh politicheskikh protsessov v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva: klyuchevye stsenarii. Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2020. T. 13. №2. S. 6-24.

11. Gaman-Goluvina O.V., Smorgunov L.V., Timofeeva L.N. Traektorii politicheskogo razvitiya Rossii. Vlast'. 2020. №4. S. 253-258.

12. Guzhova I.V. Kul'tura setevykh kommunikatsii tsifrovogo pokoleniya v kontekste sovremennykh kontseptsii tsifrovoi gramotnosti (na materialakh onlainovoi fokus-gruppy so studentami). Znak: problemnoe pole me-diaobrazovaniya. 2019. №1(31). S. 30-39.

13. Draivery rosta ekonomiki: chelovecheskii kapital, nauka, tekhnologii. Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo Rossii. URL: <https://www.veorus.ru/sobytiya/khronika-meropriyatii/dravyery-rosta-ekonomiki-chelovecheskiy-kapital-nauka-tekhnologii/> (data obrashcheniya 19.06.2023).

14. Zulyar R.Yu. Osnovnye instituty postsovetskoj gosudarstvennoj molodezhnoi politiki. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universite-ta. Seriya Politologiya. Religiovedenie. 2012. №2(9), ch. 1. S. 96-105.

15. Indeks tsifrovoi gramotnosti grazhdan RF. Fond prezidentskikh grantov. 2017. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=0c6bb104-f0f4-4a5c-86e3-49c405af9940> (da-ta obrashcheniya 19.06.2023).

16. Indikatory tsifrovoi ekonomiki: 2021: statisticheskii sbornik / G. I. Abdrakhmanova Moskva: NIU VShE, 2021. - 380 s.

17. Ishmuratova D.F. Tsifrovaya gramotnost' molodezhi: analiz ot-del'nykh elementov. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2022. №1. S. 83-86.

18. Kozlov S.E. Internet-aktivizm kak forma politicheskogo uchastiya v sovremennoi Rossii. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. 2020. Vyp. 79. S. 154-169.

19. Levashov V.K., Grebnyak O.V. Tsifrovaya kul'tura rossiiskogo obshchestva i gosudarstva. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2020. №5. S. 79-89.

20. Malinetskiy G.G. Riski tsifrovogo mira. Proektirovanie tsifrovogo budushchego. Nauchnye podkhody. Moskva: Tekhnosferv, 2020. S. 214-238.

21. Miroshnichenko I.V., Shpiro L.A., Fedorenko K.A. Proektnyi podkhod v gosudarstvennoi molodezhnoi politike RF: institutsional'nye praktiki i potentsial razvitiya. Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk. 2022. T. 23. №1. S. 26-47.

22. Mikhailenok O. M., Malysheva G. A. Pandemiya COVID-19 – novyi etap tsifrovoi transformatsii obshchestva. Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Tom 7. №1. S. 28-39.

23. Mikhailenok O.M., Shchenina O.G. Obrazovanie v setevom obshchestve: navyki KhKhI veka. Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik: vyp. 19 / M.K. Gorshkov. Moskva: Novyi Khronograf, 2021. S. 199-218.

24. Osmanova M.A. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: proektnyi podkhod. Journal of Economy and Business. Vol. 2-1 (84). 2022. R. 140-143.

25. Pasport federal'nogo proekta «Kadry dlya tsifrovoi ekonomiki» natsional'noi programmy «Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii» ot 04.06. 2019 goda.. Metodicheskie materialy natsional'noi programmy «Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii. URL: <https://digital.ac.gov.ru/materials/passport/> (data obrashcheniya 19.06.2023).

26. Putin V.V. Ukaz «O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda» 21 iyulya 2020 goda. Prezident Rossii. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (data obrashcheniya 19.06.2023).

27. Pyrma R.V. Kontseptsiya grazhdanskogo aktivizma v tsifrovom prostanstve kommunikatsii. Vlast'. 2020. №2. S. 74-81.

28. Pyrma R.V. Politicheskie grani tsifrovogo grazhdanstva. Vlast'. 2019. №4. S. 69-78.

29. Smorgunov L.V. Tsifrovizatsiya i setevaya effektivnost' gosudarstvennoi upravlyaemosti. Politicheskaya nauka. 2021. №3. S. 13-36.

30. Smotritskaya I.I. Gosudarstvennoe upravlenie v usloviyakh razvitiya tsifrovoi ekonomiki: strategicheskie vyzovy i riski. Etap: Ekonomiche-skaya teoriya, analiz, praktika. 2018. № 4. S. 60-72.

31. Sovremennaya politicheskaya real'nost' gosudarstvo: slozhnye metody issledovaniy: monografiya / L.V. Smorgunov, E.V. Morozova, A.I. Kol'-ba. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2015. 260 s.

32. Tikhonova S.V., Frolova S.M. Tsifrovoe obshchestvo i tsifrovaya antropologiya: transdistsiplinarnye osnovaniya sotsial'no-epistemologicheskikh i issledovaniy. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2019. T. 19. Vyp. 3. S. 287–290.

33. Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 №203 «O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii na 2017–2030 gody». Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2017. №20.

34. Universal'nye kompetentnosti i novaya gramotnost': ot lozungov k real'nosti / pod red. M.S. Dobryakovoi, I.D. Frumina. Moskva: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2020. 472 s.

35. Tsifrovye navyki naseleniya. Institut strategicheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy NIU VShE. 2017. URL: <https://issek.hse.ru/news/207284687.html> (data obrashcheniya 19.06.2023).

36. Tsifrovaya gramotnost' i udalennaya rabota v usloviyakh pandemii. VTsIOM. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10280> (data obrashcheniya 19.06.2023).

37. Tsifrovaya gramotnost' rossiyan: issledovanie 2020. NAFI. Analiticheskii tsentr. 2020. URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (data obrashcheniya 19.06.2023).

38. Elektronnoe uchastie: kontseptualizatsiya i praktika realizatsii v Rossii / A.V. Chugunov, O.G. Filatova. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2020. 254 s.

39. Benay A. Government Digital: The Quest to Regain Public Trust. Toronto: Dundurn Press. 2018. 224 r.

40. Bimber B. Digital Media and Citizenship. – The SAGE Handbook of Political Communication (ed. by H.A. S emetko, M. S cammell). London: SA GE Publications Ltd. 2012. P. 115-126.

41. Clarke A. Digital Government Units: What Are They, and What Do They Mean for Digital Era Public Management Renewal? International Public Management Journal. Vol. 23. Is. 3. P. 358–379.

42. Delcambre L., Giuliano G. Digital Government Research in Academia. Computer. 2005. Vol. 38. No.12. P. 33–39.

43. Garson G. David. Public Information Technology and E-Governance: Managing the Virtual State. Sudbury. MA: Jones and Bartlett Publisherst, 2006. 541 p.

44. Huvila I. The Complete Information Literacy? Unforgetting Creation and Organisation of Information. Journal of Librarianship and Information Science. 43(4). 2011. P. 237–245.

45. Jorba L., Bimber B. The Impact of Digital Media on Citizenship from a Global Perspective. Digital Media and Political Engagement Worldwide: A Comparative Study (Communication, Society and Politics). Cambridge: Cambridge University Press. 2012. P. 16-38.

46. Schwab K., Malleret T. COVID-19: the great reset. World Economic Forum. Geneva, 2020. 212 p.

47. West Darrell M. Digital Government: Technology and Public Sector Performance. New Jersey: Princeton University Press, 2005. 256 p.

Б.П. Гуселетов

B. Guseletov

**ПАРЛАМЕНТСКИЕ
ВЫБОРЫ В ЭСТОНИИ:
ПОБЕДА ЛИБЕРАЛОВ И
ПОРАЖЕНИЕ
КОНСЕРВАТОРОВ**

**PARLIAMENTARY
ELECTIONS IN ESTONIA:
LIBERAL'S VICTORY AND
CONSERVATORS'S DEFEAT**

Аннотация

Статья посвящена анализу итоги очередных парламентских выборов в Эстонии, которые прошли 5 марта 2023 г. С целью выявления динамики изменения политической ситуации в этой стране было сделано сравнение результатов, которые ведущие финские политические партии добились на выборах 2019 и 2023 гг., а также дана характеристика партии, которые были представлены в парламенте в период с 2019 по 2023 гг. Представлены результаты деятельности правительства Эстонии во главе с лидером Партии реформ К. Каллас, сформированного в январе 2021 года., выявлены причины сохранения высокого рейтинга главы этого правительства среди населения и его влияние на ход избирательной кампании. Рассмотрено как пандемия коронавируса и действия правительства по преодолению ее последствий повлияли на ход и результаты выборов. Представлена позиция руководства Эстонии и ее ведущих политических партий в отношении специальной военной операции России на Украине. Дана оценка деятельности основных политических партий этой страны за прошедший после предыдущих выборов период. Рассмотрен ход избирательной кампании и ее основные темы, а также позиции тех политических партий, которые по итогам прошедших выборов прошли в парламент: Партия реформ, Консервативная народная партия, партия Отечество, Центристская партия, Социал-демократическая партия, а также партия Эстония 200. Представлен анализ итогов выборов и показаны возможные варианты формирования нового коалиционного правительства Эстонии. Проанализированы итоги формирования нового правительства этой страны и отмечены основные проблемы, стоящие перед ним.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the results of the regular parliamentary elections in Estonia, which were held on March 5, 2023. In order to identify the dynamics of changes in the political situation in this country, a comparison was made of the results that the leading Finnish political parties achieved in the elections of 2019 and 2023, as well as a description of the parties that were represented in parliament in the period from 2019 to 2023. The results of the activities of the Estonian government headed by the leader of the Reform Party K. are presented. The Callas, formed in January 2021, revealed the reasons for maintaining the high rating of the head of this government among the population and its influence on the course of the election campaign. It is considered how the coronavirus pandemic and the government's actions to overcome its consequences affected the course and results of the elections. The position of the leadership of Estonia and its leading political parties regarding Russia's special military operation in Ukraine is presented. The assessment of the activities of the main political parties of this country over the period since the previous elections is given. The course of the election campaign and its main topics are considered, as well as the positions of those political parties that were elected to parliament following the results of the last elections: the Reform Party, the Conservative People's Party, the Fatherland Party, the Centrist Party, the Social Democratic Party, as well as the Estonia 200 party. The analysis of the election results is presented and possible options for the formation of a

new coalition government of Estonia are shown. The results of the formation of the new government of this country are analyzed and the main problems facing it are noted.

Ключевые слова:

Эстония, выборы, парламент, правительство, политические партии, Кая Каллас.

Key words:

Estonia, elections, parliament, government, political parties, Kaya Kallas.

28 ноября 2022 г. президент Эстонии Алар Карис объявил своим указом о проведении 5 марта 2023 года очередных парламентских выборов, на которых должны были избираться 101 депутат однопалатного парламента страны Рийгикогу. О своем желании принять участие в этих выборах заявили 9 политических партий и 11 независимых кандидатов.

Партийно-политическая система Эстонии

Эстония является парламентской республикой, в которой ключевая политическая фигура страны – это премьер-министр или глава правительства, избираемый депутатами парламента (Рийгикогу) по итогам выборов, проводимых каждые 4 года. Выборы депутатов Рийгикогу проводятся по системе пропорционального голосования в 12 многомандатных округах, в каждом из которых избирается от 5 (округ Ляэне-Вирумаа) и до 16 (округа Харью и Рапла) депутатов. Избиратели могут по своему усмотрению определять порядок кандидатов в их избирательных бюллетенях. Для распределения мест по каждому избирательному округу определяется специальный коэффициент путем деления количества действительных голосов на количество избираемых депутатов по данному округу. Кандидат, который набирает число голосов, превышающее этот коэффициент, считается избранным. Если после этого в округе остаются еще незанятые места, называемые компенсационными мандатами, их распределяют по методу д'Ондта между партиями, кандидаты от которых получили не менее 5% от общего числа голосов по всей стране. Эстонцы могут досрочно проголосовать в интернете.

Кандидат для участия в выборах должен быть не моложе 21 года. Их могут выдвигать либо политические партии (одна партия имеет право выдвигать до 125 кандидатов), либо группы избирателей. Каждый кандидат, или выдвинувшая его партия, должен внести залог в размере примерно €700, который будет ему или партии возвращен, если он наберет количество голосов

не менее половины от числа избирателей в его округа, или если партия, которая его выдвинула, набирает не менее 5% голосов по всей стране.

В предыдущем составе Рийгигогу было представлено пять партий:

- либеральная "Партия реформ" (ПРЭ), основанная в 1994 году бывшим премьер-министром (с 2002 по 2005 гг.) и главой Центробанка С. Калласом. С апреля 2018 года. партию возглавила его дочь Кайя Каллас, которая являлась действующий премьер-министр. Партия является членом общеевропейской партии "Альянс либералов и демократов за Европу" (АЛДЕ) и имела 34 депутатских места [1];

- социал-либеральная "Центристская партия" (ЦПЭ), созданная в 1991 году и возглавляемая с 2016 г. бывшим мэром Таллина (2005-2007 гг.), вице-спикер Рийгигогу (2007-2016 гг.), премьер-министром (2016-2021 гг.) и спикером Рийгигогу (2021-2023 гг.) Юри Ратасом. Эта партия очень популярна среди русскоязычного меньшинства страны, также является членом АЛДЕ и имела 26 депутатов [1];

- правопопулистская антиевропейская "Консервативная народная партия" (КНПЭ) созданная в 2012 году в результате объединения аграрно-центристской партии "Народный союз Эстонии" и право националистического "Эстонского национального движения". С 2020 г. КНПЭ возглавляет бывший министра финансов в правительстве Ратаса (2019-2021 гг.) М. Хельме. Партия является членом европартии "Идентичность и Демократия" и имела 19 депутатских мест [1];

- правоцентристская, христианско-демократическая и консервативная партия "Отечество", созданная в 2008 г., возглавляемая с 2017 г. бывшим депутатом Рийгигогу (с 2007 по 2023 гг.) и министром сельского хозяйства (2007-2014 гг.) Х.-В. Сэдером. Партия является членом Европейской народной партии (ЕНП) и имела 12 депутатских мест [1];

- левоцентристская "Социал-демократическая партия" (СДПЭ), созданная в 1990 г., возглавляемая с февраля 2022 г. бывшим депутатом Рийгигогу (с 2019 по 2022 гг.) и министром внутренних дел в правительстве Каллас (2022-2023 гг.) Л. Ляэнеметсом. Партия является членом Социалистического интернационала и Партии европейских социалистов (ПЕС) и имела 10 депутатов [1].

Формально главой Эстонии и ее высшим представителем является ее Президент, который избирается Парламентом страны на пять лет, но не более чем на два срока. Для избрания кандидата Президентом за него должно проголосовать не менее двух третей депутатов Рийгигогу. Если после трех туров

голосования Парламент ни один из кандидатов не набирает 2/3 голосов, то президента избирает Коллегия выборщиков, в которую входят депутаты Парламента и представители местных советов, из двух кандидатов, набравших наибольшее число голосов в парламенте. Кандидат в Президенты может выдвинуться, если его поддержат не менее одной пятой членов Парламента. Он должны иметь гражданство Эстонии по рождению и быть не моложе 40 лет.

Президент имеет ограниченные возможности для участия в законодательстве, издавая указы, постановления и директивы. Он может отклонить принятый парламентом закон и вернуть его обратно для повторного рассмотрения. Президент имеет собственную Канцелярию и в его ведении находится также ряд организаций консультативного характера: Академический консультативный совет при президенте, Круглый стол по региональному развитию, Президентский фонд культуры, Совет национальной обороны, Эстонская ассамблея сотрудничества и Эстонский институт памяти [2].

Нынешний президент страны Алар Карис был избран Рийгикогу 31 августа 2021 г. во 2-м туре голосования.

По итогам предыдущих парламентских выборов, прошедших 3 марта 2019 г., было сформировано коалиционное правительство во главе с Ю. Ратасом, в которое вошли ЦПЭ, партия «Отечество» и НКПЭ. Однако 13 января 2021 года Ю. Ратас заявил о своей отставке, что автоматически привело к уходу его правительства. Причиной отставки стал разразившийся коррупционный скандал в отношении ЦПЭ в связи с ее участием в проекте, связанном с недвижимостью компании Porto Franco [3].

26 января 2021 г. было объявлено о формировании нового правительства во главе с лидером ПРЭ К. Калас, в которое также вошла ЦПЭ. 3 июня 2022 года К. Каллас отправила в отставку всех министров от ЦПЭ, после чего ПРЭ продолжила в одиночку руководить правительством. Но уже 14 июля 2022 г. К. Каллас, не имея большинства в парламенте, заявила, что уходит в отставку по собственному желанию [4].

Тем не менее, после непродолжительных переговоров 18 июля 2022 г. было достигнуто соглашение между ПРЭ, СДПЭ и «Отечеством» о создании нового коалиционного правительства во главе с К. Каллас [5].

Итоги двухлетней деятельности правительства К. Каллас

Правительство К. Каллас оказалось во главе Эстонии в период с 2021 по 2022 гг., когда страна переживала трудные времена из-за энергетического

кризиса, оказавшего очень негативное влияние на экономику страны и вынудившего многие предприятия временно приостановить свою деятельность. К. Каллас долгое время отказывалась предоставлять этим предприятиям финансовую поддержку, объясняя это тем, что правительству необходимо в первую очередь принять долгосрочную программу экономического развития. Только в январе 2022 г. К. Каллас объявила наконец то о том, что ее правительство приступает к реализации плана поддержки экономики страны в размере €245 млн, который главным образом был направлен на компенсацию расходов бизнесу и рядовым гражданам в связи с ростом цен на электроэнергию.

После начала 24 февраля 2022 г. специальной военной операции (СВО) России на Украине Эстония одной из первых начала оказывать помощь украинскому правительству, направив ему уже в конце февраля 2022 г. противотанковые ракеты. Затем Каллас обратилась к руководству Евросоюз с призывом ввести санкции в отношении России после признания ею Донецкой и Луганской народных республик. Эстония также приняло наибольшее число украинских беженцев по отношению к своему населению (которое составляет 1,3 млн человек): на 24 февраля 2022 г. их число составляло примерно 124 000 человек, из которых 77 000 остались в Эстонии [6].

Успех правительства Каллас в решении экономических проблем страны и ее активность в международных делах повысили ее популярность в эстонском обществе. И это заметно повысило шансы ПРЭ на победу на выборах в апреле 2023 г.

Избирательная кампания

Во время предвыборной кампании наиболее обсуждаемыми темами были: экономическая ситуация в стране, а также проблемы национальной обороны и безопасности, связанные в основном с СВО [7]. Представители партий, участвовавших в выборах, приняли участие в предвыборных дебатах [8], прошедших в январе и феврале 2023 г. особенно высокую активность в этих дебатах проявила сравнительно молодая партия либерального толка «Эстония 200», созданная в 2018 г. бывшими членами СДПЭ и партии «Отечество». Ее лидером в 2022 г. стал журналист Лаури Хуссар, который возглавил список партии на этих выборах [9].

Лидер ПРЭ К. Каллас заявила, что считает своим главным противником КНПЭ. В своей предвыборной программе ее партия пообещала сбалансировать бюджет, добиться стабильности на рынке энергоресурсов, продолжить прием

украинских беженцев и ввести в школах уроки, посвященные вопросам национальной обороны. ПРЭ предложила также ввести единую ставку налога на уровне 10% для НДС, подоходного налога и корпоративного налога, увеличить для всех граждан налоговые льготы до €700 в месяц, продолжить приватизацию, реформировать закон о труде, увеличить минимальную пенсию на €400 евро и освободить налогов тех, кто получает среднюю пенсию, а также повысить зарплату учителей до уровня не менее 120% от средней по стране [10].

ЦПЭ предложила повысить среднюю пенсию до €1,000, поддержать предприятия, пострадавшие от энергетического кризиса, ввести прогрессивную шкалу подоходного налога, реформировать систему здравоохранения, увеличить инвестиции в инфраструктурные проекты и строительство доступного жилья, а также повысить зарплаты для тех, кто трудится на предприятиях, имеющих отношение к национальной обороне [10].

КНПЭ выступила с инициативой о снижении налогов, потребовала не повышать цены на электроэнергию и усилить поддержку многодетных семей, предложила прекратить прием беженцев и усилить пограничную службу страны. Консерваторы раскритиковали правительство Каллас за высокую инфляцию [11].

Партия «Отечество» выступила за поддержку малообеспеченных слоев населения, увеличение вложений в национальную оборону, сокращение потока беженцев и расширение преподавания на эстонском языке в сфере высшего образования. Партия предложила ввести пособие в размере €5,000 на каждого ребенка или иждивенца, а также повысить уровень зарплаты учителей до 125% от средней по стране [12].

СДПЭ предложила ввести специальный налог на оборону и увеличить налоговую нагрузку на богатых, а также создать объединенные школы, в которых эстоно- и русскоязычные ученики обучались бы вместе. Партия предложила повысить минимальную зарплату с €725 до €1000 в 2024 г., €1100 в 2025 г. и €1200 в 2026 г., направить €500 млн на поддержку предприятий, работники которых получают низкую зарплату, довести зарплату учителей до уровня не менее 130% от средней по стране и ввести пособие на рождение первого ребенка в размере €150 [12].

Наконец, партия «Эстония 200» выступила за более активное внедрение инструментов прямой демократии, а также повышение эффективности институтов представительной власти [13].

По мнению профессора политологии университета Таллинна Т. Саартса на этих выборах эстонским избирателям предстоял выбор между двумя политическими проектами: национал-консервативным, представленным КНПЭ и в меньшей степени партией «Отечество», и альтернативный ему социально-либеральный, поддержанный партиями ПРЭ, СДПЭ, ЦПЭ и партией «Эстония 200». По мнению эстонского исследователя, первая модель является антиглобалистской, и ее сторонники выступают против неконтролируемой миграции, отказа от традиционных ценностей, ослабления суверенитета страны, в том числе из-за ее членства в ЕС. А вторая модель носит либеральный характер и направлена на защиту прав и интересов всех граждан, независимо от их происхождения, и расширение сотрудничества между государствами для совместного решения глобальных проблем: экология, изменение климата, обеспечение населения планеты водой и продуктами питания и пр. [14]

Согласно последнему перед выборами опросу общественного мнения, проведенному институтом Norstat в конце февраля – начале марта 2023 г., ПРЭ должна победить на выборах с результатом 31,9% голосов. За ней следуют КНПЭ, которая могла рассчитывать на 22,8% и ЦПЭ – 18,1%. Партии «Эстония 200», СДПЭ и «Отечество» могли рассчитывать, соответственно, на 8,4%, 7,1% и 7% голосов избирателей [15].

По мнению экспертов, по итогам этих выборов возможны были бы 4 варианта правительственных коалиций [16]:

- наиболее вероятная, состоящая из ПРЭ, СДПР и «Эстония 200»;
- ПРЭ, СДПР и «Эстония 200» плюс партия «Отечество»;
- КНПЭ, ПЦЭ и партия «Отечество» в случае победы оппозиции;
- ПРЭ и ПЦЭ (наименее вероятный).

Результаты парламентских выборов в Эстонии и формирование правящей коалиции

В таблице 1 представлены результаты парламентских выборов, прошедших в Эстонии 5 марта 2023 г. и дано их сравнение с результатами предыдущих выборов, состоявшихся 03 марта 2019 г. Явка на выборах составила 63,53% что на 0,12% меньше, чем четыре года назад.

Как и ожидалось победу на них одержала «Партия реформ», получившая 31,24% голосов (на 2,31% больше, чем на предыдущих выборах) и располагающая в новом парламенте 37 депутатскими мандатами (на 3 больше). Второе место с большим отставанием от лидера заняла «Консервативная

народная партия» – 16,05% голосов (- 1,71%), у которой теперь будет 17 депутатов (- 2), на третьем месте с небольшим отрывом от КНПЭ расположилась «Центристская партия»– 15,28% (- 7,82%) голосов и 16 депутатских мандата (- 7), которая потерпела. серьезное поражение. На четвертое место неожиданно вырвалась партия «Эстония 200», которая получила 13,33% голосов (+8,97%), впервые вошла в парламент и будет иметь 14 депутата. «Социал-демократическая партия» набрала 9,27% голосов (- 0,56%) и сохранила свою фракцию в составе 9 депутатов. Партия «Отечество» оказалась на последнем 6-м месте с результатом 8,21% голосов (- 3,23%) и будет иметь только 8 депутатских мандатов (-3).

Таблица 1. Итоги выборов депутатов эстонского парламента, состоявшихся 05 марта 2023 г., и их сравнение с результатами выборов 03.03.2019 г. [17; 18]

№	Политическая партия	Число полученных голосов (% голосов)		Число депутатских мандатов	
		2023	2019	2023	2019
1.	ПРЭ	190,632 (31,24%)	162.363 (28,93%)	37	34
2.	КНПЭ	97 966 (16,05%)	99 671 (17,76%)	17	19
3.	ЦПЭ	93 254 (15,28%)	129 618 (23,10%)	16	23
4.	Эстония 200	81 329 (13,33%)	24 448 (4,36%)	14	0
5.	СДПЭ	56 584 (9,27%)	55 175 (9,83%)	9	9
6.	Отечество	50 118 (8,21%)	64 219 (11,44%)	8	11
7.	Остальные	43 918 (6,62%)	29 551 (4,56%)	0	5
10.	Всего	613 801 (100%)	565 045 (100%)	101	101

За лидера ПРЭ К. Каллас проголосовало 31 821 избирателей, что стало рекордом за всю историю Эстонии. Она опередила мэра Таллинна М. Колварта (ЦПЭ), набравшего 14 598 голосов избирателей.

Очевидно, что на результаты этих выборов большое влияние оказал конфликт на Украине. Эстония имеет с Россией границу протяженностью почти 300 км и поэтому для большинства жителей этой страны эти события были гораздо более чувствительными, чем для остальных европейцев.

Поэтому столь высокой оказалась поддержка ПРЭ и ее лидера, которая сумела урегулировать экономический кризис и заняла активную позицию в российско-украинском противостоянии.

КНРЭ и ее лидер М. Хельме выступали за на этих выборах за более примирительные отношения с Россией, предлагая прекратить поставки оружия Украине, сократить прием украинских беженцев ради защиты эстонских рабочих. Консерваторы ориентировались в том числе и на поддержку со стороны русскоязычного населения Эстонии, которое составляет 28,50% всей его численности, но видимо не смогли не убедить большинство своих соотечественников в необходимости их поддержки.

После подведения итогов выборов М. Хельме заявил, что не доверяет результатам электронного голосования и потребовал пересчета голосов. 9 марта 2023 года он подал в Верховный суд Эстонии апелляцию, в которой потребовал отменить результаты выборов из-за выявившихся «аномалий и технических ошибок в процессе электронного голосования» [19]. Однако 13 марта избирательная комиссия Эстонии рассмотрев жалобу М. Хельме, в которой «ставилась под сомнение безопасность компьютера, используемого для подсчета электронных голосов, установила, что жалоба не свидетельствует о нарушении прав Хельме как кандидата» [20].

ЦПЭ, за которую традиционно голосовали русскоязычные избиратели, заняла по итогам этих выборов лишь третье место и потеряла статус основного оппонента Партии реформ. Хотя в начале марта 2022 года эта партия ратифицировала соглашение с «Единой Россией» и осудила российскую СВО, это не помогло ей заручиться поддержкой эстонских избирателей, в том числе русскоязычных [21]. Ряд членов ЦПЭ, не поддержавшие смену партией своего курса, покинули ее ряды, в том числе бывший мэр города Нарва М. Стальнухин. Он баллотировался на выборах как независимый кандидат и едва не победил в своем округе, не добрав до примерно двести голосов [22].

Неожиданный успех партии «Эстония 200», впервые прошедшая в парламент страны, объясняется тем, что она перетянула на свою сторону голоса избирателей ЦПЭ в том числе благодаря тому, что выступила за общие школы для эстонцев и русских.

Как партия, получившая наибольшее количество мест на выборах, ПРЭ стала инициатором переговоров о формировании нового правительства, исключив участие в них КНРЭ [23]. К. Каллас пригласила 7 марта 2023 г. руководство «Эстонии 200» и СДПЭ к обсуждению состава нового коалиционного правитель-

ства [24]. 10 апреля 2023 г. эти три партии подписали коалиционное соглашение, К. Каллас вновь стала главой правительства, а 12 апреля Рийгикогу утвердил его состав, в котором ПРЭ получила портфели министров обороны, финансов, юстиции, климата, культуры и социальной защиты; «Эстония 200» - посты глав МИДа, министерства образования, а также экономики и информационных технологий, и СДПЭ – МВД, министерство регионального развития и здоровья [25]. Министром иностранных дел стал один из лидеров партии «Эстония 200» Маргус Цсахкна, Министром внутренних дел – лидер СДПЭ Лаури Ляэнеметс. Лидер партии «Эстония 200» Лаури Хуссар стал спикером Рийгикогу.

Лидер ПРЭ и премьер-министр Эстонии Кая Каллас родилась 18 июня 1977 г. В 1999 г. окончила юридический факультет Тартуского университета (диплом бакалавра), а в 2010 г. экономический факультет Эстонской школы бизнеса (диплом магистра). С 1999 г. работала адвокатом в сфере европейского и эстонского законодательства. В 2010 г. вступила в ПРЭ и в 2011 г. была избрана депутатом Рийгикогу, а в 2014 г. – депутатом Европарламента. В 2018 г. она возглавила ПРЭ, приведя к победе на парламентских выборах 3 марта 2019 г. В январе 2021 г., и она К. Каллас стала первой женщиной премьер-министром Эстонии [26]. Владеет английским, русским, финским, французским и эстонским языками.

Состоявшиеся в марте 2023 года в Эстонии парламентские выборы, ка и ожидалось завершились успехом либеральной Партии реформ действующего премьер-министра К. Каллас, а также еще одной партии либерального толка «Эстония 200» и идейно близкой к ним Социал-демократической партии. Их успех во многом был определен относительно успешной политикой предыдущего правительства Калласа по преодолению последствий пандемии коронавируса и энергетического кризиса, оказавших самое негативное последствие на экономику этой страны. Эстонские избиратели оказали поддержку этим партиям и за их прозападную позицию в вопросе поддержки Украины.

Ведущие оппозиционные партии Эстонии: Консервативная народная и Центристская, сделавшие ставку на русскоязычных избирателей не смогли заручиться их поддержкой.

Тем не менее, перед новым правительством Каллас сегодня стоят серьезные проблемы по преодолению бюджетного дефицита, вызванного милитаризацией эстонского политики, а также тратами на социальную сферу. Не менее серьезной представляется и проблема поиска альтернатив российским углеводородам, от которых Эстония отказалась вместе со всем Евросоюзом.

Литература

1. Гуселетов Б.П. Общеввропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы. Доклады ИЕ РАН. №388, Москва, 2022 г. 196 с.
2. Конституция Эстонской республики. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/estonia.pdf> (дата обращения 05.07.2023).
3. Юри Ратас уходит в отставку с поста премьер-министра. ERR.ee. 13.01.2021. URL: <https://rus.err.ee/1608071536/juri-ratas-uhodit-v-otstavku-s-posta-premer-ministra> (дата обращения 05.07.2023).
4. Кая Каллас официально объявила об отставке правительства. ERR.ee. 14.07.2023. URL: <https://rus.err.ee/1608656905/kaja-kallas-oficialno-objavila-ob-otstavke-pravitelstva> (дата обращения 05.07.2023).
5. Президент утвердил в должности новое правительство, а министры принесли присягу. ERR.ee. 18.07.2023. URL: <https://rus.err.ee/1608660565/foto-prezident-utverdil-v-dolzhnosti-novoe-pravitelstvo-a-ministry-prinesli-prisjagu> (дата обращения 05.07.2023).
6. Рофе Ж. Эстония одобрила новый пакет военной помощи для Украины. Deutsche Welle. 19.08.2022. URL: <https://amp.dw.com/ru/estonia-odobrila-novuj-paket-voennoj-pomosi-dla-ukrainy/a-62860551> (дата обращения 05.07.2023).
7. Estonia election: Soaring inflation and weapon deliveries to Ukraine top voter concerns. Euronews. 05.03.2023. URL: <https://www.euronews.com/2023/03/05/estonia-election-soaring-inflation-and-weapon-deliveries-to-ukraine-top-voter-concerns/> (дата обращения 05.07.2023).
8. Whyte A. Watch again: AmCham/FICE pre-election political party debate. 02.02.2023. ERR.ee. URL: <https://news.err.ee/1608871619/watch-again-amcham-fice-pre-election-political-party-debate> (дата обращения 05.07.2023).
9. Ehin P., Talving L. Estonia: A scene set by the preceding national election piret ehin and liisa talving / De Sio, L., Franklin, M.N. and Russo L. (eds), The European Parliament Elections of 2019, Luiss University Press, Rome, 2019.
10. Pott T. Political parties try to woo voters with tax cut promises. ERR.ee. 15.02.2023. URL: <https://news.err.ee/1608885440/political-parties-try-to-woo-voters-with-tax-cut-promises> (дата обращения 05.07.2023).
11. Tanner J. Ukraine ally Kallas fights for reelection in Estonia vote. The associated Press. 04.03.2023. URL: <https://apnews.com/article/estonia->

parliamentary-election-ukraine-russia-war-kallas-757d969e3b76312962292898c6c59bcc (дата обращения 05.07.2023).

12. Saar E. and Lauri T. Analysis: Election programs ignore problems of education inequality. ERR.ee. 28.02.2023. URL: <https://news.err.ee/1608899732/analysis-election-programs-ignore-problems-of-education-inequality> (дата обращения 05.07.2023).

13. Raiste A. Political parties pledge more direct democracy, a more efficient Riigikogu. Bruegel. 17.02.2023. URL: <https://www.bruegel.org/working-paper/state-china-european-union-economic-relations> (дата обращения 05.07.2023).

14. Саартс Т. Тынис Саартс: наши партии предпринимают странные попытки латвизировать эстонскую демократию. ERR.ee. 20.02.2023. URL: <https://rus.err.ee/1608891251/tynis-saarts-nashi-partii-predprinimajut-strannye-popytki-latvizirovat-jestonskuju-demokratiju> (дата обращения 05.07.2023).

15. REITINGUD. Norstat. 05.03.2023. URL: <https://reitingud.ee/reitingud/> (дата обращения 05.07.2023).

16. Duxbury C. Estonia's incumbent leader Kaja Kallas on course for election win. POLITICO.EU. 06.03.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/estonia-election-incumbent-prime-minister-kaja-kallas-ekre-reform-party-on-course-for-win/> дата обращения 05.07.2023).

17. Hääletamis - ja valimistulemus. Web site of Estonian electoral committee. 08.03.2023. URL: <https://rk2023.valimised.ee/et/election-result/index.html> (дата обращения 05.07.2023).

18. Eesti Vabariik kokku. Web site of Estonian electoral committee. 20.04.2020. URL: <https://rk2019.valimised.ee/et/election-result/election-result.html>. (дата обращения 05.07.2023).

19. EKRE appeals e-vote result at Supreme Court. ERR.ee. 09.03.2023. URL: <https://news.err.ee/1608909179/ekre-appeals-e-vote-result-at-supreme-court> (дата обращения 05.07.2023).

20. Избирательная комиссия не обнаружила нарушения прав Мартина Хельме (на эстонском языке). ERR.ee. 13.03.2023. URL: <https://www.err.ee/1608913763/valimiskomisjon-martin-helme-oiguste-rikkumist-ei-tuvastanud> (дата обращения 05.07.2023).

21. Центристы не знают, где находится оригинал соглашения с «Единой Россией». ERR.ee. 17.03.2023. URL:

<https://rus.err.ee/1608535252/centristy-ne-znajut-gde-nahoditsja-original-soglasheniya-s-edinoj-rossiej> (дата обращения 05.07.2023).

22. Петров Г. Русские проиграли эстонские выборы. Новый парламент прибалтийской страны будет правоконсервативным и проукраинским. Независимая газета. 06.03.2023. URL: https://www.ng.ru/world/2023-03-06/6_8674_estonia.html (дата обращения 05.07.2023).

23. Wright H. Top six takeaways from Estonia's 2023 Riigikogu elections. ERR.ee. 06.03.2023. URL: <https://news.err.ee/1608905345/top-six-takeaways-from-estonia-s-2023-riigikogu-elections> (дата обращения 05.07.2023).

24. Gallery: Reform, Eesti 200 and SDE sign coalition agreement. ERR.ee. 10.04.2023. URL: <https://news.err.ee/1608943229/gallery-reform-eesti-200-and-sde-sign-coalition-agreement> (дата обращения 05.07.2023).

25. Tanner J. Estonia's Parliament approves PM Kaja Kallas's 3rd Cabinet. INDEPENDENT. 12.04.2023. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/kaja-kallas-ap-cabinet-european-parliament-baltic-b2318583.html> (дата обращения 05.07.2023).

26. Kaja Kallas. Pantheon.world. URL: https://pantheon.world/profile/person/Kaja_Kallas (дата обращения 05.07.2023).

References

1. Guseletov B.P. Obshcheevropeiskie partii v XXI veke: stanovlenie, razvitie, perspektivy. Doklady IE RAN. №388, Moskva, 2022 g. 196 s.

2. Konstitutsiya Estonskoi respubliki. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/estonia.pdf> (data obrashcheniya 05.07.2023).

3. Yuri Ratas ukhodit v otstavku s posta prem'er-ministra. ERR.ee. 13.01.2021. URL: <https://rus.err.ee/1608071536/juri-ratas-uhodit-v-otstavku-s-posta-premer-ministra> (data obrashcheniya 05.07.2023).

4. Kaya Kallas ofitsial'no ob'yavila ob otstavke pravitel'stva. ERR.ee. 14.07.2023. URL: <https://rus.err.ee/1608656905/kaja-kallas-ofitsialno-objavila-ob-otstavke-pravitel'stva> (data obrashcheniya 05.07.2023).

5. Prezident utverdil v dolzhnosti novoe pravitel'stvo, a ministry prinesli prisjagu. ERR.ee. 18.07.2023. URL: <https://rus.err.ee/1608660565/foto-prezident-utverdil-v-dolzhnosti-novoe-pravitel'stvo-a-ministry-prinesli-prisjagu> (data obrashcheniya 05.07.2023).

6. Rofe Zh. Estoniya odobrila novyi paket voennoi pomoshchi dlya Ukrainy. Deutsche Welle. 19.08.2022. URL: <https://amp.dw.com/ru/estonia-odobrila-novyj-paket-voennoj-pomosi-dla-ukrainy/a-62860551> (data obrashche-niya 05.07.2023).

7. Estonia election: Soaring inflation and weapon deliveries to Ukraine top voter concerns. Euronews. 05.03.2023. URL: <https://www.euronews.com/2023/03/05/estonia-election-soaring-inflation-and-weapon-deliveries-to-ukraine-top-voter-concerns/> (data obrashcheniya 05.07.2023).

8. Whyte A. Watch again: AmCham/FICE pre-election political party de-bate. ERR.ee. URL: <https://news.err.ee/1608871619/watch-again-amcham-fice-pre-election-political-party-debate> (data obrashcheniya 05.07.2023).

9. Ehin P., Talving L. Estonia: A scene set by the preceding national election piret ehin and liisa talving / De Sio, L., Franklin, M.N. and Russo L. (eds), The European Parliament Elections of 2019, Luiss University Press, Rome, 2019.

10. Pott T. Political parties try to woo voters with tax cut promises. ERR.ee. 15.02.2023. URL: <https://news.err.ee/1608885440/political-parties-try-to-woo-voters-with-tax-cut-promises> (data obrashcheniya 05.07.2023).

11. Tanner J. Ukraine ally Kallas fights for reelection in Estonia vote. The associated Press. 04.03.2023. URL: <https://apnews.com/article/estonia-parliamentary-election-ukraine-russia-war-kallas-757d969e3b76312962292898c6c59bcc> (data obrashcheniya 05.07.2023).

12. Saar E. and Lauri T. Analysis: Election programs ignore problems of education inequality. ERR.ee. 28.02.2023. URL: <https://news.err.ee/1608899732/analysis-election-programs-ignore-problems-of-education-inequality> (data obrashcheniya 05.07.2023).

13. Raiste A. Political parties pledge more direct democracy, a more efficient Riigikogu. Bruegel. 17.02.2023. URL: <https://www.bruegel.org/working-paper/state-china-european-union-economic-relations> (data obrashcheniya 05.07.2023).

14. Saarts T. Tynis Saarts: nashi partii predprinimayut strannye popytki latvizirot' estonskuyu demokratiyu. ERR.ee. 20.02.2023. URL: <https://rus.err.ee/1608891251/tynis-saarts-nashi-partii-predprinimajut-strannye-popytki-latvizirot-jestonskuju-demokratiju> (data obrashcheniya 05.07.2023).

15. REITINGUD. Norstat. 05.03.2023. URL: <https://reitingud.ee/reitingud/> (data obrashcheniya 05.07.2023).

16. Duxbury C. Estonia's incumbent leader Kaja Kallas on course for election win. POLITICO.EU. 06.03.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/estonia->

election- incumbent-prime-minister-kaja-kallas-ekre-reform-party-on-course-for-win/ data obrashcheniya 05.07.2023).

17. Hääletamis - ja valimistulemus. Web site of Estonian electoral committee. 08.03.2023. URL: <https://rk2023.valimised.ee/et/election-result/index.html> (data obrashcheniya 05.07.2023).

18. Eesti Vabariik kokku. Web site of Estonian electoral committee. 20.04.2020. URL: <https://rk2019.valimised.ee/et/election-result/election-result.html>. (data obrashcheniya 05.07.2023).

19. EKRE appeals e-vote result at Supreme Court. ERR.ee. 09.03.2023. URL: <https://news.err.ee/1608909179/ekre-appeals-e-vote-result-at-supreme-court> (data obrashcheniya 05.07.2023).

20. Izbiratel'naya komissiya ne obnaruzhila narusheniya prav Martina Khel'me (na estonskom yazyke). ERR.ee. 13.03.2023. URL: <https://www.err.ee/1608913763/valimiskomisjon-martin-helme-oiguste-rikkumist-ei-tuvastanud> (data obrashcheniya 05.07.2023).

21. Tsentristy ne znayut, gde nakhoditsya original soglasheniya s «Edinoi Rossiei». ERR.ee. 17.03.2023. URL: <https://rus.err.ee/1608535252/centristy-ne-znajut-gde-nahoditsja-original-soglasheniya-s-edinoj-rossiej> (data obrashcheniya 05.07.2023).

22. Petrov G. Russkie proigrali estonskie vybory. Novyi parlament pribaltiiskoi strany budet pravokonservativnym i proukrainskim. Neza-visimaya gazeta. 06.03.2023. URL: https://www.ng.ru/world/2023-03-06/6_8674_estonia.html (data obrashcheniya 05.07.2023).

23. Wright H. Top six takeaways from Estonia's 2023 Riigikogu elections. ERR.ee. 06.03.2023. URL: <https://news.err.ee/1608905345/top-six-takeaways-from-estonia-s-2023-riigikogu-elections> (data obrashcheniya 05.07.2023).

24. Gallery: Reform, Eesti 200 and SDE sign coalition agreement. ERR.ee. 10.04.2023. URL: <https://news.err.ee/1608943229/gallery-reform-eesti-200-and-sde-sign-coalition-agreement> (data obrashcheniya 05.07.2023).

25. Tanner J. Estonia's Parliament approves PM Kaja Kallas's 3rd Cabinet. INDEPENDENT. 12.04.2023. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/kaja-kallas-ap-cabinet-european-parliament-baltic-b2318583.html> (data obrashcheniya 05.07.2023).

26. Kaja Kallas. Pantheon.world. URL: https://pantheon.world/profile/person/Kaja_Kallas (data obrashcheniya 05.07.2023).

НАШИ АВТОРЫ

АББАСОВ Гусейн Аббас оглы – аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия).

ABBASOV Huseyn – postgraduate student of the Department of public policy and history of state and law of the RUDN University (Moscow, Russia).
E-mail: huseynabb@yahoo.com SPIN-код: 9755-4876

АВЦИНОВА Галина Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры политологии и прикладной политической работы, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия).

AVTSINOVA Galina – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Political Science and Applied Political Work, Russian State Social University (Moscow, Russia).
E-mail: avtsinov@rambler.ru SPIN-код: 6686-5697

ВАСИЛЬЕВА Дарья Александровна – студентка факультета социально-политических наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

VASILYEVA Daria – student of the Faculty of Social and Political Sciences, Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).
E-mail: daria_250600@mail.ru

ГУСЕЛЕТОВ Борис Павлович – доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт Европы РАН (Москва, Россия).

GUSELETOV Boris – doctor of political sciences, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of Europe Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: bguseletov@mail.ru SPIN-код: 1360-6779

КАМИНЧЕНКО Дмитрий Игоревич – кандидат политических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Область научных интересов: политические институты, процессы и технологии.
KAMINCHENKO Dmitry – PhD of Political Sciences, Nizhny Novgorod state university (Nizhny Novgorod, Russia).
Science interests: political institutions, processes and technologies.
E-mail: dmitkam@inbox.ru SPIN-код: 4176-7427

КОЖЕВНИКОВА Маргарита Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент; старший преподаватель 9 кафедры (иностранных языков), Военный университет имени князя Александра Невского (Москва, Россия).

KOZHEVNIKOVA Margarita – PhD in linguistics, senior lecturer of the Department 9 of Foreign Languages, Military University Named After Prince Alexander Nevsky (Moscow, Russia).
E-mail: margarita1962@list.ru SPIN-код: 8708-9363

КОЛОЗОВ Даниил Павлович – магистрант, направление политология, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия).

KOLOZOV Daniil – master's degree student, Kuban state university, (Krasnodar, Russia).

E-mail: daniil.kolozov@mail.ru

SPIN-код: 6553-8962 ORCID: 0009-0003-6575-636X

КУДИНОВА Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, сотрудник, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (Орел, Россия).

KUDINOVA Tatyana – PhD in philology, employee, Academy of federal guard service (Orel, Russia).

E-mail: praem3@oreluniver.ru

SPIN-код: 4418-7406

МАЛИК Елена Николаевна – кандидат политических наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (Орел, Россия).

MALIK Elena – PhD of political sciences, associate professor, employee, Academy of federal guard service (Orel, Russia).

E-mail: malik57-elena@mail.ru

SPIN-код: 7241-3793

МЕРКУЛОВ Павел Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орел, Россия).

MERKULOV Pavel – doctor in history, professor head of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Orel, Russia).

E-mail: concilium.rectors.orel@yandex.ru

SPIN-код: 5625-2900

САВИНОВА Елена Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орел, Россия).

SAVINOVA Elena – PhD in political sciences, associate professor of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Orel, Russia).

E-mail: SavinovaE.N@yandex.ru

SPIN-код: 7132-4969

САМАРКИНА Ирина Владимировна – доктор политических наук, доцент, декан факультета управления и психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия).

SAMARKINA Irina – doctor of political sciences, associate professor, Dean of the faculty of management and psychology, Kuban state university (Krasnodar, Russia).

E-mail: smrkn@mail.ru

SPIN-код: 9261-7641 ORCID: 0000-0002-0205-8543

СОКОЛОВ Александр Владимирович – доктор политических наук, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

SOKOLOV Alexander – Doctor of political sciences, head, Department of social and political theories, Demidov Yaroslavl state university (Yaroslavl, Russia).

E-mail: alex8119@gmail.com

SPIN-код: 9573-5606

ТЮРИН Евгений Анатольевич – кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орел, Россия).

TURIN Evgeny – PhD in political sciences, associate professor of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Orel, Russia).

E-mail: Turin.of.Foveran@yandex.ru SPIN-код: 9754-2868

ШЕДИЙ Мария Владимировна – доктор социологических наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (Орел, Россия).

SHEDIJ Maria – doctor of sociology, associate professor, employee, Academy of federal guard service (Orel, Russia).

E-mail: m_v_shedij@mail.ru

SPIN-код: 6460-3102

ЩЕНИНА Ольга Геннадьевна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии, Институт социологии Российской академии наук (Москва, Россия).

SHCHENINA Olga – PhD in political sciences, Leading Researcher of the Department for Research of Social and Political Relations Center for political science and political sociology Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: oschenina@mail.ru

SPIN-код: 9871-8259

THE CONTENTS

DIGITAL YOUTH, NEW POLICY VECTORS

A. Sokolov, D. Vasilyeva

STUDENTS' PERCEPTION OF THE CONTENT OF POLITICAL SUBJECTS
ON THE VKONTAKTE SOCIAL NETWORK:
LEADING STIMULI AND THEIR INTERPRETATION

6

G. Avtsinova, M. Kozhevnikova

MASS MEDIA AS AN INSTITUTION OF SOCIALIZATION OF RUSSIAN YOUTH
IN THE CONTEXT OF INFORMATION WARFARE

25

E. Malik, T. Kudinova, M. Shedij

SOCIAL MEDIA AS AGENTS OF YOUTH INTERNETIZATION:
BENEFITS AND RISKS

50

D. Kaminchenko

FEATURES OF THE NETWORK IDENTITY OF MODERN STUDENTS THROUGH
THE PRISM OF THE PUBLIC AND POLITICAL ROLE PERCEPTION OF LOCAL
INTERNET COMMUNITIES

71

I. Samarkina, D. Kolozov, V. Ermakova

POLITICAL PARTICIPATION OF YOUTH IN CONDITIONS
OF THE EXPANSION OF THE SOCIO-POLITICAL SPACE OF RUSSIA
AND THE CONSOLIDATION OF RUSSIAN SOCIETY

94

H. Abbasov

FORMATION AND DEVELOPMENT OF YOUTH POLICY IN THE CONTEXT OF
TRANSNATIONAL PROCESSES: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

118

P. Merkulov, E. Turin, E. Savinova

FORMATION POLICY DIGITAL CULTURE OF YOUTH IN SCOTLAND:
STRATEGIES, REALITIES, ASSESSMENTS

143

O. Shchenina

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE EDUCATIONAL COMPONENT
OF THE STATE YOUTH POLICY

163

B. Guseletov

PARLIAMENTARY ELECTIONS IN ESTONIA:
LIBERAL'S VICTORY AND CONSERVATORS'S DEFEAT

180

OUR AUTHOR

195

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 20.08.2023
Дата выхода в свет 31.08.2023

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.iopn.ru

Свободная цена
Индекс подписки по каталогу
«Пресса России» 15130

© НИИ общественных и политических
наук, 2023.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdansky st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

© Institute of Social and Political
Sciences, 2023.